

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Шипунова Марина Николаевна

ОБМАН КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

Специальность: 5.1.4 Уголовно-правовые науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:

Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Коняхин Владимир Павлович

Краснодар, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ВИДЫ ОБМАНА	21
1.1. Обман как <i>modus operandi</i> : этимологический, социально-психологический и философско-этический анализ.....	21
1.2. Понятие и виды обмана.....	38
1.3. Пределы преступного обмана.....	57
ГЛАВА II. ОБМАН КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	80
2.1. Формы проявления обмана-способа в уголовном законе и его юридическое значение.....	80
2.2. Особенности и проблемы квалификации преступлений, совершаемых путем обмана.....	100
ГЛАВА III. ОБМАН КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ	131
3.1. Обман как преступление: понятие и виды.....	131
3.2. Особенности и проблемы квалификации обмана как преступления.....	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	176
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	185
ПРИЛОЖЕНИЕ	209

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Обман сопровождает человечество на протяжении всей истории, а каждую личность – всю ее жизнь. В русской культурологической традиции сложилось вполне четкое неприятие и порицание обмана с представлением об идеале человеческого поведения, заключающегося прежде всего в том, чтобы жить по правде. Подчеркивая место и роль правды в языковом сознании народа, Н.К. Михайловский пишет: «Как велик дух русского народа, уразумевший родственность истины и справедливости, самым языком свидетельствующим, что для него справедливость есть только отражение истины в мире практическом»¹.

Однако же надо признать и очевидное – отношение к обману нельзя определить как исключительно негативное. Было бы наивным говорить о том, что человек всегда осуждает обман и не может в отдельных случаях относиться к нему одобрительно или даже с восхищением. Все это имеет место как в нашем индивидуальном, так и коллективном сознании. В философской литературе напрямую говорится об эволюционной обусловленности обмана: «"Первичный обман", возникший в процессе эволюции, носил защитный характер, и это составляет глубинную предпосылку "благодетельности" некоторых видов обмана, сложившихся в ходе антропогенеза»².

Литература, театр и кино во многом представляют собой институционализированные формы вымысла, конвенционального и хорошо организованного обмана общественности. Тем сложнее и еще более занимательным представляется определение положения обмана в праве.

Доверие является одним из основных показателей здоровья и благополучия общества. Высокий уровень доверия повышает качество жизни, служит

---

¹ Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде // Соч. В 6 т. Т. 4. СПб., 1897. С. 384.

² Дубровский Д.И. Проблема добродетельного обмана. Кант и современность // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 30.

укреплению демократических институтов и гражданского общества, способствует развитию экономики. Последние социологические исследования, проведенные в России, демонстрируют кризисные явления в этой сфере. Согласно результатам опроса ВЦИОМ (июнь 2023 г.), 48% граждан с разной степенью определенности ответили утвердительно на вопрос о том, доверяют ли друг другу жители страны; 44 % – ответили отрицательно. По мнению 15% опрошенных, установлению доверия прежде всего препятствует ложь и лицемерие¹.

Проблема борьбы за истину имеет не мифологизированный, а вполне реальный и жизненно необходимый характер. Только точное знание о явлении может служить опорой для принятия верных решений, иногда влияющих на будущее всего человечества. Неслучайно, что о важности защиты истины, о необходимости непреклонной борьбы с ложью напрямую заявляет глава российского государства Владимир Владимирович Путин: «Правду утопили в океане мифов, иллюзий и фейков, используя за пределами агрессивную пропаганду, врут напрапалую, как Геббельс: чем невероятнее ложь, тем быстрее в нее поверят. Вот так и действуют по этому принципу»².

В соответствии со Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы одним из ключевых приоритетов названо формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений³.

---

¹ Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник», 18 июня 2023 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95% не превышает 2,5% // Нужно доверять друг другу! Или нет? / ВЦИОМ, 29 июня 2023 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nuzhno-doverjat-drug-drugu-ili-net> (дата обращения: 21.10.2023).

² Путин заявил, что Запад использует пропаганду по заветам Геббельса // ТАСС, 30 сентября 2022 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/politika/15921337?ysclid=lo36tmm8k6116129393> (дата обращения: 23.10.2023).

³ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

В соответствии с Военной доктриной Российской Федерации к основным внутренним военным опасностям отнесена деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества¹.

Всё это указывает на то, что одним из приоритетных направлений в обеспечении национальной безопасности страны является противодействие «информационному мусору», в том числе целенаправленному деструктивному информационному воздействию на массовое сознание.

В действующем уголовном законодательстве России содержится значительное количество норм об ответственности за обманное поведение. Последние годы убеждают в стремлении законодателя последовательно расширять этот перечень. Новые формы криминального обмана появляются то в одном, то в другом разделе уголовного закона. Направленность соответствующих посягательств, их описание с точки зрения юридической техники, модели дифференциации ответственности и пенализация – всё имеет весьма неоднообразный характер. Само по себе это еще не свидетельствует о каком-либо упущении со стороны законодателя, однако требует пристального внимания доктрины. Определение круга обманных преступлений, установление их места и удельного веса в Особенной части действующего УК РФ, позволяет полнее раскрыть и уточнить их уголовно-правовую характеристику, сформулировать и разрешить проблемные вопросы квалификации, в том числе разграничения данных преступлений.

Анализ современной правоприменительной практики показывает, что судебные органы испытывают трудности и допускают ошибки при квалификации преступлений, совершаемых путем обмана, равно как и преступного распространения недостоверной информации.

---

¹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета, № 298, 30.12.2014.

Кроме того, в условиях экспоненциального развития цифровых технологий, позволяющих использовать биометрические данные человека для введения в заблуждение других лиц, проблема противодействия обману средствами механизма уголовно-правовой охраны приобретает новую актуальность и практическую значимость. Тема эта только начинает привлекать внимание специалистов, хотя уже вызвала широкое обсуждение в обществе. Нельзя не видеть те глобальные риски, которые несут с собой информационные технологии с учетом развития сервисов электронного правительства и цифровой экономики.

Указанное позволяет выделить самостоятельную проблему уголовно-правового противодействия общественно опасным формам обманного поведения. Ее решение предполагает выявление и анализ тенденций развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за обманные преступления, установление закономерностей, характерных для структуры конкретных уголовно-правовых норм, критериев их отграничения друг от друга и от смежных составов преступлений.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Обман как уголовно-правовой феномен не так часто становился предметом научного исследования. Как правило, его изучение осуществлялось в контексте разработки проблем более частного порядка, посвященных противодействию отдельным преступлениям, совершаемым обманным способом. И здесь, вне всяких сомнений, первое место принадлежит исследованиям в области мошеннического обмана.

Однако же нельзя говорить о том, что специальных исследований, посвященных содержанию и значению обмана в уголовном праве, не было вовсе. Здесь необходимо сослаться на фундаментальные работы Р.А. Сабитова¹. Настоящая работа во многом написана благодаря заочной полемике с этим

---

¹ См.: Сабитов Р.А. Криминальные обманы и фальсификации: монография. М., 2019.

уважаемым ученым. Кроме того, отдельно следует выделить специальные исследования Ю.Ю. Малышевой¹ и С.Ю. Романова².

Особое место в разработке исследуемой темы принадлежит сочинению И.Я. Фойницкого «Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. В 2 частях». Хотя исследование было написано в 1871 г., оно не утратило своей актуальности и практической значимости до наших дней. Обобщения, выводы и рекомендации И.Я. Фойницкого относительно уголовно-правовой оценки обмана отличаются строгой аргументацией и глубоким пониманием природы явления.

Из иных работ, в которых частично разрабатывалась тема обмана в уголовном праве, следует указать на труды А.В. Архипова, Л.А. Букалеровой, Г.А. Есакова, И.А. Клепицкого, Н.А. Лопашенко, К.В. Ображиева, Р.Б. Осокина, В.В. Хилюты, П.С. Яни, Б.В. Яценко и др.

Исследования указанных авторов, несомненно, внесли значительный вклад в развитие отечественной науки уголовного права об обмане. Ценность их неоспорима и позволяет говорить о том, что проблема обмана в уголовном праве была в своё время выделена, поставлена перед доктриной как самостоятельная задача и в известной степени разработана. Вместе с тем до настоящего времени положение обмана в структуре механизма уголовно-правовой охраны четко не определено, отсутствуют решения по многим вопросам квалификации преступлений, совершаемых обманным способом. Кроме того, обман как феномен продолжает получать в отечественном уголовном законе всё новые формы, которые требуют своего критического анализа, в том числе для осмысления возможных перспектив развития УК РФ.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, сложившиеся в сфере установления, дифференциации и реализации уголовной ответственности за обманное поведение. Содержание данных

---

¹ См.: Малышева Ю.Ю. Обман как способ совершения преступлений по уголовному праву России. Казань, 2011.

² См.: Романов С.Ю. Обман как способ преступной деятельности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Харьков, 1998.

отношений имеет сложный (многоуровневый) характер и объединяет такие явления как отношение к обману в обществе, обывательские и научные воззрения относительно необходимости противодействия обману, в том числе средствами уголовной репрессии, правовые формы ответственности за обманное поведение, а также конкретное их воплощение в жизни на уровне правоприменения.

Предмет диссертационного исследования составляют нормы международного, отечественного и зарубежного законодательства, материалы судебной практики, статистические данные о преступлениях, совершаемых путем обмана, труды отечественных и зарубежных специалистов по теме научного исследования.

Цель и задачи диссертационного исследования. Общей исследовательской целью работы является получение нового научного знания о содержании и уголовно-правовом значении обмана, разработка научно обоснованных рекомендаций по квалификации преступлений, совершаемых путем обмана.

Достижение поставленной цели предопределило постановку и последовательное решение следующих **задач**:

- осуществить этимологический, социально-психологический и философско-этический анализ обмана как модели поведения человека;
- сформулировать понятие обмана в уголовном праве и выделить его виды;
- разработать проблему определения пределов преступного обмана;
- раскрыть уголовно-правовое значение обманного способа совершения преступления;
- проанализировать особенности и проблемы квалификации преступлений, совершаемых путем обмана;
- разработать проблему обмана как преступления по российскому уголовному законодательству;

- проанализировать особенности и проблемы квалификации обмана как преступления;

- обосновать предложения по совершенствованию правоприменительной практики и действующего уголовного законодательства в части установления и дифференциации ответственности за обманные преступления.

Методология и методика диссертационного исследования представлена сочетанием общенаучных и специальных методов познания. Работа базируется на таких общих методах, как анализ, синтез, восхождение от абстрактного к конкретному и др.

Историко-правовой метод использовался для объяснения действующего состояния отдельных положений отечественного уголовного закона и при объяснении отдельных особенностей сложившейся практики (например, в пояснении «фикционного обмана»).

Сравнительно-правовой метод был также задействован избирательно преимущественно в целях демонстрации возможных перспективных решений для дальнейшего совершенствования УК РФ.

Формально-логический анализ права выступает центральным методом исследования. Именно его применение лежит в основе всех полученных результатов работы. Вместе с тем односторонность догматического взгляда на предмет по возможности была преодолена стремлением исследовать конкретные нормы уголовного закона в динамике с учетом осмысления процессов их реализации в конкретных правоотношениях.

Конкретно-социологические методы (наблюдение, анализ документов и материалов периодической печати, электронных ресурсов, анкетирование и интервьюирование) позволили сформировать эмпирическую основу работы, верифицировать отдельные выводы и теоретические гипотезы.

Теоретической основа диссертационного исследования представлена трудами таких ученых как А.В. Архипов, А.В. Иванчин, Н.Г. Кадников, А.Г. Кибальник, И.А. Клепицкий, В.П. Коняхин, В.Н. Кудрявцев, Н.А. Лопашенко, Ю.Ю. Малышева, К.В. Ображиев, Р.Б. Осокин, Ю.Е. Пудовочкин,

С.Ю. Романов, Е.А. Русскевич, Р.А. Сабитов, В.В. Хилюта, И.Я. Фойницкий, П.С. Яни и др.

Познание природы обмана как модели поведения человека потребовало выйти за пределы юридической доктрины и обратиться к исследованиям в области психологии, философии, социологии и лингвистики таких авторов как Р.Г. Апресян, А.А. Гусейнов, А.О. Дик, В.С. Кучко, Е.Н. Маркина, Ю.В. Щербатых и др.

Интерес к теме и значительное влияние на само исследование оказала работа П. Экмана «Психология лжи», а также труды в этой области известного отечественного ученого Д.И. Дубровского.

Нормативная основа диссертационного исследования представлена Конституцией Российской Федерации, нормами международного и отечественного уголовного права, рядом федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, корреспондирующими нормами уголовного законодательства некоторых зарубежных стран.

В эмпирическую базу диссертации входят следующие материалы:

– официальная статистика о применении уголовно-правовых норм об ответственности за обманные преступления (ст. 110¹, 128¹, 139, 150, 159-159⁶, 165, 207¹, 207² и др.), за период с 2010 по 2023 г.;

– постановления Пленума Верховного Суда РФ; постановления и определения Верховного Суда РФ по конкретным делам; 176 судебных решений (приговоров и постановлений) и 45 материалов уголовных дел по делам о преступлениях, совершаемых обманым способом (ст. 110¹, 128¹, 139, 150, 159-159⁶, 165, 207¹, 207² и др.), за период с 2000 по 2023 г.;

– данные анкетирования 235 респондентов (55 судей, 35 прокуроров и их помощников, 50 представителей органов предварительного расследования, 30 адвокатов, 65 кандидатов и докторов юридических наук по основным теоретическим и практическим вопросам, связанным с уголовно-правовым значе-

нием обмана) в следующих регионах: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, Волгоградская область, Воронежская область, Липецкая область, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край.

- результаты, полученные другими исследователями;
- результаты обобщения информации, опубликованной на протяжении с 2010 г. по 2023 г. в печатных и онлайн-изданиях.

Научная новизна диссертации определяется тем, в что в ней изложены новаторские положения и выводы, развивающие и углубляющие теоретические представления об уголовно-правовом значении обмана. В диссертации обоснована необходимость отказа от узкой интерпретации обмана как способа совершения отдельных преступлений, доказано, что обман, будучи сложной, амбивалентной и универсальной формой поведения, имеет более широкое уголовно-правовое значение и оказывает непосредственное влияние как на применение положений Общей, так и Особенной части УК РФ.

В работе представлено новое определение обмана как уголовно-правового феномена, разработана его классификация, которая включает в себя не только преступный обман, но и уголовно-нейтральный, и уголовно-охраняемый обман. В диссертации обосновано принципиальное деление обманного преступления на две группы: преступление, совершаемое обманным способом, и обман-преступление *per se* (обман как преступление). Работа содержит оригинальные решения многих проблем, возникающих в настоящее время при квалификации обманного поведения согласно положениям УК РФ.

В диссертации разработаны обладающие новизной предложения, направленные на совершенствование действующего законодательства. Так, в свете процессов цифровизации и развития технологий искусственного интеллекта автор обосновал предложение о выделении в системе дифференциации ответственности исследуемых преступлений квалифицирующего признака «с использованием поддельных аудиовизуальных материалов, имитирующих биометрические данные другого человека».

В ходе проведения исследования были обоснованы следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Положения, развивающие отечественную теорию уголовного права:

1.1 В исследовании обмана как уголовно-правового феномена необходимо исходить из того, что обман как модель поведения человека (*modus operandi*) характеризуется естественностью и коммуникативной функциональностью. Нельзя представить общество, которое было бы свободно от индивидуального и коллективного обмана. Этико-философское понимание обмана указывает на его амбивалентность, при которой отношение к явлению находится в прямой зависимости от цели поведения субъекта.

1.2 В зависимости от своего правового значения обосновывается классификация обмана на преступный, уголовно-охраняемый и уголовно-нерелевантный:

- *преступный обман* – умышленное противоправное воздействие (активное либо пассивное) на психику другого человека, направленное на возникновение либо поддержание ложного знания относительно фактов, событий, явлений или иных обстоятельств, причиняющее вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям либо создающее угрозу причинения такого вреда;

- *уголовно-охраняемый обман* – это осознанное воздействие (активное либо пассивное) на психику другого человека, направленное на возникновение либо поддержание ложного знания относительно фактов, событий, явлений или иных обстоятельств, санкционированное государством в целях обеспечения прав и законных интересов личности, общества или государства;

- *уголовно-нерелевантный обман* – это осознанное воздействие (активное либо пассивное) на психику другого человека, направленное на возникновение либо поддержание ложного знания относительно фактов, событий, яв-

лений или иных обстоятельств, причиняющее вред объекту уголовно-правовой охраны, однако признаваемое государством допустимым при наличии предусмотренных законом оснований;

1.3 Под *пределами преступного обмана* следует понимать ограничения, устанавливаемые на уровне законодательства, актов судебного толкования либо выработанные доктриной уголовного права, определяющие допустимость признания обмана способом совершения преступления либо самостоятельным преступлением. Пределы преступного обмана определяются факторами, имеющими разное происхождение и, соответственно, природу:

- правомерный и (или) социально допустимый характер обманного поведения (меры безопасности в отношении охраняемых законом лиц, оперативный эксперимент, предсказатели будущего, фокусники, склонение к интимной близости с обещанием жениться и т.п.);

- об обмане в уголовно-правовом значении нельзя говорить в том случае, когда распространяемая неправда имеет форму аллегории, иронии, шутки и т.п., когда она выполняет не информационную, а коммуникативную функцию;

- пределы преступного обмана также определяются признаками адресата (способностью лица к восприятию передаваемой информации);

- пределы преступного обмана связаны с содержанием распространяемой информации (невозможность обмана в оценочных суждениях и явлениях, в отношении которых отсутствует мерило достоверности);

- пределы преступного обмана как самостоятельного преступления определяются общими критериями криминализации деяния. Обман может быть признан самостоятельным преступлением при констатации его несомненной общественной опасности, относительной распространенности и не массовости, с условием процессуальной и криминалистической доказуемости обманного деяния и невозможности надлежащего противодействия иными мерами государственного принуждения.

1.4 Обосновывается выделение четырех моделей определения обмана как способа совершения преступления: а) обман напрямую указывается в редакции нормы (непосредственно в диспозиции либо в отдельных случаях в примечании к статье Особенной части УК РФ); б) используются конструкции, содержательно соответствующие обманному способу посягательства (внесение / предоставление недостоверных сведений, заведомо ложное сообщение, подделка, фальсификация и т.п.); в) обманной способ напрямую не указывается в тексте статьи уголовного закона, однако признается на уровне судебного толкования; г) обманной способ совершения преступления поддержан на уровне доктрины уголовного права и правоприменения.

1.5 Систему обманных преступлений в структуре Особенной части УК РФ составляют:

- *преступления, совершаемые обманным способом* (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110¹ УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151² УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ) и др.);

- *преступные обманы* – преступления, совершаемые посредством распространения недостоверных сведений, главной целью которых является формирование и (или) поддержание ложного знания у конкретного человека либо неограниченного круга лиц относительно определенных фактов, событий, явлений, процессов и т.п. (публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), реабилитация нацизма (ст. 354¹ УК РФ) и др.);

- *преступные подлоги и фальсификации* – преступления, не предполагающие в содержании объективной стороны воздействие на психику другого человека, однако основной целью которых также является создание и (или) распространение заведомо ложной либо искаженной информации (фальсифика-

ция избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования (ст. 142 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков (ст. 327 УК РФ) и др.

1.6 Проведенное исследование позволило установить объективную зависимость значительного расширения криминализации обмана, от экстраординарных условий – военных конфликтов, эпидемий, революций и иных социально-политических потрясений. С учетом этого предлагается деление обманных преступлений на *ординарные (естественные)* и *экстраординарные*. Естественная криминализация обмана основывается на необходимости защиты прав и законных интересов личности, общества и государства от клеветы, ложных доносов, лжесвидетельства и документальных подлогов – она обеспечивает охрану непреходящих и неоспоримых ценностей. В свою очередь, экстраординарные криминальные обманы являются ответом на социальные потрясения (война, революция, пандемия и т.п.), значительно ограничивают свободу слова и самовыражения, весьма серьезно повышают риски уголовной репрессии, однако имеют, как правило, временный характер.

В современных условиях отечественное уголовное законодательство проходит этап экстраординарной криминализации обманного поведения, вызванный вначале обстановкой мировой эпидемии Covid-19, а позднее осложнением международной обстановки и усилением внутривнутриполитических противоречий. Признание этого факта дает как трезвое понимание вынужденности и необходимости конкретных решений, так и вполне четкое представление о сопутствующих тому рисках, прежде всего на уровне правоприменения.

1.7 Обоснован вывод о состоятельности закрепления обмана как отягчающего обстоятельства в составах со специальным субъектом, где механизм посягательства связан с системой отношений, основанных на доверии (ст. 201, 202, 285, 285¹, 285² УК РФ и др.).

1.8 С учетом процессов цифровизации обоснована конструкция нового отягчающего обстоятельства (квалифицирующего признака) в системе

индивидуализации (дифференциации) уголовной ответственности: «с использованием поддельных аудиовизуальных материалов, имитирующих биометрические данные другого человека».

2. Положения, развивающие правоприменительную практику:

2.1 При квалификации мошеннических действий правоприменением упускается из виду обманное проникновение виновных в жилое помещение потерпевших. В отличие от ст. 158 УК РФ норма об ответственности за мошенничество не охватывает деяние, связанное с незаконным проникновением в жилище (ст. 139 УК РФ). Содеянное необходимо квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 139 УК РФ и ст. 159 УК РФ.

2.2 При передаче денежных средств под контролем правоохранительных органов в ходе осуществления специальных мероприятий, направленных на выявление и пресечение мошенничества, содеянное следует квалифицировать по соответствующей части ст. 159 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ. В ситуациях, когда виновный своими действиями нарушает порядок проведения оперативно-разыскного мероприятия и скрывается от правоохранительных органов с денежными средствами, содеянное содержит признаки оконченого преступления. При этом потерпевшим должен признаваться тот субъект, который предоставил денежные средства для проведения оперативно-разыскных мероприятий.

2.3 При соучастии в зависимости от разделения ролей обманное поведение может быть осуществлено как единолично, так и в отдельности каждым соучастником. Соответственно, разработчик и (или) администратор сайта с ложной информацией о продаже товаров (оказании услуг), равно как и лицо, непосредственно осуществляющее переговоры с потерпевшими по телефону, являются соисполнителями в групповом мошенничестве.

2.4 Использование обманного способа, заведомо рассчитанного на действие в отношении нескольких лиц (как одномоментно, так и с разрывом во времени), свидетельствует в пользу квалификации содеянного как единичного сложного преступления при сочетании следующих условий: а) заведомой

направленности обманного поведения на двух или более лиц; б) наступлении общих общественно опасных последствий, выразившихся в причинении вреда сразу нескольким лицам в результате единого обманного деяния виновного; в) наличии причинно-следственной связи между обманным поведением виновного и наступившими последствиями. В случаях, когда распространение недостоверных сведений было осуществлено со значительным разрывом во времени и содержательно затрагивало разные события, факты, процессы, содеянное образует реальную совокупность преступлений.

2.5 Склонение к самоубийству обманным способом малолетнего или иного лица, находящего в беспомощном состоянии, образует признаки квалифицированного убийства, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

2.6 При квалификации мошенничества обман в цене возможен в следующих случаях: а) когда цена является фактом (фиксированной, твердой); б) когда цена контракта определена обманным способом в нарушение установленного законом порядка при осуществлении государственных закупок; в) когда ложное завышение цены товара сопряжено с обманом относительно признаков личности виновного (служебного положения, профессиональной принадлежности и т.п.); г) когда обман в цене сопряжен со злоупотреблением ограниченными распознавательными способностями потерпевшего, обусловленные возрастом, неопытностью, плохой информированностью и т.п.

2.7 Обман как способ завладения чужим имуществом при мошенничестве сохраняет свое уголовно-правовое значение до тех пор, пока лицо в процессе осуществления посягательства не прибегнет к угрозам, составляющих содержание ст. 163 УК РФ. При таких обстоятельствах нельзя утверждать о перерастании мошенничества в вымогательство ввиду разной природы данных деяний. В таком случае имеет место добровольный отказ виновного от доведения мошенничества до конца с одновременным предпочтением и реализацией нового посягательства на имущество потерпевшего – вымогательства.

2.8 Уголовно-правовая норма о клевете (ст. 128¹ УК РФ) и ст. 207³ УК РФ не соотносятся между собой как конкурирующие. В случае распространения заведомо недостоверных порочащих сведений о физическом лице, которое сопряжено с обманом относительно деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, содеянное при наличии на то оснований образует идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст. 128¹ УК РФ и ст. 207³ УК РФ.

3. Положения, направленные на совершенствование законодательства:

3.1 Дополнить ст. 207¹ УК РФ, ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ квалифицирующим признаком в редакции: *«в средствах массовой информации или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».*

3.2 Изложить ст. 207² УК РФ в следующей редакции: *«Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, если это деяние совершено неоднократно».* В структуре ст. 207² УК РФ предусмотреть примечание: *«Публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, совершенным лицом неоднократно, признается распространение, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней».*

3.3 Изложить ч. 4 ст. 303 УК РФ в следующей редакции: *«Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий».*

Теоретическая значимость исследования. Выводы, полученные в ходе исследования, вносят свой вклад в развитие отечественной юридической доктрины в части уголовно-правового значения обмана, конкретизации кате-

гориального аппарата, обогащают ее новыми знаниями о пределах преступного обмана – проблеме, которая неоправданно была оставлена без внимания в российской науке. Рекомендации и предложения, нашедшие отражение в диссертации, будут полезны для дальнейшего научного поиска, смогут послужить как опорой для формулирования новых перспективных решений, так и объектом для конструктивной критики.

Практическая значимость исследования. Положения работы прежде всего могут быть использованы для разрешения наиболее актуальных проблем правоприменения. В диссертации особое внимание уделено вопросу отграничения преступлений, совершаемых обманным способом, от смежных составов, что, как известно, вызывает значительные затруднения у судов и органов предварительного расследования. Содержание работы будет полезным для подготовки научных и учебных материалов по дисциплине «Уголовное право», может быть использовано в преподавании. Думается, что авторские предложения по совершенствованию законодательства могут быть приняты во внимание при осуществлении законотворческой деятельности.

На этапе завершения исследования предпринимались конкретные шаги по внедрению отдельных рекомендаций и положений работы в правоприменительную практику и учебный процесс. Отдельные выводы воспринимались специалистами не только как теоретически верные, но и обладающие практической пользой в плане выработки конкретных алгоритмов квалификации посягательств, совершаемых путем обмана.

Достоверность результатов исследования обеспечена совокупностью использованных соискателем методов исследования, значительным объемом подвергнутого анализу национального, международного и зарубежного законодательства, широким кругом изученных научных трудов, репрезентативностью собранного и обобщенного эмпирического материала.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в 7 научных статьях, 5 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Результаты исследования обсуждались на кафедре уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, на которой выполнена диссертация, представлялись на международных и всероссийских научно-практических конференциях: Международной научно-практической конференции «Институциональные основы уголовного права РФ (к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина) (1-2 февраля, 2024 г., г. Краснодар); II Всероссийской конференции «Уголовная политика в условиях цифровой трансформации» (27 апреля 2023 г., г. Казань).

Структура диссертации. Построение работы в целом подчинено поставленным задачам и общей исследовательской цели. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка источников и приложения.

ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ВИДЫ ОБМАНА

1.1 Обман как *modus operandi*: этимологический, социально-психологический и философско-этический анализ

Рассмотрение вопросов, связанных с содержанием и значением обмана в уголовно-правовой плоскости, пожалуй, все же следует начать с выяснения самой природы явления – с определения того, что же представляет из себя обман как модель поведения человека. Сразу следует оговориться, что автор осознает всю сложность подобной задачи, ее, можно сказать, многовековую «туманность». Вместе с тем в специальном по предмету исследовании уголовно-правового значения обмана просто необходимо сформировать некое общетеоретическое основание в части этимологической, социальной, психологической и философской интерпретации явления.

На протяжении многих лет обман как феномен исследовался самыми разными науками. В литературе можно обнаружить многочисленные попытки философского, лингвистического, литературного и иного осмысления обмана. Понятно, что концептуальный анализ обмана не завершен и вряд ли когда-либо будет завершен. Многогранность данного явления, его внутренняя сложность, противоречивость и изменчивость обуславливают и принципиальную неисчерпаемость темы. Однако же человек выявляет последовательное стремление к тому, чтобы добиться определенности в понимании обмана. Пожалуй, это стремление во многом основывается на имманентной тяге человека к истине, той необходимой правде, которая выступает в общественном и индивидуальном сознании как условие достижения общей справедливости. Иными словами, испытывая постоянную потребность в правде, человек изучает ложь.

Отношение к обману не является решенным и в аксиологическом смысле. Обман не всегда оценивается как поведение, имеющее общественно опасный или хотя бы упречный характер. В литературе данная дилемма, как известно, рельефно выведена в произведении Максима Горького «На дне».

Спор между Лукой, исповедующим спасительность лживого утешения, и Сатиным, для которого отказаться, отвернуться от правды недостойно человека, как известно, не решен. В известном смысле обман проявляет себя как допустимый *modus operandi* в экономической деятельности (предпринимательская смекалка), в здравоохранении (плацебо) и даже в правоохранительной сфере (оперативный эксперимент, контрольная закупка и т.п.). В.И. Сергеев справедливо замечает по данному поводу: «Не обманешь – не продашь! Кто не знает этой старинной народной мудрости? Сколько веков существует торговля, столько в ногу с ней шагает обман. В Древней Греции и Древнем Риме боги, отвечающие за торговлю, Гермес и Меркурий, одновременно являлись богами и обмана»¹.

В современной научной литературе, посвященной развитию государственной защиты участников уголовного судопроизводства, обсуждается введение специальной меры безопасности – создание легенды о смерти защищаемого лица². Стоит ли говорить о том, что подобный механизм государственной защиты в целом основан на обмане. Как метко замечает по этому поводу Р.С. Белкин, «стыдливая маскировка слова «обман» специальным термином «легендирование» существа дела не меняет»³.

Начать, пожалуй, следует с погружения в морфологическое строение слова – *обман*. Имеющиеся источники в этимологической области практически единообразно указывают, что существительное *обман* в целом производно и соотносится с глаголом *обманывать*, который, в свою очередь, произведен

---

¹ Сергеев В.И. Обман в предпринимательской деятельности. История вопроса и понятие // Юрист. 2001. № 11. С. 26.

² См.: Алафьев К.М. Инсценировка смерти защищаемого лица как мера безопасности // Российский следователь. 2019. № 10 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»; Бертовская Н.Л. Тактическое дезинформирование как средство оперативно-розыскной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 253-258; Ходасевич О.Н. Определение понятия тактической оперативно-розыскной инсценировки // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2 (3). С. 155-159 и др.

³ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 104.

от глагола *манить, заманивать*. Анализ ряда словарей¹ выявляет множество значений данного глагола: «сознательно вводить кого-либо в заблуждение»; «лгать, говорить неправду»; «совершать мошенничество по отношению к кому-либо»; «не оправдывать чьи-либо ожидания, не держать слово»; «изменить кому-либо в любви»; «соблазнить девушку».

В.С. Кучко справедливо отмечает, что «глагол *обманывать* в основном своем значении «вводить в заблуждение» не называет никакого конкретного действия; при этом как обманные (вводящие в заблуждение) могут быть проинтерпретированы в определенных условиях разные действия»². В этом смысле изучаемое явление сразу проявляет свою многоликость, при которой практически невозможно исчерпывающе очертить формы его непосредственного выражения. Само по себе это уже предвестник и одновременно объяснение тех многих и неизбывных проблем в понимании уголовно-правового определения обмана.

В рамках этимологического анализа подчеркивается, что типическая ситуация обмана должна включать двух участников (актантов) – субъекта обмана (обманщика) и объекта обмана (обманутого, того, кто ему подвергается). Данная мысль является в целом очевидной. Вместе с тем в некотором смысле она представляет отдельный интерес и сложность, поскольку сразу ставит проблему характеристики объекта обмана – кто может выступать таким объектом? Можно ли говорить о надлежащем объекте обмана применительно к малолетним либо престарелым лицам, утратившим способность здраво оценивать реальность? Можно ли признавать объектом обмана компьютерные алгоритмы, а равно любые другие технологические системы, функционирующие на основе хотя бы и искусственного, но все же интеллекта?

---

¹ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1997; Большой толковый словарь русского языка. Институт лингвистических исследований Российской академии наук. СПб., 2000; Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. М., 2009; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2011.

² Кучко В.С. Семантико-мотивационное поле «ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров: автореферат дис. ...канд. филологических наук. Екатеринбург, 2017. С. 10.

Обман характеризуется многозначностью «обманных» лексем, семантические связи весьма значительны: лгать, болтать, баламутить, дурачить, хитрить, пустословить, насмехаться, врать, колдовать, морочить и др. Важно, что в исследованиях по филологии выделяется сквозная для обмана идея – *нарушения прямизны* (кривоязыкий, обути в кривые лапти, кружить и т.п.). Иными словами, на языковом уровне обман отождествляется с чем-то, что запутывает, сбивает с верного пути, не позволяет получить доступ к желаемому. Кроме того, в русском языке обозначение обмана довольно тесно связано с нечистой силой и магией. Нечистая сила, демонический персонаж приравнивается к субъекту обмана. В этом можно усмотреть вполне четко выраженное отрицательное отношение к обманщику.

Как метко пишет по этому поводу Н.Н. Панченко, «...в древних индоевропейских обозначениях лжи выделяются три основных семантических компонента значений, ставшие источником негативной коннотации лжи: нанесение ущерба, сокрытие намерений, искривление / искажение действительности...стереотипность ее восприятия обыденным сознанием проявляется в осмыслении ее как некой «пачкающей» и вредоносной сущности, соприкосновение с которой грязнит, пачкает или причиняет вред, а также как болезни, огня, покрова»¹. Соответственно, можно сделать вывод, что на языковом уровне мы наблюдаем определение природы обмана как поведения, прежде всего, запутывающего, манящего человека и уводящего его от истины, злого поступка и даже связанного с нечистой силой.

Нельзя утверждать о том, что обманное поведение присуще исключительно человеку. Известно, что в природе мимикрия и камуфляж используются как в целях нападения, так и защиты. Животные, насекомые, представители водного мира, отдельные растения «обманывают» для того, чтобы выжить. Наиболее очевидным примером здесь выступает хамелеон. Само по себе

---

¹ Ложь: типы и средства выражения: монография / под науч. ред. канд. пед. наук Т.И. Леонтьевой; канд. филологических наук О.Н. Гнезdechko; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2018. С. 26.

это наблюдение, связанное с присутствием обманных практик среди животных, заставляет сделать вывод о естественности обмана, его онтологической оправданности самой жизнью. Ведь по большому счету манипуляции хамелеона со своим окрасом основаны на понимании окружающей среды, ее свойств, а также на закономерностях поведения представителей иных видов. Более того, эта способность к обману – менять окрас – имеет генетическое происхождение, является наследуемой и принципиально важной для данного вида ящериц с точки зрения выживания.

Здесь, на наш взгляд, необходимо сконцентрировать внимание на идее, которая имеет фундаментальное значение для настоящего исследования – *невозможно представить человеческое общество, где бы безусловная искренность стала нормой*. Если перефразировать эту мысль, получается, что обман при определенных обстоятельствах с точки зрения установившихся социальных отношений тоже *норма*. Действительно, вряд ли можно представить себе живущего ныне человека, который не прибегал бы к обману как к эмоциональному «поглаживанию» собеседника (пожалуй, каждый это практиковал, оказавшись в щекотливой ситуации необходимости высказаться относительно внешнего вида и иных чувствительных черт своего близкого). Как резюмирует по этому поводу Е.Н. Чекушкина, «люди воспринимают ложь как такой феномен межличностной, межгрупповой, межнациональной коммуникации, с которым невозможно бороться, но нужно принимать как данность»¹.

В исследованиях отмечается, что основными характеристиками речевого общения являются конвенциональность и ритуальность. Языковое взаимодействие основывается на сложной системе обоюдных ожиданий участниками коммуникации. Именно поэтому конвенциональная вежливость, некоторые формы ритуального поведения могут быть обманными по содержанию, но не вызывать социального осуждения. Здесь главенствует обычай, сакральный

---

¹ Чекушкина Е.Н. Этико-философский аспект функций феномена обмана // Гуманитарий. 2008. № 7. С. 78.

порядок, который требует конкретного символического поступка как единственно уместного в конкретных условиях. Подобным образом ведут себя все любящие родители по отношению к своим чадам, когда создают и поддерживают у них до известного времени ложное убеждение о существовании Деда Мороза.

Конвенциональность речевого общения крайне важна в понимании сути обмана и в том смысле, что зачастую человек своим поведением демонстрирует бессмертные строки Александра Сергеевича Пушкина:

Ах, обмануть меня не трудно!

Я сам обманываться рад!

Во многих ситуациях человек добровольно соглашается на то, чтобы с ним проделали самые разные манипуляции, отрицающие истину. Здесь можно сослаться не только на фокусы представителей иллюзионного жанра в цирке, но и на предсказания гадалок, обряды колдунов и иных «просветленных», обещания неземных удовольствий от чего бы то ни было. Во всех этих случаях обман либо приобретает лицом как некий продукт, либо допускается по умолчанию. Это имеет весьма важное значение для решения сугубо правовых вопросов, однако подробно об этом будет сказано в последующих частях работы.

Известный российский психофизиолог Ю.В. Щербатых безапелляционно резюмирует по данному вопросу: «Как ни прискорбно осознавать этот факт строгим ревнителем нравственности, но беспристрастное изучение всей человеческой истории показывает нам, что ложь и обман являются неизбежными и неотъемлемыми атрибутами любого человеческого общества»¹.

Имманентность обмана с восхитительной художественной силой выразил английский врач голландского происхождения Б. Мандевиль в своей «Басне о пчелах» (1705 г.). Автор описывает пчелиный улей, в котором утвердились все известные человеческие добродетели и пороки:

---

¹ См.: Щербатых Ю.В. Искусство обмана. М., 2005.

*Все шли на хитрость и обман,
 Дабы набить себе карман.
 А впрочем – остальные тоже
 С мошенниками были схожи...*

Дальше Б. Мандевиль описывает, что несмотря на плутов, хапуг, шарлатанов и воров, в улье развивается промышленность, процветает наука:

*Пороком улей был снедаем,
 Но в целом он являлся раем.
 Он порождал в округе всей
 И страх врагов, и лесть друзей...*

Но вот Б. Мандевиль рисует другую картину – пчелы решили искоренить пороки, утвердить абсолютную честность в отношениях:

*Из жизни пчел обман исчез;
 Забыты хитрости и плутни,
 Все стали честны, даже трутни...*

И тут же следует описание того, что за этим последовало:

*Куда ни глянь – не то, что было:
 Торговлю честность погубила,
 Осталась уйма пчел без дел,
 И улей быстро опустел.*

Вывод Б. Мандевиль формулирует предельно четко, не оставляя место сомнениям и спорам:

*В мирских удобствах пребывать,
 Притом пороков избежать –
 Нельзя; такое положенье
 Возможно лишь в воображенье.
 Нам – это все понять должны –
 Тщеславие, роскошь, ложь нужны;
 В делах нам будучи подмогой,
 Они приносят выгод много.*

Возвращаясь к обозначенному тезису о том, что обман является неотъемлемым атрибутом любой социальной системы и общество, в котором люди бы говорили только правду, немислимо, следует зафиксировать тезис о том, что *применительно к механизму уголовно-правовой охраны обман также не всегда может оцениваться как общественно опасная девиация*. Это очень важная мысль, которая в некотором смысле имеет прямое отношение к формированию уголовной политики в борьбе с распространением недостоверных данных. Отсюда как бы сразу напрашивается вывод, что криминализировать любой обман не только не следует, но и даже опасно, ввиду его естественности для поведения человека. При этом обманное поведение может стать предметом уголовно-правового воздействия только при наличии непосредственной угрозы для безопасности личности, общества или государства. Во многих случаях тиражирование слухов, домыслов и иных ложных сообщений – это при всей своей внешней неприглядности лишь коллективная игра по конструированию и обмену иллюзиями, не требующая государственного вмешательства.

В теории обосновывается отграничение смыслового значения лжи и обмана. Ложь раскрывается как само действие субъекта, намеренно искажающего факты объективной действительности. В свою очередь, содержание обмана предполагает именно заблуждение партнера, самого получателя информации. Следовательно, ложь всегда остается ложью, даже если не удалось дезинформировать конкретное лицо. Обман же только тогда присутствует, когда этот результат был достигнут.

Указанное деление в уголовно-правовом смысле позволяет приблизиться к ответу на многие довольно дискуссионные вопросы относительно квалификации преступлений, совершаемых путем обмана. Так, например, это дает объяснение, почему завладение имуществом, когда оно было передано лицом, которое вполне четко осознавало, что другое лицо старательно пытается его ввести в заблуждение, нельзя квалифицировать как мошенничество. Здесь есть ложь, но нет обмана как создания уже новой ситуации. Лицо пони-

мает, что его пытаются одурачить, но по каким-то причинам (дружеские чувства, сострадание и т.п.) подыгрывает лжецу и вполне добровольно распоряжается своим имуществом. Искажения действительности, запутывания не произошло, соответственно нельзя и говорить о наличии необходимого способа совершения мошенничества.

В теории подчеркивается, что ложное утверждение является собой сложный лингвистический, психологический и паралингвистический феномен. Относительно последнего следует пояснить, что обман заключается не только в высказывании, но и в артикуляции, мимике, самой интонации голоса. При анализе высказывания все эти параметры имеют существенное значение. Так, например, человек может говорить правду, но сопровождать это интонацией и мимикой, которая сформирует у коммуниканта ложное представление о достоверности информации.

Так, например, широко известен эпизод из кинофильма «Старики-разбойники», в котором герой Евгения Евстигнеева на вопрос контролера о том, что они несут, не задумываясь отвечает: «Картину Рембрандта!». Ирония заключается в том, что картину этого художника главные герои и похищали в этот момент. Понятно, что это тоже обман. При этом уже сейчас очевидно, насколько названные выше паралингвистические параметры обмана важны в уголовно-правовой плоскости. В отдельных случаях посягательство может предполагать такой обман, при котором сама обстановка передачи истинной по содержанию информации будет выступать фактором проявления исследуемого способа совершения преступления. В современной правоприменительной практике подобные примеры почти не встречаются. Возможным объяснением, пожалуй, является та сложность в описании деяния, которая и должна выразить присутствие обманного поведения.

В психологии истина и обман / ложь определяются тремя основными признаками: *фактическая истинность* либо ложность утверждения; *вера* говорящего в истинность или ложность утверждения; наличие либо отсутствие

у говорящего *намерения ввести в заблуждение* кого-либо. Так, еще В. В. Зеньковский писал: «под ложью мы должны разуместь заведомо лживые высказывания с целью кого-либо ввести в заблуждение: мы имеем здесь три основных момента, одинаково необходимых для того, чтобы была возможность говорить о лжи, – ложное (в объективном смысле) высказывание, сознание того, что это высказывание ложно, и, наконец, стремление придать заведомо ложной мысли вид истины, стремление ввести кого-либо в заблуждение»¹.

С психологической точки зрения весьма интересным является разделение лжи и вранья. В специальной литературе отмечается, что первым обратил на это внимание Ф.М. Достоевский в своей статье «Нечто о вранье»: «...у нас могут лгать совершенно даром самые почтенные люди и с самыми почтенными целями. У нас, в большинстве, лгут из гостеприимства. Хочется произвести эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну и лгут, даже, так сказать, жертвуя собою слушателю. Пусть припомнит кто угодно – не случилось ли ему раз двадцать прибавить, например, число верст, которое проскакали в час времени везшие его тогда-то лошади, если только нужно было для усиления радостного впечатления в слушателе»².

Специалисты отмечают, что вранье не дезинформационный феномен, а коммуникативный: один из способов установить хорошие отношения с партнером. При этом вранье не рассчитано на то, что ему поверят, в этом акте отсутствует намерение обмануть слушателя. Вранье также не предполагает унижения слушателя и получения какой-либо выгоды. Классическое вранье характеризуется тем, что враль получает нескрываемое удовольствие, наслаждение от самого процесса изложения *небылиц*³.

¹ Зеньковский В.В. Психология детства. М., 1996. С. 215.

² Достоевский Ф.М. Нечто о вранье // Дневник писателя. М., 1989. С. 85.

³ Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб., 1999. С. 245-247.

В этой части психологическое и лингвистическое понимание обмана сближаются и почти совпадают – введение в заблуждение как средство коммуникации, как «психологическое поглаживание» собеседника, бескорыстное и нескрываемое вранье не следует отождествлять с обманом.

В философском контексте довольно четко прослеживается амбивалентное отношение к обману, равно как и к его роли в оценке нравственной культуры общества. Вместе с тем довольно рельефно выделяется мысль о том, что обман все же есть проявление деструктивного начала, форма морального зла. Как известно, И. Кант полагал, что обман при любых обстоятельствах является разрушением человеческого общества. Мыслитель не допускал использование лжи даже в гипотетической ситуации спасения преследуемой жертвы от преступника – последнему надлежало сказать правду и выдать невинного человека¹.

Императив, сформулированный И. Кантом, стал предметом многих и непрекращающихся до настоящего времени дискуссий относительно допустимости лжи в определенных обстоятельствах. Зачастую делается акцент на том, что обман, равно как и ложь, нельзя исследовать изолированно, в отрыве от этического контекста. Обман, направленный к добру (дезинформация противника в военном конфликте и т.п.), уже не является обманом и требует совершенно иной терминологии².

А.О. Дик отмечает, что манипуляция посредством добродетельного обмана масс со стороны государства и его органов не может приносить благо даже в том случае, если оно в какой-то степени, в каких-то отношениях приносит пользу обманываемой массе³.

---

¹ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма. М., 1980. С. 292-297.

² См., например: Гусейнов А.А. Что говорил Кант, или почему невозможна ложь во благо? // Логос. 2008. № 5. С. 114-116.

³ Дик А.О. Обман как средство манипуляции: социально-философский анализ: дис. ...канд. философских наук. Пятигорск, 2011. С. 13.

Полагаем, что аксиологическая относительность содержания целенаправленного введения в заблуждение другого человека, действительно, не может быть проигнорирована. Идея И. Канта о том, что обман есть всегда нарушение долга человеком по отношению к самому себе, то есть «самопредательство», конечно же, чиста как капля росы. Проблема, однако, заключается в том, что, попадая на почву (или реализуясь в конкретных жизненных условиях), она превращается в нечто совершенно противоположное. Императивное отождествление обмана и зла может быть принято только при том условии, если мы скажем, что целью первого является второе. Таким образом, *обман как modus operandi нейтрален ровно до тех пор, пока мы не поставим его в систему этических координат и не сделаем вывод относительно его аксиологического содержания.*

Анализируя сформулированные И. Кантом императивы, Р.Г. Апресян пишет: «...но есть ситуации, когда во имя морально оправданного блага (т.е. не из корысти) ложь оказывается допустимой. Она не становится от этого морально положительной; но она необходима для того, чтобы избежать *большого зла*. Кант говорит о том, что любая ложь разрушительна для общества. Но не менее разрушительной для общества оказывается правда, утверждаемая ценой жизни, здоровья, благополучия других людей. Не может быть предпочтительной правдивость, если она оказывается условием несправедливости»¹.

Весьма убедительно эту мысль доказывает А. Макинтайр, ссылаясь уже не на гипотетический, а на реальный пример поведения женщины, которая в период фашистской оккупации Голландии укрывала у себя ребенка из соседской еврейской семьи. Автор резюмирует следующее: «Придерживайтесь правдивости во всех ваших действиях, будучи безусловно правдивыми во всех ваших отношениях и допуская сообщение лжи агрессорам только для того, чтобы защитить эти правдивые отношения от них и только тогда, когда ложь является

---

¹ О праве лгать / Российская акад. наук, Ин-т философии; под ред. Р.Г. Апресяна. М.: РОС-СПЭН, 2011. С. 24.

наименьшим злом (harm), с помощью которого можно обеспечить эффективную защиту от нападения»¹.

Здесь вполне оправданно обратиться и к следующему примеру. Умолчание об истинном содержании тех или иных фактов, а в необходимых случаях и целенаправленное поддержание незнания (ложного знания) конкретного субъекта может иметь и уголовно-правовое обеспечение. Как, например, иначе интерпретировать соотношение обмана и сохранение тайны усыновления (удочерения) по смыслу ст. 155 УК РФ. Поддержание соответствующей тайны выступает важной гарантией сохранения нормальных семейно-родственных отношений, государство и общество заинтересованы в ее правовой защите, в том числе средствами уголовной репрессии. В аксиологическом смысле этот обман служит правоохраняемым интересам и не имеет негативных последствий.

Понимание феномена обмана в философском аспекте самым тесным образом соприкасается с проблемой истины, достоверного знания. Вполне очевидно, что ложь или обман представляют собой антитезу истины, ее прямое отрицание. Таким образом, объявление того или иного высказывания как ложного представляется возможным только при наличии истинного знания. Здесь наблюдается та же амбивалентность в определении явления, поскольку философы утверждают, что никакой объективной истины не существует, поскольку любое восприятие действительности субъективно по причине природы человека. Имеется и иная точка зрения, которая говорит о том, что истина как реальное состояние явления существует всегда и не определяется нашим о ней представлением – вода мокрая, камень твердый и т.п. Этот философский дискурс при всей своей отвлеченности и в каком-то смысле умозрительности имеет фундаментальное значение для решения сугубо прикладных вопросов реализации механизма уголовно-правовой охраны.

---

¹ Macintyre A. Truthfulness and Lies: What can We Learn from Kant? // Macintyre A. Ethics and Politics: Selected Essays. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Цитата по: О праве лгать / Российская акад. наук, Ин-т философии; под ред. Р.Г. Апресяна. М.: РОС-СПЭН, 2011. С. 60.

Если согласиться с представителями направления, отрицающего возможность восприятия действительности *per se* – во многих случаях уголовное преследование за обманное поведение станет невозможным. Поскольку нет четкого критерия отграничения правды от лжи, постольку нет и оснований для обвинения в криминальном обмане.

Соответственно, в этом отношении механизм уголовной репрессии может быть реализован только при условии, если мы согласимся с тем, что истина существует и может быть воспринята человеком и обществом как конкретное знание об окружающем мире. Автор отдает себе отчет в том, что последний тезис философами может быть воспринят как попытка отмахнуться от проблемы или упростить явление сугубо в утилитарных целях. Вместе с тем другой подход создает условия для абсолютно безнаказанного обманного поведения, что само по себе представляется весьма уязвимым.

При этом критерий наличия истинного знания весьма важен с точки зрения оценки качества уголовно-правового запрета и практики его реализации. Попытка государства установить наказание за распространение информации, верификация которой на достоверность будет иметь вполне очевидные трудности, чревата многими негативными последствиями. В некотором смысле можно и говорить о том, что подобная норма уголовного закона изначально будет противоречить принципу законности в части требования определенности правового предписания.

Конечно же, и тому можно привести конкретные исторические примеры (возьмем хотя бы современную практику отдельных стран по переписыванию истории в целях оправдания или даже героизации нацистских преступников), государство может поставить своей задачей воздействовать на сознание общности посредством легитимации только определенного и не вполне достоверного описания того или иного явления, факта и т.п. Наблюдается не только конструирование массового сознания, но и обеспечение этого процесса государственным принуждением, когда любой несогласный с официальной

картиной бытия подвергается преследованию. Отрицать возможность подобного состояния в отношениях государства и гражданина либо попытаться умолчать об этом было бы очевидным проявлением неискренности, поэтому соответствующий вопрос поставить необходимо в рамках настоящего исследования.

Как представляется, здесь наблюдается реализация уголовной политики не в части борьбы с обманом, а напротив – уголовно-правовое обеспечение системного и организованного обмана, возведенного в ранг государственной идеологии. Причины подобного явления имеют самый разный характер, в том числе глубоко психологический, когда нация, не желая нести бремя моральной ответственности, стремится избавиться от него посредством «изменения» самой истории. Понятно, что в таких правовых режимах лицо подвергается уголовной ответственности не за обман, а за совершение действий, противоречащих официально одобренному образу мыслей. И здесь, к сожалению, приходится видеть то, чем может выступать уголовное право – оно может выступать инструментом безжалостной расправы над людьми, которые не могут предать память своих предков и согласиться с наскоро скроенной лживой пропагандой.

Близкой по содержанию является проблема ложных групповых заблуждений. Даже при отсутствии целенаправленных усилий со стороны государства общество может верить в те или иные факты, в том числе абсолютно недостоверные. В подобных условиях несогласный с мнением большинства одиночка выступает распространителем ереси и лжецом. Понятно, что истинные убеждения или знания не находятся в прямой зависимости от их поддержки коллективными сущностями. Однако внешне результат будет тем же – лицо будет привлечено к ответственности за совершение криминального обмана.

Крайне важной и одновременно сложной проблемой является понимание и определение феномена самообмана – добровольного погружения личности в искаженную (недостоверную) реальность. Причины, по которым человек

прибегает к самообману, многочисленны, и мы не ставим своей задачей их подробное освещение. Достаточно обратиться к специальной литературе по данной теме¹. Следует лишь отдельно указать на то обстоятельство, которое обсуждается в современных условиях особенно часто – на экспоненциальный рост информационного воздействия на человека, при котором возникает так называемая «информационная перегрузка» или «информационный токсикоз». Цифровизация приводит к «размыванию» новостного потока, когда личность подвергается непрерывному информационному воздействию, контроль над которым со стороны государства в известной степени снижен. Даже вводимые программно-технические меры по блокированию отдельных ресурсов наталкиваются на жесточайшее сопротивление не только со стороны соответствующих распространителей контента, но и со стороны самих потребителей, которые желают конструировать свою реальность именно в конкретной заданной парадигме. Поводом к тому, чтобы в рамках настоящей работы упомянуть о самообмане, является то значение, которое самообман может иметь для разрешения вопросов реализации уголовной ответственности. Как представляется, самообман прежде всего характеризуется искренностью, когда лицо не для общественного мнения, а, сообразуясь с внутренними убеждениями, неподдельно позиционирует ложь как правду. Непоколебимая вера в этом случае уничтожает злонамеренность в распространении такой лжи, поскольку, как очевидно, лицо полагает свое поведение правильным, укрепляющим истинное отражение реальности. Соответственно, в уголовно-правовом смысле самообман прежде всего делает невозможным вменение лицу *умышленного*

---

¹ См., например: Вендиктов С.В. Ложь vs самообман: факторы доверия к манипулятивному медиаконтенту // Научный компонент. 2023. № 1 (17). С. 73-81; Гнездилов Г.В., Амелина А.А. Феномен самообмана – как иллюзия восприятия собственной реальности // Вестник Екатеринбургского института. 2010. № 1 (9). С. 24-26; Дубровский Д.И. Склонность к самообману // NovaInfo.Ru. 2011. № 5. С. 83-86; Дубровский Д. И. Как быть с самообманом? Феномен «отрешенности от себя» // NovaInfo.Ru. 2011. № 4. С. 111-114; Кожевникова М.Н. Феномен самообмана и проблема человеческой зрелости // Человек. 2021. Т. 32. № 4. С. 132-148 и др.

распространения дезинформации. Понятно, что с точки зрения реализации механизма уголовной репрессии здесь есть существенный риск объективного вменения, когда органы предварительного расследования могут проявить скептическое отношение к учету самообмана личности.

Приведенные выше суждения, прежде всего касающиеся амбивалентности обмана, не должны служить его оправданию. В этом смысле следует внести полную ясность. Нет сомнений относительно того, что организованная система обмана ведет к распаду ценностных устоев общества и дезориентации отдельной личности. Разрыв между объективной реальностью и лживой ее интерпретацией приводит к умножению абсурда, тотальному недоверию, а в душе отдельного человека возникает ощущение бессмысленности бытия и враждебность. Именно поэтому является серьезной ошибкой представление, что свобода информационного обмена должна быть абсолютной, не контролируемой со стороны государства.

Приведенное, безусловно, весьма далекое от претензии на истинность осмысление обмана все же позволяет сформулировать некоторые исходные суждения:

1) с этимологической точки зрения обман характеризуется выраженной негативной коннотацией, при которой он раскрывается как поведение запутывающее, манящее и уводящее человека от истины, имеющее связь с нечистой силой;

2) с психологической точки зрения обман как модель поведения человека характеризуется естественностью и коммуникативной функциональностью. Нельзя представить общество, свободное от индивидуальной и коллективной лжи;

3) этическое и философское понимание обмана характеризуется амбивалентностью, при которой определение итогового отношения к явлению возможно только лишь через познание той цели, ради которой человек решился на лживое поведение;

4) следует признать, что обман как *modus operandi* нейтрален ровно до тех пор, пока мы не поставим его в систему этических координат и не сделаем вывод относительно его аксиологического содержания;

5) критерий наличия истинного знания принципиально важен при установлении уголовно-правового запрета за распространение ложных сообщений и практики его реализации. Попытка государства установить наказание за распространение информации, верификация которой на достоверность будет иметь непреодолимые препятствия, чревата негативными последствиями. Подобная норма уголовного закона изначально будет противоречить принципу законности в части требования определенности правового предписания;

б) в условиях цифровизации и «информационных перегрузок», ежедневно испытываемых человеком XXI в., проблема уголовно-правового противодействия организованному и «глубокому» обману представляется очевидной. Современные информационные технологии позволяют, что называется, конструировать реальность, непрерывно воздействуя и меняя сознание людей, скрывая от них истинное содержание политических, социальных, экономических и иных процессов, навязывая между тем ложную картину мира. В действующем российском уголовном законодательстве данные процессы усложнения обманных практик в условиях цифровизации пока не нашли своего отражения. Это позволяет сделать общий вывод о наличии предметной области для научного наблюдения и анализа с целью выработки конкретных практических мер противодействия.

1.2 Понятие и виды обмана

Проведение исследования, посвященного уголовно-правовому значению обмана, должно предполагать выяснение вопроса относительно его определения и классификации. Точность употребляемых понятий – обязательный компонент научного дискурса и гарантия от возможных неверных трактовок полученных выводов и рекомендаций. К сожалению, следует констатировать,

что вопреки расхожему представлению об относительной простоте вопроса о дефинировании обмана, в юридической литературе единства по этому поводу не наблюдается.

Предварительно следует также отметить, что в отечественной доктрине уголовного права категория обмана, как правило, определена и относительно подробно разработана лишь в одном конкретном значении – как способа совершения мошенничества. Понимание же обмана как некоего универсального, пронизывающего всю Особенную часть УК РФ, механизма преступного посягательства разрабатывалось лишь отдельными учеными. В этом заключается крайне одностороннее состояние российской науки уголовного права об обмане.

Для начала полагаем необходимым весьма кратко представить подходы к определению обмана в цивилистике. Как известно, значение обмана для возникновения и развития гражданско-правовых отношений весьма велико, поскольку при определенных обстоятельствах обманное воздействие на волеизъявление участника оборота влечет недействительность сделки и аннулирует все правовые последствия с нею связанные. По этой причине в науке гражданского права с самых давних времен обман анализировался весьма пристально.

О.С. Иоффе полагал, что «обман имеется в случаях, когда участник двух- или многосторонней сделки, а также лицо, могущее получить определенные выгоды от совершения кем-либо односторонней сделки, путем намеренного сообщения ложных сведений или умышленного умолчания о действительных фактах побуждает другое лицо к совершению сделки»¹.

С некоторыми уточнениями воспроизводит это понятие Е.А. Коломиец: «Обман представляет собой умышленное, либо иное недобросовестное введение в заблуждение одного участника сделки другим участником сделки или другим лицом (если этим воспользовался участник сделки), в результате кото-

---

¹ Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. Т. 2. СПб., 2004.

рого обманутому лицу причинен вред и которое оказало решающее воздействие на совершение сделки и (или) определение ее условий, имеющих существенное значение»¹. Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что Е.А. Коломиец в определении обмана специально включает условие, при котором обман только в том случае имеет юридическое значение, когда именно он выступал решающим фактором совершения сделки. Идея эта имеет давнее происхождение. Суть ее сводится к тому, что не всякий обман может быть принят во внимание при оценке действительности сделки. Важно, чтобы имевшее место искажение истины было непосредственным и основным фактором, повлиявшим на поведение лица.

Судебная практика в целом демонстрирует приверженность такому пониманию обмана: «...преднамеренное введение другого лица в заблуждение путем ложного заявления, обещания, а также умолчания о фактах, которые могли бы повлиять на совершение сделки. При этом такие действия являются скрытыми, невидимыми для потребителя»².

А.Н. Гуев обращается к проблеме смыслового разграничения обмана и заблуждения, формулируя следующее положение: «...обман предполагает определенное виновное поведение стороны, пытающейся убедить другую сторону в таких качествах, свойствах, последствиях сделки, которые заведомо наступить не могут. Заблуждение же является результатом их (или одной из них) неверного представления о последствиях сделки; при обмане действительные последствия совершаемой сделки заведомо известны, желательны для одной из сторон, в то время как при заблуждении обе стороны могут неправильно представлять характер сделки, ее последствия и т.д.»³.

---

¹ Коломиец Е.А. Заблуждение и обман как условия недействительности сделок: дис. ...канд.юрид.наук. Краснодар, 2005. С.

² См.: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16 марта 2021 г. № Ф06-1956/2021 по делу № А06-2983/2020 и др.

³ Гуев А.Н. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для предпринимателей // СПС «Гарант».

Проникая в содержание и природу обмана и обманных действий для целей ГК РФ и УК РФ, авторы выделяют его следующие существенные признаки: 1) действие; 2) умышленное; 3) наличие как минимум двух участников отношения; 4) результатом выступает несовпадение искусственно создаваемого представления с действительностью; 5) последствия как определяющие момент завершенности; 6) сопряженность с другими понятиями, например, заблуждением¹.

Как уже отмечалось, в литературе по уголовному праву определения обмана преимущественно имеют узконаправленный характер в части преступных посягательств на собственность. Так, Ю.А. Гладышев предлагает следующее определение обмана применительно к группе преступных посягательств в сфере торговли: «непосредственное или опосредованное введение в заблуждение потерпевшего путем сообщения ему ложных сведений или умолчание о сведениях, сообщение о которых при данных обстоятельствах было обязательным, с целью совершения преступления в сфере торговли, либо использование с той же целью имевшегося у потерпевшего заблуждения»².

В приведенном подходе обращает на себя внимание то, что автор акцентирует внимание на возможность обмана, осуществляемого опосредованного, то есть не в результате прямого взаимодействия с потерпевшим, а как бы со стороны, используя поведение других лиц, конкретные обстоятельства и иные факторы. Важное наблюдение. В самом тривиальном выражении опосредованный обман имеет место при использовании третьих лиц. Однако гораздо больший интерес эта мысль приобретает при понимании опосредованного обмана как манипуляции виновного с сознанием потерпевшего, при которой злоумышленник умело использует сложившуюся обстановку таким образом,

---

¹ Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах: монография / отв. ред. В. В. Долинская. М., 2018. С. 150.

² Гладышев Ю.А. Обман как способ совершения преступления в сфере торговли (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дисс. ...канд.юрид.наук. Н. Новгород, 1993. С. 10.

чтобы только лишь полагаясь на нее, выполнить объективную сторону преступления. Стоит, пожалуй, признать, что установление и доказывание такого обмана представляет собой задачу весьма трудно реализуемую, поскольку от правоприменителя требуется не только скрупулезный анализ мельчайших фактов, но и серьезное проникновение в психологию человека. Кроме того, как бы ни были убедительны доводы обвинения, такой опосредованный обман неминуемо будет соприкасаться со множеством предположений, совершенно не верифицируемых объективно. Действительно, как, например, доказать, что конкретное событие, оказавшее известное воздействие на психику потерпевшего, использовалось виновным, если прямого упоминания о таком факте в процессе выполнения объективной стороны преступного посягательства не было?

А.Ю. Тутуков формулирует определение обмана в следующем виде: «а) умышленное искажение или сокрытие истины для введения в заблуждение лицо, в ведении которого находится имущество, с целью добиться от него добровольной передачи имущества; б) сообщение ложных сведений либо умолчание о тех сведениях, которые виновный должен был сообщить, для введения в заблуждение другого лица относительно вещей, явлений, событий либо сознательное поддержание ранее сформировавшегося у него заблуждения, побуждающего потерпевшего избрать определенный вариант поведения, выгодный виновному»¹.

Под обманом понимается сообщение ложных сведений либо умолчание о тех сведениях, которые известны виновному и которые он был обязан сообщить контрагенту. Ложные сведения при обмане могут касаться личности ви-

---

¹ Тутуков А.Ю. Обман как способ совершения преступлений в сфере экономики: исторический, законодательный, теоретический и правоприменительный аспекты: автореф. дис. ...канд.юрид.наук. Краснодар, 2008. С. 11.

нового (тождества, ее различных свойств или правовых характеристик); отдельных предметов (тождества, качества, количества, стоимости, их наличия и т.д.), различных обстоятельств, фактов, событий, действий, намерений¹.

Считается, что нельзя говорить об обмане в ситуации, когда лицо высказывало собственное мнение. Например, продавец уверяет, что картина написана талантливым художником, который в скором времени станет сенсацией в мире изобразительного искусства. Соответственно, полотно реализуется по довольно высокой цене. Можно ли сказать, что в этой ситуации обман отсутствует? Пожалуй, что не во всех случаях ответ может быть утвердительным. Если допустить, что продавец в силу своих профессиональных знаний, а возможно и соответствующего образования, достоверно знал о заурядности художника, о низком либо посредственном уровне его работ, то пространное доказывание обратного предстает уже как целенаправленное искажение действительности, а не простое высказывание мнения о перспективах роста стоимости картины.

И.А. Клепицкий применительно к составу мошенничества определяет обман как «введение другого человека в заблуждение в отношении фактов, побуждающее его к действию или бездействию, в результате которого ему или другому человеку причиняется имущественный ущерб»². При этом автор специально подчеркивает, что обман возможен только в отношении конкретных фактов – обман относительно чувств, страстей, намерений, а также в отношении событий, которые относятся к будущему, невозможен в уголовно-правовом смысле. Конечно же, здесь важно делать оговорку, что автор определяет не просто обман и даже не обман уголовно-правовой, а именно «мошеннический обман».

Правильно ли говорить о том, что в уголовно-правовом смысле признаком обмана является его специфический предмет – только факты объективной

---

¹ Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Преступления против собственности: научно-практическое пособие. М., 2020. С. 25-26.

² Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. М., 2022. С. 330.

действительности, сведения о событиях, действиях и т.п.? Полагаем, что не совсем. Дело в том, что содержание намерений может иметь непосредственное влияние на квалификацию конкретного общественно опасного посягательства. Так, например, подстрекатель к убийству вводит в заблуждение исполнителя преступления относительно своих истинных мотивов. Последний совершает преступление, руководствуясь ложными мотивами подстрекателя. В результате мы имеем весьма специфическую ситуацию, когда обман подстрекателя должен учитываться при юридической оценке содеянного. По этому поводу в свое время высказался Верховный Суд Российской Федерации по делу Гамзатова¹.

Кроме того, если отвлечься от конкретного примера с введением в заблуждение относительно мотивов, надо признать, что организатор либо подстрекатель довольно часто могут прибегать к преувеличенному и ложному описанию собственных переживаний, чтобы тем самым обеспечить вовлечение лица в совершение преступления.

А.В. Архипов пишет, что «обман – это информационное воздействие виновного на лицо, компетентное принять решение о передаче имущества виновному... Вполне очевидно, что обман – это информационное воздействие на человека. Обмануть машину или компьютерную программу невозможно»².

В приведенном определении важным представляется то обстоятельство, что автор подчеркивает невозможность использования категории обмана в отношении технологической системы, когда объектом воздействия выступает не сознание другого человека, а механизм. Как известно, на бытовом уровне обман довольно часто употребляется именно в этом смысле: обмануть систему контроля и управления доступом (СКУД), обмануть торговый автомат, обма-

---

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.03.2017 г. № 27П17.

² Архипов А. В. Законодательство об уголовной ответственности за хищения в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования. М., 2022. С. 186.

нуть банкомат при внесении денежных средств и т.п. Все это не имеет никакого отношения к современному состоянию отечественной доктрины уголовного права в части уголовно-правового определения обмана.

Вообще, важным в определении обмана является признак воздействия именно на психику человека, способного по своему состоянию воспринимать информацию. Отсутствие коммуникативной связи исключает наличие обмана. Так, например, отсутствует обман, как способ совершения преступления, в ситуации, когда злоумышленник похищает ценности и личные вещи у потерпевшего, находящегося в состоянии сильного опьянения, сопровождая свои манипуляции лживыми речами о своей личности и своих намерениях. По большому счету хищение имущества здесь происходит тайно, хотя бы и в присутствии собственника, но незаметно для последнего по причине состояния опьянения. Равным образом сложно утверждать о наличии обмана при распространении криминогенной либо иной деструктивной информации, адресатом которой явился душевнобольной, лишенный возможности восприятия информации.

В.В. Долинская и И.В. Шишко выделяют следующие признаки обманных действий для нужд ГК РФ и УК РФ: действие; умышленное; наличие как минимум двух участников отношения; результатом выступает несовпадение искусственно создаваемого представления с действительностью; последствия как определяющие момент завершенности; сопряженность с другими понятиями, например, заблуждением¹.

В приведенном перечне признаков наибольшее несогласие вызывает понимание обмана исключительно как активного воздействия на психику потерпевшего.

---

¹ Долинская В.В., Шишко И.В. Обманные действия по ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (76). С. 128 – 129.

М.М. Зейналов дает следующее определение обмана: «Деяние (действие или бездействие), совершаемое в процессе заключения возмездных гражданско-правовых сделок по продаже товаров, оказанию услуг, выполнению работ, причиняющее ущерб потребителю, путем непосредственного или опосредственного введения его в заблуждение, либо использования уже имевшегося у потребителя заблуждения с целью получения материальной выгоды (наживы)»¹.

Р.Б. Осокин, предлагая закрепить легальное определение обмана в примечании к ст. 159 УК РФ как способа совершения мошенничества, раскрывает его содержание следующим образом: «Введение в заблуждение другого лица, в собственности или владении которого находится имущество, путем сообщения заведомо ложных сведений либо несообщения сведений с целью добровольной передачи имущества в пользу виновного или других лиц»². Н.О. Машинникова также полагает необходимым нормативное определение обмана для целей применения уголовного закона³.

Здесь не лишним будет напомнить, что опыт законодательного определения обмана в России имел место в примечании к ст. 187 УК РСФСР 1922 г. о мошенничестве: «Обманом считается как сообщение ложных сведений, так и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательно».

Выражая свое отношение к подобного рода инициативам по реформированию текста отечественного уголовного закона, следует прояснить, что задача установления терминологической определенности, представляется автору, наиважнейшей применительно к функционированию правового механизма в целом. Неточность, неопределенность, отраслевая противоречивость

---

¹ Зейналов М.М. Проблемы обмана потребителей как преступления: по материалам Республики Дагестан: дис. ...канд.юрид.наук. Махачкала, 2003.

² См: Осокин Р.Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества: дис. ...канд.юрид.наук. М., 2004.

³ Машинникова Н.О. Понятие обмана в уголовном законодательстве России: сравнительно-правовой аспект // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 287. № 3. С. 428.

понятийного аппарата – системная проблема не только российской юридической науки, но и прежде всего правоприменения. Положение это, конечно же, общими усилиями должно меняться к лучшему, чтобы достигнуть необходимой ясности и системности в употребляемых категориях. Поэтому инициативу Р.Б. Осокина, равно как и проект Н.О. Машинниковой, следует поддержать. Однако поддержать с той лишь оговоркой, чтобы подобного рода решение было реализовано не казуально, то есть исключительно к составу мошенничества, а на уровне уголовного закона в целом.

Общее определение обмана как способа преступления представлено в работах С.Ю. Романова, Р.А. Сабитова и Ю.Ю. Малышевой.

Так, С.Ю. Романов пишет об обмане следующее: «Обман представляет собой введение другого лица в заблуждение либо поддержание уже имеющегося ложного знания посредством передачи информации, не соответствующей действительности либо путем умолчания о фактах, событиях, явлениях и др., с целью склонить это лицо к определенному поведению; он является наиболее распространенным способом преступной деятельности в сфере экономической деятельности»¹.

Весьма развернутое и в целом удачное определение обмана формулирует Р.А. Сабитов: «...это способ воздействия на человеческую психику, который состоит в умышленном введении в заблуждение другого лица или поддержании уже имеющегося у него заблуждения путем передачи не соответствующей действительности информации и (или) несообщения о различных фактах, вещах, явлениях, событиях, действиях с целью склонить это лицо к определенному поведению»².

В указанном определении вызывают возражения следующие признаки. Прежде всего включение специальной цели склонения лица к определенному

---

¹ Романов С.Ю. Обман как способ преступной деятельности: автореф. дис. ...канд.юрид.наук. Харьков, 1998. С. 3.

² Сабитов Р.А. Криминальные обманы и фальсификации: монография. М., 2019. С. 62.

поведению некоторым образом копирует природу криминального обмана, поскольку в случаях преступной пропаганды виновные стремятся, строго говоря, к формированию искаженной картины бытия. Применительно к таким проявлениям криминального обмана если и можно говорить о склонении к поведению, то только лишь в части склонения к определенному образу мыслей.

Близкую по смыслу позицию занимает Ю.Ю. Малышева: «Под обманом в уголовно-правовом смысле следует понимать сообщение ложных сведений или сокрытие фактов, направленное на введение другого лица в заблуждение и склонение последнего к совершению действия (бездействия) в интересах обманщика»¹. С учетом данного определения автор предлагает следующее понимание преступления, совершаемого путем обмана: «Умышленное общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, основанное на искажении истины, являющемся конструктивным признаком состава, направленное на склонение обманываемого к определенному поведению, посягающее на общественные отношения во всех сферах нашего общества»².

Решая задачу определения понятия обмана, нельзя обойти вниманием вопрос об его отграничении от такой конструкции, как злоупотребление доверием. В доктрине уголовного права отмечается, что принципиальным отличием между ними является то, что злоупотребляющий доверием не вводит потерпевшего в заблуждение, а использует установившиеся доверительные отношения. Так, например, не имея намерения на возврат денежных средств лицо использует дружеские отношения и получает в качестве займа крупную сумму денег. Последующее поведение виновного (надолго покинул территорию страны, перестал отвечать на звонки и т.п.) указывает на признаки совершенного хищения. Способом же являлся не обман, а именно злоупотребление

---

¹ Малышева Ю.Ю. Обман как способ совершения преступлений по уголовному праву России. Казань, 2011. С. 34.

² Там же.

доверием. Некоторые авторы отмечают, что подобное поведение также является обманом, но иной природы – обманом в намерениях¹. Несмотря на известную аргументацию этой позиции, все же следует сделать вывод, что обман в намерениях представляет собой искусственную конструкцию, более запутывающую, нежели вносящую ясность.

С учетом изложенного постараемся обосновать собственное определение преступного обмана – *умышленное противоправное воздействие (активное либо пассивное) на психику другого человека, направленное на возникновение либо поддержание ложного знания относительно фактов, событий, явлений или иных обстоятельств, причиняющее вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям либо создающее угрозу причинения такого вреда.*

Обманное преступление – это преступление, природа и содержание которого в целом либо сам способ совершения заключается в обмане. Объективная сторона таких преступлений всегда характеризуется обманным воздействием на психику другого человека. Интенсивность обмана, его свойства, как правило, не влияют на степень общественной опасности и, соответственно, квалификацию содеянного. Однако можно обнаружить и исключение. Так, например, в составе клеветы (ст. 128¹ УК РФ) ответственность дифференцирована в зависимости от содержания ложных сведений (о наличии опасного для окружающих заболевания, совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности).

Хотя бы и в общих чертах, однако следует отдельно прокомментировать соотношение категорий обмана и полуправды. А.О. Дик пишет, что «полу-

---

¹ См., например: Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ...канд.юрид.наук. М., 2016. С. 108; Тутуков А.Ю. Обман как способ совершения преступлений в сфере экономики: исторический, законодательный, теоретический и правоприменительный аспекты: автореф. дис. ...канд.юрид.наук. Краснодар, 2008. С. 19.

правда – это такое сообщение, которое является неправдой, но содержит некоторую часть правдивой информации»¹. Полагаем, что применительно к настоящему исследованию феномен полуправды (или полулжи) может быть отождествлен с обманом. Специфика явления заключается лишь в структуре передаваемой адресату информации, в которой помимо недостоверных сведений присутствуют также истинные, на которые, как правило, злоумышленник делает гипертрофированный акцент (намеренно привлекает внимание потерпевшего, чтобы исключить возможность формирования обманываемым верного представления о действительности).

Наиболее традиционным подходом к классификации обмана является его деление на *активный* и *пассивный*. Первый предполагает целенаправленное воздействие на сознание другого лица, второй заключается в бездействии, которое тем самым поддерживает неведение либо уже имеющееся ложное представление. Понятно, что в повседневной действительности мы чаще сталкиваемся с активным обманом, при котором виновное лицо вербально воздействует на психику потерпевшего, может передавать какие-либо ложные материалы, предоставлять поддельные документы и т.п.

Весьма важным является конкретизация понимания пассивного обмана. Умолчание о тех или иных обстоятельствах, по мнению абсолютного большинства теоретиков, составляет признак и соответственно содержание криминального обмана в пассивной форме.

Логично предположить, что криминальный обман в пассивной форме возможен только в том случае, когда у лица имеется юридически закрепленная обязанность предоставить определенную информацию либо раскрыть конкретные сведения. Как справедливо пишет по этому поводу Р.Г. Гриневский, «умолчание об истине можно признавать обманным способом совершения преступления только в том случае, когда законом или другими нормативными

---

¹ Дик А.О. Обман как средство манипуляции: социально-философский анализ: дис. ...канд. философских наук. Пенза, 2011. С. 13.

актами лицу предписано сообщать контрагенту по сделке ту или иную информацию, в противном случае обманный способ совершения преступления отсутствует»¹.

Роспотребнадзор в своих рекомендациях выделяет следующие виды обмана потребителя в зависимости от его формы: а) обмеривание; б) обвешивание; в) обсчет; г) введение в заблуждение относительно свойств или качества товара (работы, услуги); д) иной обман (нарушение других условий договора, например, реализация товара с предоставлением информации о стране происхождения, не соответствующей действительности и т.п.)²

Оригинальную классификацию криминального обмана предлагает С.Ю. Романов: «Обман рассматривается не только как способ совершения преступления, но и как средство создания условий будущей преступной деятельности (предуголовный обман) и как способ уклонения от ответственности (посткриминальный обман)»³. При этом автор обосновывал идею о том, что, если обман не предусмотрен как способ совершения конкретного преступления, но фактически использовался лицом для создания условий, способствующих достижению преступной цели, это должно признаваться отягчающим наказанием обстоятельством.

В лингвистике О.М. Попчук предлагает выделять имплицитно-ложные высказывания и эксплицитно-ложные высказывания. Последние, в свою очередь, делятся на: развернутые ложные высказывания; неразвернутые ложные

---

¹ См.: Гриневский Р.Г. Уголовно-правовая оценка обмана в сфере продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг: дисс. ...канд.юрид.наук. М., 2010.

² Руководство по соблюдению обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей (утв. Роспотребнадзором 10.11.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Романов С.Ю. Обман как способ преступной деятельности: автореф. дис. ...канд.юрид.наук. Харьков, 1998. С. 4.

высказывания (да, нет); ложные высказывания о том, что говорящий не владеет запрашиваемой информацией; ложные высказывания о том, что говорящий забыл запрашиваемую информацию¹.

Как уже отмечалось ранее, с аксиологической точки зрения отношение к обману характеризуется амбивалентностью, где ключевым фактором признается направленность обманного поведения и его ситуативная обусловленность. В психологии и философии это позволило обосновать наличие добронамеренного и злонамеренного обманов.

О.А. Дик пишет, что определение обмана в негативном смысле включает следующие компоненты: намеренность действия, искажение реальности, социально неодобряемую, неблагородную, прежде всего корыстную цель, в результате достижения которой приобретает преимущество одним человеком или группой лиц над другим человеком или группой лиц, которым наносится ущерб². При этом сам автор отмечает, что хотя выделение в качестве критерия социальной одобряемости является уязвимым, однако обман практически всегда рассматривается в контексте социальной среды.

В уголовно-правовой плоскости приведенная классификация, на наш взгляд, должна получить свое развитие, поскольку может служить основой для дополнительного выделения *уголовно-охраняемого и уголовно-нерелевантного обманов*. Они, по большому счету, представляют собой обманы добронамеренные – не причиняющие вреда охраняемым законом отношениям. И только преступный есть проявление злонамеренного обмана, однако, очевидно, что первый представляет собой явление существенно более узкое в сравнении со вторым.

Уголовно-охраняемый обман представляет собой *осознанное воздействие (активное либо пассивное) на психику другого человека, направленное*

---

¹ Ложь: типы и средства выражения: монография / под науч. ред. канд. пед. наук Т.И. Леонтьевой; канд. филол. наук О.Н. Гнезdechko; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2018. С. 40.

² Дик А.О. Обман как средство манипуляции: социально-философский анализ: дис. ...канд. философских наук. Пятигорск, 2011. С. 31.

на возникновение либо поддержание ложного знания относительно фактов, событий, явлений или иных обстоятельств, санкционированное государством в целях обеспечения прав и законных интересов личности, общества или государства.

Примером уголовно-охраняемого обмана можно считать сохранение тайны усыновления в свете положений ст. 155 УК РФ. Запрет на опровержение соответствующих сведений, на объявление истины об отсутствии конкретных родственных связей между лицами свидетельствует о реализованном государством механизме охраны добронамеренного обмана, целью которого является обеспечение интересов семьи и нормального развития несовершеннолетнего.

Другим примером следует признать близкие по природе составы разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса (ст. 311 УК РФ), а также должностного лица правоохранительного или контролирующего органа (ст. 320 УК РФ). Соответствующие меры могут предполагать комплексное легендирование личности защищаемого лица, в том числе изменение внешности и использование документов, выданных на другое имя. Как бы то ни было, здесь уголовный закон охраняет отношения в сфере правосудия либо порядка управления через обеспечение обмана, его потенциала скрывать защищаемое лицо.

Уголовно-нерелевантный обман есть *осознанное воздействие (активное либо пассивное) на психику другого человека, направленное на возникновение либо поддержание ложного знания относительно фактов, событий, явлений или иных обстоятельств, причиняющее вред объекту уголовно-правовой охраны, однако признаваемое государством допустимым при наличии предусмотренных законом оснований*. Подобный обман имеет место в случае, когда лицо укрывает своего близкого родственника с той целью, чтобы воспрепятствовать его задержанию. В соответствии с примечанием к ст. 316 УК РФ такое поведение не является преступным. В то же время нельзя, конечно же, утверждать о том, что лицо действует правомерно, то есть реализует предоставленное ему право лгать правоохранительным органам. Уязвимость такой

мысли, полагаем, очевидна. Напротив, имеется лишь нейтральная (безразличная) позиция государства относительно реагирования на такие инциденты.

Непреступное обманное поведение может иметь место и при отдельных обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Так, например, распространение клеветнических сведений о лице может быть обусловлено психическим принуждением. Аналогичная ситуация возможна и при лжесвидетельстве, фальсификации доказательств и др.

Дополнительно необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что к уголовно-нерелевантному обману неверно относить все иные проявления обмана, которые как бы остаются за рамками преступного и уголовно-охраняемого обманов. Отличие уголовно-нерелевантного обмана от обмана вообще состоит в способности первого причинять значимый вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

В завершение данной части работы следует также указать на возможность выделения *фикционного обмана* или *квазиобмана*. По меткому замечанию П.С. Яни, «упоминаемое Пленумом несанкционированное подключение к энергосетям квалифицируется при причинении такими действиями крупного ущерба собственнику (под которым в этом случае нужно понимать энерго-снабжающую, энергосбытовую организацию) по ст. 165 УК по признаку обмана, при этом понимание обмана в данном случае носит, прямо говоря, фикционный характер..., поскольку речь в данном случае идет о хищении электроэнергии, которое одно время преследовалось по ст. 94² УК РСФСР 1960 г. как «самовольное использование в корыстных целях электрической либо тепловой энергии или газа»¹. В современной правоприменительной практике довольно часто такая квалификация имеет место при выявлении случаев так называемого «майнинга» криптовалюты, связанного с незаконным подключением к энергоресурсам.

---

¹ Яни П.С. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Законность. 2017. № 11. С. 33 - 37.

Легко заметить, что сугубо технические манипуляции, результатом которых является несанкционированное подключение к энергоносителям и неконтролируемое потребление энергии, приравнивается к обманному поведению. Конечно же, прав П.С. Яни, что здесь установление обманного способа, равно как и применение ст. 165 УК РФ, сопряжено с юридической фикцией, когда одному явлению придается значение, содержательно ему не соответствующее. Такую разновидность обмана в отечественной доктрине уголовного права можно именовать квазиобманом.

Как представляется, существенным признаком фикционного обмана является преодоление лицом средств технической либо программно-технической защиты с целью искажения данных контроля за потреблением энергоресурсов, вычислительных мощностей и др. В условиях цифровизации мы уже свыклись с тем, что в отдельных случаях агентами человека выступают компьютерные алгоритмы (программы и программно-аппаратные решения), которые, например, в автоматизированном режиме осуществляют переписку, предоставляют обратившимся необходимую информацию, реализуют продукты и услуги, принимают пожертвования и т.д. Если указанные цифровые инструменты использовались лицом для организованного обмана неограниченного круга лиц, считается, что не является препятствием то обстоятельство, что введение в заблуждение потерпевшего (потерпевших) было реализовано не напрямую виновным, а опосредованно – через объекты информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Другое дело, когда программа выступала агентом на стороне потерпевшего. Здесь также наблюдается ситуация делегирования человеком машине отдельных, как правило, рутинных операций. Вместе с тем до настоящего времени такое преодоление средств программно-технической защиты не признается обманом в строгом смысле, поскольку отсутствует воздействие именно на психику другого человека.

С учетом изложенного можно предложить следующее определение квазиобмана – *умышленное деяние, связанное с искажением информации в технологических системах (контроля потребления и др.), причиняющее вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям либо создающее угрозу причинения такого вреда.*

В завершение данной части работы отдельно выделим ее основные выводы:

1) в уголовно-правовом значении обман (*преступный обман*) представляет собой умышленное противоправное воздействие (активное либо пассивное) на психику другого человека, направленное на возникновение либо поддержание ложного знания относительно фактов, событий, явлений или иных обстоятельств, причиняющее вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям либо создающее угрозу причинения такого вреда;

2) преступный обман характеризуется следующими конститутивными признаками: а) обманом может признаваться только противоправное воздействие на психику другого человека независимо от формы (устно, письменно, посредством средств электронной связи и др.); б) адресатом может выступать только другой человек; в) направленность на возникновение либо поддержание у адресата ложного знания; г) обманное поведение должно характеризоваться причинением вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям;

3) помимо преступного обмана предлагается также выделять:

- *уголовно-охраняемый обман* – это осознанное воздействие (активное либо пассивное) на психику другого человека, направленное на возникновение либо поддержание ложного знания относительно фактов, событий, явлений или иных обстоятельств, санкционированное государством в целях обеспечения прав и законных интересов личности, общества или государства;

- *уголовно-нерелевантный обман* – это осознанное воздействие (активное либо пассивное) на психику другого человека, направленное на возникно-

вание либо поддержание ложного знания относительно фактов, событий, явлений или иных обстоятельств, причиняющее вред объекту уголовно-правовой охраны, однако признаваемое государством допустимым при наличии предусмотренных законом оснований;

- *квазиобман (фикционный обман)* – это умышленное деяние, связанное с искажением информации в технологических системах (контроля потребления и др.), причиняющее вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям либо создающее угрозу причинения такого вреда.

1.3 Пределы преступного обмана

Как уже отмечалось, обманные действия выступают основным либо сопутствующим способом совершения многих преступных посягательств. Обман выделяется в отдельных формах похищения человека, составляет содержание клеветы, характерен для преступных фальсификаций, посягающих на избирательные права граждан, выделяется как возможный способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий, о признаках обмана нельзя не говорить в составе подмены ребенка и т.д. Список «обманных преступлений» является значительным и по большому счету такие преступления встречаются во всех разделах и практически во всех главах Особенной части УК РФ.

Р.А. Сабитов пишет, что обман не указан в качестве признака состава преступления в статьях глав 23, 26, 27 и 28 УК РФ¹. Это, однако, не свидетельствует о том, что в соответствующих главах нет посягательств, которые могут быть совершены посредством обмана – злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202 УК РФ), неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ).

---

¹ Сабитов Р.А. Криминальные обманы и фальсификации: монография. М., 2019. С. 98.

Противодействие обману как таковому выступает самостоятельным направлением современной уголовной политики. Последние изменения отечественного уголовного законодательства, направленные на противодействие искажению исторической правды, дискредитации вооруженных сил, распространению заведомо ложной общественно значимой информации свидетельствуют о том, что государство занимает принципиальную позицию в обеспечении достоверности информационной среды человека. Надо признать, что процессы цифровизации существенно обострили проблему обеспечения истинности в ее самом широком понимании. Тренд на криминализацию обмана, направленного на формирование общественного мнения через каналы информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, является по большому счету общим почти для всех стран. Пандемия Covid-19 здесь выступила не первопричиной, а своего рода катализатором процесса, когда в срочном порядке пришлось решать задачу эффективного противодействия «инфодемии»¹.

Система Особенной части уголовного законодательства не создает предпосылок для выделения самостоятельной группы преступлений, сопряженных с обманом, или «обманных преступлений». Вместе с тем такое обособление представляется возможным и даже необходимым для их более глубокого изучения, решения проблемных вопросов совершенствования уголовного закона, квалификации и борьбы с преступностью в целом.

Одной из фундаментальных задач современной отечественной науки уголовного права, на наш взгляд, является построение четкой системы критериев, определяющих *пределы преступного обмана*. Здесь надо бы пояснить суть обозначенной задачи. Как известно, с этимологической точки зрения под пределом понимается некая черта, край или граница явления, за которым оно

---

¹ См.: Ефремова М.А., Шутова А.А., Никифорова А.А. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложных сведений в период пандемии: вопросы теории и практики // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31. Вып. 1. и др.

теряет свое значение или перестает существовать, перерождаясь в нечто другое. Таким образом, дискуссия о пределах чего-либо это всегда попытка определить условные границы феномена, его онтологический силуэт. Таким образом, проблема установления пределов преступного обмана заключается в определении критериев, свидетельствующих: 1) о возможности признания соответствующих действий обманом в уголовно-правовом смысле и 2) о допустимости криминализации обманного поведения с точки зрения науки уголовного права.

Надо признать, что определенность в данном отношении если не отсутствует, то во всяком случае является не столь выраженной. Так, например, в наиболее поздних исследованиях по уголовному праву обосновывается, что критерием отграничения мошенничества в сфере оккультизма от непреступных деяний является некое уверение со стороны виновного в эффективности осуществляемого ритуала, обряда, заговора и т.п.¹ Однако представляется довольно очевидным, что здесь происходит вторжение в сферу, которая принципиально противится всякой верификации имеющимися мерами дознания. Как проверить здесь достоверность суждения? Если сам заказчик оккультных услуг верит в их эффективность, то почему исполнитель не может искренне полагаться на свои способности? В чем здесь обман? При подобных обстоятельствах привлечение к уголовной ответственности будет возможным только на основе объективного вменения. Убедительно по этому поводу писал И.Я. Фойницкий: «...земное правосудие не должно включать включать в свою деятельность оценку обстоятельств и отношений, по самому существу своему не подлежащих точному констатированию при помощи тех грубых средств доказывания, которые имеются в его руках, так как в противном случае оно рискует впасть в самые страшные ошибки»².

---

¹ Салаев З.Р. Мошенничество, связанное с оказанием услуг оккультного и психологического характера (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2022. С. 12.

² Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. В 2-х частях. Т.2. М.: Издательство Современного государственного университета, 2006. С. 125-126.

Аналогичная ситуация складывается в сфере оказания услуг по так называемому «личностному росту». Купив тот или иной развивающий курс, лицо позже может заявлять об обмане, когда его ожидания окажутся неудовлетворенными. Вместе с тем в отсутствие уверений со стороны исполнителя о каких-либо гарантиях в сфере трудоустройства и т.п., довольно сложно установить признаки уголовно-юридически значимого обмана, поскольку это не имеет под собой конкретной фактической основы. Сетования гражданина о том, что он не достиг уверенности в себе, не решил семейные проблемы, не получил желаемой работы и т.п., будут также мало говорить об обмане в уголовно-правовом смысле, как на это мало указывает искреннее разочарование и даже гнев зрителя после бесталанного выступления актеров в плохо поставленном спектакле. Ответ один – услуга оказана, впечатление субъективно, но обмана нет.

Проблема квалификации действий как обманных довольно остро стоит при применении норм об ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации. В подобных случаях правоприменитель должен исходить из неоспоримой достоверности того или иного факта объективной действительности. Вместе с тем это не всегда возможно, в особенности, когда общее информационное поле характеризуется полемичностью и противоречивостью. Наиболее наглядно эта проблема обнаружила себя в период пандемии Covid-19.

Пределы преступного обмана можно определить как *ограничения, устанавливаемые на уровне действующего законодательства, вырабатываемые актами судебного толкования либо доктриной уголовного права, определяющие допустимость признания обмана способом совершения преступления либо самостоятельным преступлением.*

Пределы преступного обмана, устанавливаемые законом, связаны с тем, что в отдельных диспозициях статей Особенной части УК РФ может содержаться указание на единственный способ совершения преступления либо при-

водится исчерпывающий перечень альтернативных способов совершения преступления. При этом ни в первом, ни во втором случае законодатель не называет обман как возможный способ осуществления посягательства. Так, например, обман не может выступать способом совершения разбоя либо вымогательства.

Однако это лишь малая и наиболее очевидная часть предмета. Границы, в которых обман сохраняет свое уголовно-правовое значение, очерчены не столько содержанием уголовного закона, сколько судебной практикой и наукой уголовного права. В этом проявляется полемичность и сложность исследуемого явления.

Проявляя последовательность, следует сделать предположение о том, что пределы преступного обмана должны быть выводимы из конститутивных признаков явления. Отсутствие необходимого признака есть тот рубеж, за которым обман в уголовно-правовом смысле существовать не может.

Исходя из этого следует прежде всего заключить, что правомерный обман не может выступать поводом к уголовному преследованию. Это распространяется на множество сфер нашей жизни – от творческого вымысла, постановочных розыгрышей до проведения отдельных оперативно-разыскных мероприятий правоохранительными органами. Здесь важно также обратить внимание и на то обстоятельство, что правомерный обман лишен общественной опасности и не может причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Так, например, отдельные социальные исследования проводятся с имитацией конкретной ситуации в общественном месте, чтобы проследить и зафиксировать реакцию общественности (например, искусственно воспроизводится механизм совершения преступления либо люди разного пола, возраста, национальности просят о помощи и т.п.). Предполагается, что в таких условиях только и можно получить информацию о «живом» отклике общества, оценить отношение к конкретным явлениям и процессам. Социальные или социально-психологические эксперименты хотя и воздействуют провокативно на людей,

но не создают угрозы для личности, общества либо государства. Более того их результаты позволяют со всей неприглядной откровенностью понять, в каком обществе мы живем, насколько честны мы с окружающими, да и сами с собой. В результате – изначально обман идет всем на пользу.

В продолжение следует упомянуть о социальном эксперименте Соломона Аша (1951 г.), результаты которого представляют интерес и для настоящего исследования. Суть эксперимента сводилась к тому, чтобы проследить реакцию испытуемого на ошибочное поведение большинства группы (последние были актерами). Данные, полученные Соломоном Ашем, заставляют разочароваться в способности человека выбрать истину под давлением окружающих: 75% испытуемых подчинились заведомо ошибочному представлению большинства. Ученый тем самым проводит тезис о высокой подверженности современного человека конформизму¹.

Эксперимент Аша, выводы которого заслуживают доверия, в уголовно-правовой плоскости наводит на одно весьма важное предположение – при определенных значениях распространения коллективной дезинформации (при высокой «плотности» лжи в общественном сознании) уголовное преследование за обман невозможно ровно до тех пор, пока соответствующие критические значения не придут в норму и в информационном поле не станет преобладать правдивая картина мира. В противном случае репрессивный аппарат государственного принуждения будет работать по рядовым обывателям, наказывая их за естественный для природы человека конформизм.

В публикациях последних лет активно обсуждается проблема установления ответственности за «пранки». Данное явление имеет в большей мере отношение к виртуальной среде сети «Интернет», поскольку «пранкеры» стремятся создавать соответствующие видеоматериалы для продвижения своих аккаунтов. Наиболее остро проблема проявила себя в период эпидемии

---

¹ Comstock G. A., Scharrer E. Asch // The Psychology of Media and Politics. 2005. P. 46-49, 19. - 316 p.

Covid-19, когда отдельные лица имитировали признаки заражения в публичном месте и тем самым вызывали нарушение общественного порядка. Однако этим «подвиги» пранкеров не исчерпываются. Общественность уже сталкивалась с примерами бросания под ноги рюкзаков с «бомбой», имитациями открытого хищения имущества, с его возвращением после погони, провокациями на применение насилия либо целенаправленным запугиванием прохожих и т.п.

Все эти шутки и розыгрыши основываются на обмане человека, чтобы вызвать у него ответную реакцию и тем самым изобличить, будем называть вещи своими именами, в трусости, враждебности, жадности и других весьма нелицеприятных качествах. В литературе справедливо отмечается, что реагирование на «пранки» средствами уголовного права почти невозможно, ввиду отсутствия конкретного запрета на такое поведение¹. Наиболее близкая здесь по смыслу уголовно-правовая норма об ответственности за хулиганство (ст. 213 УК РФ) не всегда может быть задействована по причине отсутствия необходимых криминообразующих признаков. Соответственно, такие деяния в лучшем случае могут быть квалифицированы как мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ).

Здесь важно сделать оговорку, что положительное решение вопроса о квалификации «пранка» как хулиганства по ст. 213 УК РФ все же имело место. Так, Джаборов, вступив в преступный сговор с М. и И., выбрав в качестве места совершения преступления вагон электропоезда Московского метрополитена, осознавая при этом создавшееся в обществе социальное напряжение, связанное с выявлением случаев заболевания коронавирусной инфекцией, вызванной вирусом Covid-19, находясь в вагоне электропоезда, следовавшего от станции метро «Полежаевская», подал И. сигнал в виде кивка головой, в свою очередь, И., по указанному сигналу, под видом лица, имеющего признаки инфекционного заболевания, о чем свидетельствовало наличие медицинской

---

¹ Марченко Д. А. Проблемы регулирования правоотношений в сфере общественного порядка и общественной безопасности // Законность. 2021. № 8. С. 53-55.

маски на лице, стал изображать признаки вышеуказанного вирусного заболевания, а именно стал кашлять, имитировать удушье и плохое самочувствие, в результате которого упал на пол вагона и продолжил имитировать судороги и конвульсии. Джаборов подбежал к И., согласно отведенной преступной роли, и стал имитировать проверку состояния здоровья И., путем создания видимости измерения пульса, после чего Д. закричал: «Коронавирус», – и совместно с соисполнителем М., также находящимся в указанном вагоне, стал искусственно создавать панику среди пассажиров, призывая всех в срочном порядке покинуть вагон электропоезда, вследствие чего, пассажиры всерьез восприняли все происходящее и после неоднократных призывов пассажиры в спешном порядке стали направляться к выходу из вагона, испытывая при этом страх и сильное душевное волнение. Своими хаотичными передвижениями виновные создавали давку, препятствуя перемещению пассажиров в сторону выхода из вагона электропоезда, создавая угрозу для пассажиров¹.

Не лишним будет дополнить, что в правоприменительной практике можно обнаружить примеры осуждения лица за совершение хищения в условиях, когда изъятие имущества осуществлялось в целях изготовления видеоматериала с преследованием охранника магазина. Так, например, по одному делу было установлено, что лица договорились снимать «пранки», а видеозапись выкладывать в сети «Интернет». В один из дней они выбрали магазин «Пятерочка» как локацию для «пранка». Согласно договоренности, одному из участников надо было проявить себя в магазине, придумать что-то смешное, чтобы охрана за ним выбежала. Оставшийся на улице с видеокамерой должен был снимать, как первый будет убегать от охраны вокруг заранее выбранного автомобиля, стоящего на парковке. Далее главное действующее лицо «пранка» в магазине изымает товар с прилавков и пытается покинуть его,

---

¹ Приговор Пресненского районного суда города Москвы от 02.08.2021 по делу № 1-285/2021 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

не заплатив. Происходит преследование, в том числе вокруг автомобиля, и задержание. При этом «оператор», увидев, что действие закончилось, с отснятым материалом скрывается¹.

По другому делу двое несовершеннолетних были осуждены за покушение на грабеж группой лиц по предварительному сговору за требование передать имущество, сопровождаемое угрозами применения насилия (угрозы подкреплялись дверным ключом, который на расстоянии походил на нож). Оба подсудимых дали согласованные показания, что они смотрели видеоролики в социальной сети «Тик-Ток», где кто-то на видеозаписи демонстрировал, как с применением ножа может подойти к кому-то на улице и с угрозой применения этого же ножа отобрать у прохожего принадлежащее тому имущество и ценности. Заканчивался видеоролик тем, что после того, как отбирали у прохожих имущество, его им возвращали. Дальше они просто гуляли, и увидели, что по пути их движения впереди них идет неизвестный им ранее парень, и они решили повторить ранее просмотренный ими видеоролик из «Тик-Тока», где с применением ножа отбирали имущество у прохожих. Так как у них ножа не было, было принято решение использовать большой ключ из металла белого цвета длиной примерно 9 см. Ключ своими формами напоминал нож².

Согласимся, что указанная квалификация «пранка» может вызывать сомнения и вопросы. Так, с одной стороны, само по себе намерение виновного на возврат имущества еще не позволяет отказаться от возможности оценки содеянного как хищения. Избранная форма распоряжения похищенным, как известно, на квалификацию не влияет. С другой стороны, вся эта ситуация может

---

¹ Приговор Троицкого районного суда города Москвы от 27.06.2022 по делу № 1-103/2022 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

² Приговор Таганского районного суда города Москвы от 19.04.2023 по делу № 1-0029/2023.

быть интерпретирована как временное позаимствование чужой вещи, которое, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, не является хищением¹.

Нельзя категорично утверждать о том, что отдельные виды «пранков» не обладают общественной опасностью. Уже сейчас очевидно, что в некоторых случаях инсценировка определенных «экстремальных» событий в публичном месте обладает не меньшей степенью общественной опасности, чем, например, заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ). Только особенности юридической техники, имеющиеся в описании состава хулиганства, мешают реагировать на подобные инциденты. И в этом плане пределы криминализации обманного поведения, на наш взгляд, должны быть расширены. Д.А. Марченко предлагает решить указанную проблему посредством выделения специального состава с преюдициальными признаками в новой ст. 213¹ УК РФ².

Об обмане в уголовно-правовом значении нельзя говорить в ситуации, когда распространяемая неправда имеет форму иносказания, иронии, шутки, аллегории и т.п. Здесь можно привести пример из работы У. Шиблса. Продавец автомобилей говорит покупателю: «Это машина настолько быстрая, что на нейтральной скорости может ехать со скоростью 200 миль в час»³. Понятно, что подобное неправдивое высказывание есть всего лишь шутка, рассчитанная на то, что покупатель понимает техническую невозможность столь быстрого передвижения на нейтральной скорости. Эта неправда (или откровенное вранье) не рассчитано на то, что ему поверят, в нем отсутствует само намерение на обман адресата информации. Функция здесь не информационная, а исключительно коммуникативная – выстроить отношения с собеседником, расположить его к себе. Соответственно, пределом преступного обмана является та форма используемой неправды (аллегория, ирония,

---

¹ п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Режим работы: СПС «КонсультантПлюс».

² Марченко Д.А. Там же. С. 55.

³ Цитата приведена по: Экман П. Психология лжи. 4-е изд. СПб., 2022. С. 280.

шутка и т.п.), при которой она выполняет не информационную, а коммуникативную функцию.

Предел преступного обмана определяется также адресатом, которым может выступать только физическое лицо, способное к восприятию информации. Нельзя говорить об обмане в уголовно-правовом смысле в ситуации, если поведение виновного хотя и было направлено в отношении человека, однако последний в силу конкретных обстоятельств (крайняя степень опьянения, малолетство, психическое расстройство, слабоумие и др.) не мог воспринимать информацию либо адекватно ее анализировать. Так, по одному делу суд отдельно указал: «...юридическая оценка действий... именно как тайного хищения чужого имущества является правильной, поскольку, несмотря на то, что противоправное изъятие денежных средств... происходило в присутствии ее малолетнего сына, последний, в силу своего возраста, не мог осознавать, что его обманывают и что совершается незаконное изъятие денежных средств»¹. В похожей ситуации при хищении золотых сережек суд также указал, что малолетняя не осознавала в силу возраста противоправный характер действий подсудимого, поэтому действия виновного не могут быть квалифицированы ни как грабеж, ни как мошенничество². Действительно, не имеет юридического значения введение в заблуждение ребенка, не могущего осуществить необходимый анализ происходящих событий, чтобы осознать их фактическую природу. В этих случаях обманное поведение виновного в широком смысле не приобретает необходимого уголовно-правового значения способа совершения преступного посягательства.

Более того, в отдельных случаях уголовный закон конкретизирует признаки потерпевшего и тем самым устанавливает новые пределы преступного обмана. Так, например, при мошенничестве адресатом ложных сведений может быть не любое физическое лицо, а только собственник либо иной владелец

---

¹ Апелляционное определение Приморского краевого суда от 08.11.2021 г. № 22-4213/2021.

² Приговор Куйбышевского районного суда города Иркутска от 22.02.2011 по делу № 1-37/11.

имущества. Введение в заблуждение других лиц при изъятии имущества должно оцениваться как механизм обеспечения тайности, который и выступает способом хищения.

В современных условиях значимым вопросом является возможность распространения категории преступного обмана на действия в отношении программно-технических систем безопасности, прежде всего в сфере дистанционного банковского обслуживания. Традиционное понимание обмана как воздействия именно на психику человека не позволяет согласиться с таким отождествлением. «Умная программа» все же остается программой, компьютерным кодом. Следовательно, здесь необходимо вести речь не об обмане, а об интеллектуальных способах преодоления программно-технических средств защиты.

Надо признать, что в правоприменительной практике данный вопрос вызывает определенные затруднения в части применения положений уголовного закона. Так, Г. был осужден за совершение преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Согласно решению суда Г., используя банкоматы, инициировал операции по пополнению банковского счета, однако денежные средства не вносил, придерживая рукой купюроприемники банкоматов, вызывая тем самым операционный сбой. После чего через удаленные каналы обслуживания Г. предъявлял претензии о якобы несовершенной операции пополнения счета карты. Получив денежные средства на карту, Г. распоряжался ими по своему усмотрению. Изменяя квалификацию содеянного Г. на ч. 1 ст. 159³ УК РФ, суд сослался на то, что «...внося заведомо ложные сведения о техническом сбое операционной системы банкомата в претензию, Г. обманывал банк. Диспозиция ни ч. 1 ст. 159 УК РФ, ни ч. 1 ст. 159³ УК РФ не содержит обязательного условия обмана непосредственно конкретного физического лица»¹. Полагаем, что решение суда первой инстанции о квалификации содеянного как кражи является правильным. Из решения суда усматривается, что

---

¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.04.2022 по делу № 77-991/2022.

рассмотрение обращения Г. производилось программой, без участия работника банка. Виновный это осознавал. Таким образом говорить об обмане в данном конкретном случае нельзя.

Пределы преступного обмана во многом определяются содержанием распространяемой информации. Здесь следует обратить внимание сразу на несколько особенностей. Прежде всего, такие пределы связаны с областями знания и социального опыта, принципиально непроверяемыми и неverifiedируемыми в конкретный период времени (утверждения о событиях либо явлениях, которые относятся к сфере религиозных убеждений и иных верований, распространение сведений об НЛО и т.п.).

И.Я. Фойницкий в своем исследовании указывал на то, что во всех тех случаях, когда лицо получает от другой стороны какое-либо имущество под предлогом вступления с нею в сделку, на самом деле, не имея намерения исполнить вытекающие из нее обязанности, нельзя видеть мошенничества, если при этом не было обмана в каких-либо внешних фактах, склоняющих обманутого к передаче своего имущества¹. Как известно, современная правоприменительная практика демонстрирует уже другой подход в этом отношении. Завладение имуществом под предлогом вступления в гражданско-правовые отношения единообразно квалифицируется как мошенничество при условии доказанности изначального намерения виновного именно на хищение имущества. Таким образом, можно сказать о некотором расширении пределов преступного обмана, при котором заблуждение в добросовестности контрагента уже не оценивается исключительно как экономический или предпринимательский риск, а имеет вполне конкретное уголовно-правовое содержание.

Проблемой совершенно другого порядка является возможность распространения категории обмана относительно цены товара либо услуги. Исходя из принципа свободы договора, следует заключить, что собственник может

---

¹ Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. В 2-х частях. Т.2. М.: Издательство Современного государственного университета, 2006. С. 127.

установить и соответственно предложить любую цену на свой товар. Переплата со стороны покупателя оценивается как логическое следствие того, что он не проявил должной осмотрительности, чтобы убедиться в реальной рыночной стоимости вещи. Верность этого суждения распространяется ровно до того, пока не будет установлено, что лицо было введено в заблуждение относительно потребительских свойств товара. Последнее образует признаки мошенничества, поскольку имеет место именно преступный обман. Пределом здесь, пожалуй, выступает то обстоятельство, что определение цены за товар есть лишь субъективное ожидание продавца относительно эквивалентной платы за вещь либо услугу. В этом невозможно обмануть покупателя. Последний сам определяет свое поведение с учетом имеющейся у него информации. Другое дело, когда искажение сведений о качестве товара формирует неверное представление о справедливости ее объявленной стоимости.

И.Я. Фойницкий в своей знаменитой работе о мошенничестве выделяет еще один предел преступного обмана как способа соответствующей формы хищения. Так, автор указывает на то, что обманное нищенство не составляет содержание мошенничества (лицо выдает себя за глухонемого, слепого, калеку и т.п.), поскольку здесь имеет место обман лишь к возбуждению сострадания. При этом И.Я. Фойницкий специально оговаривает, что выманивание милостыни, сообщая, будто бы лицо на это уполномочено каким-либо благотворительным учреждением, образует мошенничество¹.

Сложным является вопрос о возможном пределе преступного обмана в ситуации, когда лицо вводит в заблуждение владельца имущества исключительно относительно своих намерений о распоряжении получаемым имуществом. Например, девушка сообщает молодому человеку, что она якобы потеряла телефон и просит у него деньги на покупку нового устройства. В действительности она тратит эти средства на погашение долга или развлечения.

---

¹ Фойницкий И.Я. Там же. С. 133-135.

Полагаем, что подобного рода введение в заблуждение не может составлять содержание преступного обмана. Очевидно, что в этих условиях даритель мало связан ложными сведениями, объясняющими потребность в денежных средствах со стороны просящего. Руководствуясь своими собственными мотивами благотворительности либо мотивами получения расположения со стороны девушки, владелец имущества воспринимает это как обман в безразличных обстоятельствах.

Пределом преступного обмана является также и то, что ответственность за клевету возможна лишь при распространении ложных и порочащих сведений исключительно о физическом лице. Совершение же аналогичных действий, но в отношении организации с целью принизить ее деловую репутацию, как известно, не может признаваться преступлением. Здесь весьма меткое замечание делает Е.О. Рыбина, указывая, что распространение недостоверных сведений, подрывающих деловую репутацию юридического лица, может рассматриваться как способ ограничения или устранения конкуренции, ответственность за который наступает по ст. 178 УК РФ¹.

Пределом преступного обмана следует признать также и то, что определенное поведение является весьма распространенным в конкретной системе социальных отношений и во многом по этой причине не воспринимается обществом как опасное. Так, например, известно, что обман не является способом понуждения лица к действиям сексуального характера. Склонение лица к интимной близости под условием оказания содействия в трудоустройстве, передачи имущества, решения проблем с кредиторами и т.п. не образует состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ.

Равным образом, считается, что обманный способ невозможен в составе изнасилования либо насильственных действий сексуального характера. В отечественной литературе отмечается, что законодательством ряда стран преду-

---

¹ Рыбина Е.О. Уголовно-правовая защита чести, достоинства и репутации: автореферат дис. ...канд.юрид.наук. М., 2009. С. 8-9.

смотрен еще один способ совершения изнасилования, а именно обман потерпевшего. Очевидно, в данном случае законодатель исходит из того, что при обмане половое сношение также совершается помимо воли потерпевшего. Согласно УК Бельгии (ст. 375) «согласие считается отсутствующим, в частности, если акт был навязан силой, принуждением или хитростью». Использование хитрости, обмана как возможный способ изнасилования также известно уголовному законодательству Бурунди, Люксембурга, Омана, Польши, Сан-Марино. Особый случай обмана как способ изнасилования предусматривают УК Брунея, Вануату, Замбии, Индии, Кении, Кипра, Нигерии, Пакистана, Сингапура – если потерпевшая дала согласие, добросовестно полагая, что виновный является ее мужем, тогда как сам виновный знал, что таковым не является. УК Замбии, Кении, Нигерии допускают также обман относительно природы совершаемого акта как способ совершения изнасилования. УК Италии, Таиланда и Уругвая говорят об обмане путем выдачи себя за другое лицо¹.

В 2010 г. в Израиле лицо было осуждено за изнасилование посредством обмана, где суд привел следующую аргументацию: «Если бы потерпевшая не думала, что обвиняемый является евреем по происхождению, холостяком и заинтересован в серьезных отношениях, она бы не вступила с ним в связь... Суд обязан защищать общественный интерес от изощренных, сладкоречивых преступников, способных обмануть невинных жертв невыносимой ценой – святостью их тел и душ»².

Доктрина «обманного изнасилования» или *rape-by-deception* приобрела доминирующий характер с момента решения Верховного Суда Израиля по делу *Selimann v. State of Israel* (17 сентября 2008 г.) CrimA 2358/06. В данном деле лицо представлялось чиновником, наделенным полномочиями по принятию решения о представлении жилых помещений в аренду, и под угрозами

---

¹ Капинус О.С., Додонов В.Н. Ответственность за изнасилование по УК стран ближнего и дальнего зарубежья // Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей. М., 2008. С. 213 - 230. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

² CrimC (Jer) 561/08 *State of Israel v. Kasiour* (July 19, 2010).

выселения и иных неблагоприятных последствий склоняло потерпевших к интимной близости.

Еще в 1998 г. Верховный Суд Канады определил, что «изнасилование совершается всякий раз, когда секс достигается нечестностью»¹.

Конструкция «*rape-by-deception*» воспринята законодательством отдельных штатов в США (Айдахо, Массачусетс, Теннесси)².

Российская доктрина уголовного права исходит из обратного. Нельзя считать, что потерпевшая находится в беспомощном состоянии в тех случаях, когда ее воля фальсифицирована в результате обмана (например, когда она воспринимает одного за другого и допускает половое сношение с иным лицом)³. Способы, посредством которых совершается изнасилование, объединяет то, что они направлены на достижение цели совершения полового сношения вопреки воле женщины. Поскольку в законе дан их исчерпывающий перечень, то совершение полового сношения с женщиной путем обмана состава изнасилования не образует⁴.

Здесь необходимо отметить некоторый «перекос» механизма уголовно-правовой охраны в части определения пределов преступного обмана. Как известно, обман признается способом посягательства не только на имущество, но и при нарушении неприкосновенности жилища. Пленум Верховного Суда РФ признал, что проникновение в жилище в присутствии собственника, когда последний заблуждался в личности либо даже намерениях лица, образуется состав преступления, предусмотренный ст. 139 УК РФ. Однако же доктрина и судебное толкование «застыли» в этом отношении применительно к посягательствам на половую свободу человека. Конечно же, сразу нужно согласиться

¹ R. v. Cuerrier, [1998] 2 S.C.R. 371, 374 (Can.)

² Jed Rubinfeld. The riddle of rape-by-deception and the myth of sexual autonomy // Yale Law Journal. 2013. Vol. 122. N. 6 / URL: <https://www.yalelawjournal.org/article/the-riddle-of-rape-by-deception-and-the-myth-of-sexual-autonomy> (дата обращения: 15.07.2023).

³ Утямишев А. Б. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера: Учебное пособие. Хабаровск, 2002. С. 67

⁴ Бохан А. Вопросы квалификации изнасилований (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) // Уголовное право. 2014. № 5. С. 32 - 35. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

с тем, что далеко не любой обман может быть признан способом, например, изнасилования, а только тот, который своим действием ставит потерпевшего в положение, сравнимое с беспомощным состоянием. Надо отметить, что проведенное социологическое исследование показывает отрицательное отношение респондентов к расширительному пониманию изнасилования посредством включения в него обманного способа посягательства – 79% высказались против.

С точки зрения содержания распространяемой информации пределом уголовно-наказуемого обмана является также и то, что оценочные категории личности не могут быть ограничены законом. С.В. Потапенко, отмечая сложность в установлении границы между недостоверной фактической информацией и оценками, указывает на то, что в конечном итоге в этом вопросе должен разбираться суд¹.

Так, например, Р.А. Сабитов пишет: «Нельзя исключать посягательство путем обмана на жизнь или здоровье личности. Например, передача фиктивной телеграммы о гибели близкого человека может вызвать психическую травму и смерть лица, страдающего сердечно-сосудистыми заболеваниями. Эти действия при соответствующих условиях расцениваются как умышленное убийство»². При этом автор ссылается на позицию по данному вопросу С.В. Бородин³. Возникает сомнение относительно пригодности не самой идеи о возможности обмана в посягательстве на жизнь человека, а в том примере, которым иллюстрируется эта идея. Конструктивные признаки состава преступления должны обладать способностью к доказыванию следственным путем. Употребление же такого казуса с обманом в составе убийства ставит очень серьезный вопрос относительно возможности доказывания причинно-следственной связи между ложным сообщением и ухудшением состояния по-

---

¹ Потапенко С.В. Факты и мнения в делах о защите чести // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 28.

² Сабитов Р.А. Криминальные обманы и фальсификации: монография. М., 2019. С. 97.

³ Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. М., 1977. С. 34.

терпевшего, приведшего к наступлению смерти. Думается, что здесь присутствует неустранимое сомнение. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что несмотря на представления доктрины по данному поводу, в правоприменительной практике подобных примеров до настоящего времени не было.

В то же время обман как способ умышленного лишения жизни не вызывает сомнений в отечественной науке уголовного права. Так, Р.Д. Шарапов, анализируя включение обмана в число способов склонения или иного вовлечения несовершеннолетнего в совершение противоправных действий (ст. 151² УК РФ), отмечает, что само по себе это «не должно быть основанием для квалификации по данной статье действий субъекта, который, используя обман, вводит несовершеннолетнего в заблуждение относительно реальной опасности для собственной жизни совершаемых им действий, рассчитывая, таким образом, на трагический исход. В доктрине такие действия единодушно расцениваются как убийство или покушение на него»¹.

Непростым является вопрос о возможности обманного способа при совершении неосторожных преступлений. Иными словами – является ли пределом преступного обмана неосторожное поведение субъекта, повлекшее предусмотренные уголовным законом общественно опасные последствия? Сложность вопроса обуславливается, прежде всего, тем, что в доктрине уголовного права нет согласия относительно самой возможности выделения способа в неосторожных преступлениях. Известна позиция В.Н. Кудрявцева, что «способ – объективная характеристика действия, не зависящая от того, с какой формой вины оно совершается. Поэтому тот или иной способ совершения преступления присущ всем преступлениям, как умышленным, так и неосторожным»².

На это возражают отдельные авторы, ссылаясь на то, что «способ, то есть избранный метод или прием, характерен для умышленных преступлений. При неосторожном преступлении способ сам «приходит в руки» виновному,

---

¹ Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. 2017. № 6. С. 78 – 83 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

² Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 71-72.

поскольку он его не выбирает, не ищет и не оценивает. Поэтому можно сказать, что в неосторожных деяниях способ как юридический феномен отсутствует»¹.

В юридической литературе довольно часто приводится аргументация М.Г. Угрехелидзе, который указывал, что «способ совершения преступления может войти в структуру только таких преступных деяний, которые предполагают целевую активность, то есть деяний, субъективная сторона которых выражается в прямом умысле»².

Здесь, однако, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в определение способа включается признак «осознанного выбора» образа действия со стороны субъекта. Надо признать, что многочисленные дефиниции способа совершения преступления как раз такое специальное уточнение в части субъективного отношения лица не содержат. Поэтому в этом плане приведённая выше критика представляется неубедительной. Ее отличает и внутренне противоречие, поскольку при заявляемом отсутствии способа, тут же проводится мысль, что он (способ) в неосторожном посягательстве сам «приходит в руки». Как справедливо резюмирует по данной проблеме А.И. Бойко: «Преступное безразличие и неосторожное причинение также выполняется по определенным поведенческим образцам; они стандартизированы в законе и подтверждаются практикой»³.

Полагаем, что нет никаких препятствий к тому, чтобы признать возможным наличие способа в неосторожных преступлениях. Соответственно, нет и оснований, чтобы полагать реалистичным возможность обманного способа в таких преступлениях. Это утверждение можно подкрепить ссылками и на правоприменительную практику. Так, например, по делам о нарушении требований промышленной безопасности опасных производственных объектов (ст.

---

¹ Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. С. 246.

² Угрехелидзе М.Г. Об одном аспекте взаимосвязи объективной и субъективной стороны преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Владивосток, 1983. С. 42.

³ Бойко А.И. Преступное бездействие. СПб., 2003. С. 45.

217 УК РФ) на угольных шахтах довольно часто способом выступает *искажение результатов контроля состояния рудничной атмосферы, полученных в результате работы системы аэрогазового контроля*¹. Отражение недостоверных данных при непосредственном мониторинге газового контроля в системах безопасности выступает именно тем *modus operandi*, которым совершается деяние, описанное в ст. 217 УК РФ. Этот технологический обман блокирует срабатывание аварийных систем отключения электропитания и приводит к бездействию целого ряда субъектов, отвечающих за производственную безопасность.

Пределы преступного обмана как самостоятельного преступления тесно связаны с общими критериями криминализации деяния. Отечественная наука характеризуется высоким уровнем разработанности данного раздела уголовного права. С учетом господствующего учения о криминализации можно заключить, что обман может быть признан самостоятельным преступлением при констатации его несомненной общественной опасности, относительной распространенности и не массовости, с условием процессуальной и криминалистической доказуемости обманного деяния и невозможности надлежащего противодействия иными мерами государственного принуждения.

М.А. Фомичева в ряду факторов, обуславливающих криминализацию способа совершения преступления, также называет *законодательные традиции*². Важное замечание. Действительно, нельзя отрицать, что развитие уголовного законодательства отдельной страны, как, впрочем, и отрасли права в целом, всегда имеет обусловленную историей, догмой и национальным духом инерцию. Сложившийся образ реагирования на конкретные формы общественно опасного поведения в дальнейшем выполняет некую перформативную функцию, оказывая влияние на появление уже новых нормативных конструкций, в том числе уголовно-правовых запретов. В результате в новом мы

---

¹ См.: Приговор Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области от 15.06.2012 по делу № 1-290.

² Фомичева М.А. Угроза как способ совершения преступления: автореферат дис. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 16.

всегда можем рассмотреть отражение давней традиции, в большей или меньшей степени. При этом не всегда законодательная традиция положительно влияет на развитие процессов криминализации. Так, например, следует согласиться с имеющейся в теории уголовного права позицией, что использование конструкции мошенничества в ст. 159^б УК РФ является ошибочным¹.

Излишняя криминализация причиняет больше вреда, чем пользы. В ситуации разрешения вопроса об установлении уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации нужно проявлять еще большую осторожность по ряду причин. Прежде всего все-таки такие преступления не обладают качеством прямого непосредственного причинения вреда человеку. Такие составы, как правило, характеризуются формальной конструкцией. Кроме того, криминализация обмана самым тесным образом соприкасается с проблемой правового ограничения свободы слова и самовыражения. Безусловно, никто не наделен правом на распространение дезинформации. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что довольно часто такое поведение может быть допущено лицом вследствие собственной неопытности, неразборчивости и даже доверчивости. И тут возникают риски искусственной криминализации, когда к уголовной ответственности будут привлекаться не профессиональные агитаторы-лжецы, а рядовые обыватели, уверовавшие в настойчиво навязываемым им «истины».

В завершение данного параграфа кратко изложим его основные результаты:

1) пределы преступного обмана – это ограничения, устанавливаемые на уровне действующего уголовного законодательства, вырабатываемые актами судебного толкования либо доктриной уголовного права, определяющие

---

¹ См.: Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2022. С. 312-313; Иванчин А.В., Смоляков А.Н. Кража и компьютерное мошенничество, совершенные с банковского счета или в отношении электронных денежных средств: проблемы дифференциации ответственности // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 3 (53). С. 50-55.

допустимость признания обмана способом совершения преступления либо самостоятельным преступлением;

2) пределы преступного обмана определяются факторами, имеющими разное происхождение и, соответственно, природу:

а) пределом является правомерный и (или) социально допустимый характер самого обманного поведения (меры безопасности в отношении охраняемых законом лиц, оперативный эксперимент, предсказатели будущего, фокусники, склонение к интимной близости с обещанием жениться и т.п.);

б) об обмане в уголовно-правовом значении нельзя говорить в том случае, когда распространяемая неправда имеет форму аллегории, иронии, шутки и т.п., то есть когда она выполняет не информационную, а коммуникативную функцию;

в) пределы преступного обмана также определяются признаками адресата информации;

г) пределы преступного обмана в значительной степени связаны с содержанием распространяемой информации (невозможность обмана в оценочных суждениях и т.п.);

д) пределы преступного обмана как самостоятельного преступления определяются общими критериями криминализации деяния. Обман может быть признан самостоятельным преступлением при констатации его несомненной общественной опасности, относительной распространенности и не массовости, с условием процессуальной и криминалистической доказуемости обманного деяния и невозможности надлежащего противодействия иными мерами государственного принуждения;

3) в современных условиях следует констатировать последовательное расширение пределов преступного обмана. Данная тенденция проявляет себя не только наглядным увеличением в системе Особенной части УК РФ норм об ответственности за распространение заведомо недостоверной информации, но также стремлением теории и практики придать обману значение способа совершения конкретного посягательства в более широком смысле.

ГЛАВА II. ОБМАН КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2.1. Формы проявления обмана-способа в уголовном законе и его юридическое значение

Предварительно следует хотя бы в общих чертах осветить вопрос о способе совершения преступления в целом. Известно, что в отечественной науке уголовного права наличествует множество подходов к его определению. Так или иначе предлагаемые дефиниции во многом совпадают между собой и ведут к его пониманию как объективной формы выражения вонне преступного деяния, состоящей в применении совокупности телодвижений, приемов и операций, использовании подходящих орудий и средств либо внешних вредоносных сил, а также условий места и времени во время совершения преступного посягательства¹.

Способ совершения преступления относится к числу факультативных признаков состава. В отечественной теории уголовного права высказывались суждения относительно того, что общественно опасное посягательство всегда предполагает определенную избранную виновным модель поведения, а, соответственно, способ правильно считать признаком обязательным. Подход этот разделяется меньшинством специалистов и опровергается тем, как представляется, верным утверждением, что реальная наличность способа в совершении преступления не подтверждает его криминообразующий характер, поскольку последний вопрос зависит от описания состава преступления в конкретной диспозиции статьи Особенной части УК РФ. Или как справедливо замечает по

---

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 60-69; Пономарева Н.П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: автореф. ... дис. канд.юрид.наук. М., 19707 С. 8-9; Коняхин В.П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 115-116; Зуйков Г.Г. О способе совершения и способе сокрытия преступления // Оптимизация расследования преступлений. Иркутск, 1982. С. 56-64; Михайлов Н.Ф., Магомедов А.А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение. Астрахань, 2008. С. 45 и др.

данному поводу С.В. Шиловский: «способ совершения преступления, будучи неотъемлемой частью объективной стороны преступления как явления действительности, в конструкцию объективной стороны состава преступления включается законодателем факультативно, в случае если обладает существенным уголовно-правовым значением»¹.

А.В. Наумов выделяет следующие приемы описания способа в тексте уголовного закона: 1) в диспозиции может содержаться указание на единственный способ совершения преступления; 2) диспозиция может содержать точный перечень исчерпывающих, но альтернативных способов совершения преступления; 3) в диспозиции может быть указан примерный перечень альтернативных способов; 4) из формулировки диспозиции может вытекать, что преступление может быть совершено тем или иным способом².

Р.А. Сабитов отмечает, что законодатель, конструируя тот или иной состав преступления, совершаемого путем обмана, прибегает к определенным приемам обрисовки обмана, позволяющим отграничить его от других преступлений³.

Действительно, с юридико-технической точки зрения обман как способ совершения преступления выражен не единообразно. Проведенное исследование позволяет выделить четыре модели: 1) обман напрямую указывается в редакции нормы (непосредственно в диспозиции либо в отдельных случаях в примечании к статье Особенной части УК РФ); 2) используются конструкции, содержательно соответствующие обманному способу посягательства (внесение / предоставление недостоверных сведений, заведомо ложное сообщение, подделка, фальсификация и т.п.); 3) обманный способ напрямую не указыва-

---

¹ Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и средство дифференциации ответственности: монография. М., 2015. С. 40.

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1 Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 341-342.

³ Сабитов Р.А. Криминальные обманы и фальсификации: монография. М., 2019. С. 94.

ется в тексте статьи уголовного закона, однако признается на уровне судебного толкования; 4) обманный способ совершения преступления поддержан на уровне доктрины уголовного права и правоприменения.

На момент проведения исследования прямое указание на обман наличествует в описании уголовно-правовых норм об ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействия совершению преступления (ст. 110¹ УК РФ), воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151² УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере страхования (ст. 159⁵ УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (примечание к ст. 173² УК РФ), незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (примечание к ст. 230¹ УК РФ), незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283¹ УК РФ), уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (ст. 339 УК РФ).

Последние изменения отечественного уголовного законодательства указывают на стремление в отдельных случаях специально выделить обманный способ в диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы. Так, последние поправки в ст. 183 УК РФ были связаны именно с выделением обмана, шантажа и принуждения как самостоятельных способов незаконного получения налоговой, банковской и коммерческой тайны. Авторы законопроекта обосновывали необходимость соответствующих изменений тем, чтобы более эффективно противодействовать лицам, осуществляющим незаконное собиране

информации ограниченного доступа и использование ее в личных целях¹. Верховный Суд РФ в отзыве на законопроект небезосновательно указал на то, что указанное предложение представляется излишним с точки зрения юридической техники. Действующая редакция, нормы предусматривает ответственность за собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, любым «иным незаконным способом»². Действительно, корректировка редакции ст. 183 УК РФ от 11 июня 2021 г. мало что поменяла в уголовно-правовом противодействии посягательствам на коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Как в теории, так и на уровне правоприменения обман всегда признавался возможным способом совершения незаконного собирания сведений, составляющих тот или иной вид тайны. С учетом этого можно констатировать, что изменение модели диспозиции ст. 183 УК РФ никак не повлияло на процессы, связанные с криминализацией, а имело в большей мере юридико-технический характер.

В связи с этим следует сформулировать собственное отношение к подобной практике казуализации способа преступного посягательства в Особенной части УК РФ. Конечно же, подобное нормотворчество в некотором смысле перегружает текст уголовного закона, делает его и слишком громоздким, и в отдельных случаях коллизионным. Не говоря уже о том, что такие усилия без конкретного социального запроса и реальной на то необходимости со стороны правоприменения вызывают вполне понятное раздражение. Такие «косметические правки» уголовного закона способны ввести и в довольно вредное заблуждение. Так, например, в аспекте реализованного законопроекта по изменению ст. 183 УК РФ может возникнуть ошибочное представление, что обман

---

¹ Проект Федерального закона № 1112804-7 «О внесении изменений в статьи 183 и 320 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 16.02.2021) // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

² Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 18.12.2020 № 4-ВС-6857/20 «На проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 183 и 320 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

не следовало ранее и нельзя в перспективе относить к конструкции «иного незаконного способа».

Однако же детализация способа преступного посягательства в отдельных ситуациях имеет смысл. Касается это прежде всего случаев, когда пределы объективной стороны конкретного преступления имеют мало выявленный характер, грозящий либо фактической неприменяемостью нормы, либо крайне противоречивой или даже прямо противоположной практикой. Здесь в качестве примера можно привести редакцию новеллы отечественного уголовного закона об ответственности за воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124¹ УК РФ). Известно, что поводом к криминализации послужили вполне конкретные примеры насильственного вмешательства в деятельность медицинских работников, блокирования проезда скорой помощи и т.п. Вместе с тем диспозиция указанной нормы предполагает, что такое воспрепятствование может быть осуществлено «в какой бы то ни было форме». Логично сделать вывод, что в таком случае сюда можно относить и обман. Соответственно, любое умышленное искажение информации, повлиявшее, например, на избрание правильной методики лечения пациента, при наступлении тяжкого вреда здоровью либо смерти, можно квалифицировать в соответствии со ст. 124¹ УК РФ.

Вместе с тем в настоящее время, когда практика по ст. 124¹ УК РФ не установилась, а теоретические воззрения по предмету имеют все же весьма поверхностный характер, нельзя не признать наличие определенного сомнения относительно толкования пределов криминального обмана как способа воспрепятствования оказанию медицинской помощи.

Другим способом формализации обмана в уголовном законе является использование конструкций семантически с ним связанных: предоставление недостоверной информации / сведений / документов / списка, заведомо ложное сообщение / сведения / информация / данные / объявление / донос / показание и т.п.). С учетом этого список обманных преступлений значительно рас-

ширяется, поскольку включает в себя многие криминальные формы пропаганды и дезинформации (публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), реабилитация нацизма (ст. 354¹ УК РФ) и др.).

Возможность обмана как способа совершения преступления имеет место также в тех случаях, когда объективная сторона предполагает наличие формы, сопряженной с обманным поведением. Подобная модель может быть продемонстрирована составами мелкого хищения (ст. 158¹ УК РФ), хищения предметов, представляющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), хищения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ).

На уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ обманный способ как возможный при осуществлении посягательства признан в составе похищения человека¹. Судебное толкование в этой части отразило и укрепило обоснованный ранее в науке подход, при котором захват человека и его перемещение не обязательно могут предполагать применение насилия в отношении личности. Похищение может быть осуществлено и посредством введения в заблуждение лица, которое, внешне сохраняя физическую свободу, лишь реализует намерение виновного на перемещение похищенного.

Весьма показательной применительно к теме настоящего исследования выступает судьба уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ). В науке по данному поводу высказывались противоположные мнения. А.Н. Красиков обосновывал, что «преступным будет проникновение в жилище не только в тех случаях, когда открыто игнорируется согласие, но также если оно осуществляется путем обмана, например путем предъявления подложного документа на проведение

---

¹ п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

обыска»¹. В то же время другие специалисты последовательно отстаивали позицию, что «использование обмана, злоупотребления доверием для проникновения в жилище не образует рассматриваемого состава преступления, поскольку в этих случаях лицо проникает в жилище по воле проживающего в нем лица, хотя оно и находилось в заблуждении относительно тех или иных обстоятельств»².

Как известно точку в данной дискуссии поставил Пленум Верховного Суда РФ, сформулировав конкретные указания по вопросу – обман должен признаваться способом незаконного проникновения в жилище³. Здесь сразу возникает масса вопросов относительно допустимости признания любого обмана способом совершения преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ. Так, например, лицо может совершить подобные действия из романтических побуждений, притворившись больным либо сославшись на иные выдуманные обстоятельства (упустил последнюю электричку и т.п.). Весьма сомнительно, что такое обманное поведение необходимо оценивать как достаточное для вменения нарушения неприкосновенности жилища.

Несмотря на отсутствие прямого указания в диспозиции уголовно-правовой нормы, следует сделать вывод о том, что обман является способом совершения всех иных форм криминального вовлечения и склонения в УК РФ. Равным образом, следуя правовой позиции о возможности обманного способа применительно к составу незаконного проникновения в жилище, можно сделать вывод, что обман может выступать способом незаконного проникновения на охраняемый объект (ст. 215⁴ УК РФ).

---

¹ Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 165.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2010. С. 515.

³ Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Однако в иных случаях признание обмана способом совершения конкретного преступления является до конца не решенным. Так, например, нет определенности в вопросе о том, является ли обман возможным способом совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). С одной стороны, в литературе отмечается, что соответствующая угроза должна быть *реальной*. Данное качество угрозы конкретизируется тем, что «у виновного имеются средства, достаточные для ее реализации, когда для ее исполнения не требуется дополнительных усилий со стороны виновного»¹. Отмечается также и то, что «не все угрозы могут быть признаны деянием с точки зрения данного состава. Очень важно, чтобы угроза была реальной, а не мнимой»². При подобной трактовке обманное запугивание потерпевшего в отсутствие условий для реализации соответствующих угроз «здесь и сейчас» не может быть квалифицировано по ст. 119 УК РФ. И это даже при том условии, что цель деяния была бы достигнута – потерпевший мог воспринимать угрозы как реальные и опасаться за свою жизнь и здоровье. Особую актуальность данный вопрос имеет, когда лицо получает угрозы дистанционно, посредством современных информационно-коммуникационных технологий³. Понятно, что разрешение этой дискуссии влечет за собой значительные последствия с точки зрения пределов реализации уголовной репрессии. Как писал по данному поводу В.Н. Кудрявцев, «закон охраняет общественные отношения не вообще, а от конкретных преступных посягательств, которые совершаются определенными способами. Поэтому при разработке законодательства... необходимо решить вопрос о том, какие именно способы посягательства следует отразить в законе, с тем чтобы не допустить излишнего расширения пределов уголовной

---

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. – 14-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 253.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, по-статейный). 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М., 2016. С. 270.

³ Приговор Клинского городского суда Московской области от 18.10.2013 № 1-125/13.

ответственности за счет включения действий, не представляющих реальной общественной опасности, а также неоправданного сужения этих пределов»¹.

Все же реальность угрозы применительно к ст. 119 УК РФ необходимо оценивать не в том отношении, что виновный действительно намеревался ее исполнить. Главным здесь является – восприятие самого потерпевшего. Реальность угрозы не означает, что виновный фактически собирался осуществить свою угрозу в действительности. Для привлечения виновного к уголовной ответственности достаточно установить, что у потерпевшего были реальные основания опасаться осуществления высказанной вовне угрозы². Таким образом, следует заключить, что обман может выступать способом угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в тех случаях, когда виновный стремился запугать потерпевшего, понимая, что не имеет ни намерения, ни возможности для осуществления своих угроз (например, виновный может угрожать потерпевшему незаряженным либо заведомо непригодным для использования оружием, в том числе муляжом).

В дополнение стоит лишь пояснить то, что по смыслу ст. 119 УК РФ обманное запугивание не может быть квалифицировано как преступление, когда высказывания лица обладают признаками нескрываемой лжи или вранья, которое, как уже отмечалось ранее, является не дезинформационным феноменом, а коммуникативным. В практической области это означает, что, если кто-либо пожелает воспользоваться ситуацией (например, один другому с досады прокричал, что пристрелит в следующий раз) для ложного обвинения другого в совершении преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, весьма важно разобраться в самом контексте, выявляющем дезинформационный или коммуникативный характер высказанной угрозы.

---

¹ Кудрявцев В. Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 63.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 2. Особенная часть (разделы VII – VIII) / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., 2023. С. 107.

Многоликость определения обманного способа совершения преступления можно продемонстрировать конструкцией ст. 339 УК РФ, в которой способом уклонения от исполнения обязанностей военной службы названы симуляция болезни и причинение себе какого-либо повреждения (членовредительство), подлог документов или иной обман.

Обманное поведение отражает сущность и такого преступления как присвоение авторства (плагиат), предусмотренного ч. 1 ст. 146 УК РФ. Лицо, назвавшееся автором чужого произведения, совершает хотя и не строго персонафицированный, но все же обман.

Важно отметить, что криминальные фальсификации и подлоги не следует отождествлять с преступлениями, совершаемыми путем обмана. Так, например, преступления, связанные с искажением данных государственных реестров, хотя и описаны с указанием на внесение заведомо недостоверных сведений, но их все же нельзя признать совершаемыми именно путем обмана, поскольку осуществление объективной стороны не предполагает непосредственное воздействие на психику другого человека.

Природа таких преступлений иная, хотя также предполагает отказ от истины, посредством создания либо распространения заведомо недостоверной информации. Само деяние виновного не связано с введением в заблуждение кого бы то ни было, это обстоятельство находится, как правило, в представлении лица о желаемом результате содеянного, но уже за пределами объективной стороны преступления. Так, например, служебный подлог не предполагает контактов с конкретными адресатами информации, однако виновный рассчитывает на это в будущем, стремясь к созданию ложного отношения к определенным фактам, процессам и т.п.

Таким образом, систему обманых преступлений в структуре Особенной части УК РФ можно представить следующим образом:

1) *преступления, совершаемые обманным способом*, в которых распространение ложной информации не является целью деяния, а выполняет исключительно инструментальную роль (склонение к совершению самоубийства

или содействия совершению преступления (ст. 110¹ УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151² УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ) и др.);

2) *преступные обманы* – преступления, совершаемые путем обмана, основной целью которых является создание и (или) распространение недостоверной информации (публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), реабилитация нацизма (ст. 354¹ УК РФ) и др.);

3) *преступные подлоги и фальсификации* – преступления, не предполагающие в содержании объективной стороны воздействие на психику другого человека, однако основной целью которых также является создание и (или) распространение заведомо ложной либо искаженной информации. Перечень соответствующих преступлений является значительным и охватывает многие разделы Особенной части УК РФ (фальсификация избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования (ст. 142 УК РФ), фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (ст. 172¹ УК РФ), заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 200⁶ УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков (ст. 327 УК РФ) и др.

Вторая и третья подгруппы приведенный выше системы определяются нами конструкцией «обман как преступление». Смысл такой терминологии представляется достаточно очевидным – суть соответствующих деяний заключается в негативном воздействии на информационное пространство общества посредством увеличения ложных сведений и искаженных данных. «Обман как преступление» в большей степени маркирован не способом посягательства, а самой направленностью деяния на распространение недостоверных данных.

Юридическое значение способа преступного посягательства раскрывается в литературе одинаково: 1) способ посягательства может выступать криминообразующим признаком состава; 2) он же в отдельных случаях является квалифицирующим признаком; 3) способ преступного деяния признается обстоятельством, отягчающим наказание; 4) служит разграничительным признаком между смежными преступлениями.

Обман является квалифицирующим признаком воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ). Здесь обман поставлен в один ряд с подкупом, принуждением, угрозой насилия и самим насилием. Следует отметить, что за исключением приведенного примера обманный способ довольно редко используется законодателем при дифференциации уголовной ответственности. Этот факт, пожалуй, имеет вполне очевидное объяснение – обман сам по себе крайне редко повышает степень общественной опасности содеянного. В связи с этим имеет смысл задуматься над тем, при каких условиях обманное поведение в том или ином выражении могло бы рассматриваться как квалифицирующее обстоятельство. В отечественной литературе по данному поводу практически отсутствуют какие-либо рекомендации.

С.В. Шиловский пишет, что «способ включается в уголовно-правовую норму только тогда, когда заряд общественной опасности, который он привносит в деяние, существенно влияет на деяние, а следом и на общественную опасность всего преступления. Иными словами, законодатель особо выделяет определенный способ совершения преступления (либо группу способов) в связи с тем, что совершение определенного деяния, которое запрещает конкретная уголовно-правовая норма, иными способами не может определить или существенно повысить степень общественной опасности преступления в целом»¹.

---

¹ Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и средство дифференциации ответственности: монография. М., 2015. С. 47.

Д.А. Овсюков предлагает выделять *электронный обман*, содержание которого заключается в передаче заведомо ложной информации в виде компьютерной информации либо ее размещение на интернет-ресурсе с открытым доступом для неограниченного круга лиц¹. Автор предлагает использовать электронный обман как квалифицирующий признак основного состава мошенничества и его отдельных видов.

С учетом процессов цифровизации и последовательного роста преступлений, совершаемых с использованием средств информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, позиция Д.А. Овсюкова представляется и логичной, и аргументированной. Вместе с тем нельзя не заметить, что различие между обманом электронным и традиционным (физическим) заключается исключительно в среде, в которой передается ложная информация. Соответственно, сам способ коммуникации (например, переписка в мессенджере) должен убеждать нас в том, что деяние виновного обладает большей степенью общественной опасности. Однако, не убеждает. Если тезис с электронным обманом в отношении неограниченного круга лиц еще понятен (хотя и не бесспорен), то относительно передачи ложной компьютерной информации сетевым способом в личном общении есть масса контраргументов. Так, подобный способ введения в заблуждение не позволяет говорить о том, что причиняется вред каким-либо иным охраняемым уголовным законом отношениям. Нельзя сказать и о том, что он как-то принципиально повышает вероятность достижения виновным преступного результата. Всё, на чем основываются подобные предложения, – это с каждым годом увеличивающаяся распространенность таких деяний. Однако этого объективно недостаточно, виртуализация жизнедеятельности имеет комплексный и всеохватывающий характер. Она меняет и преступность. В каком-то смысле процесс этот является естественным ходом

---

¹ Овсюков Д.А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалификации: дисс. ...канд.юрид.наук. М., 2022. С. 12.

вещей, логическим следствием научно-технического прогресса¹. Более строго наказывать за мошенничество с электронным обманом равносильно тому, что мы ужесточаем ответственность за существование в современном мире мессенджеров и онлайн-банкинга. Таким образом, модель, предложенная Д.А. Овсюковым, хотя и представляет несомненный интерес для науки, но в практической области вызывает ощущение попытки решить сложную проблему тем, чтобы «разрубить гордиев узел».

С.А. Сургай обосновывал идею, что общественная опасность обмана зависит от признаков личности преступника. На этом основании автор предлагал дифференцировать уголовную ответственность за клевету, совершенную должностным лицом². Здесь важно обратить внимание, что повышение общественной опасности деяния обусловлено не столько использованием служебного положения при распространении заведомо ложных порочащих сведений о другом лице, сколько самим статусом виновного, который априори повышает авторитет и доверие к его словам.

Полагаем, что обман может выступать отягчающим обстоятельством в составах со специальным субъектом, где механизм посягательства связан с системой отношений, основанных на доверии. Как представляется, о подобной дифференциации можно говорить применительно к уголовно-правовым нормам об ответственности за злоупотребление или превышение полномочиями (ст. 201, 202, 285, 285¹, 285² УК РФ и др.). Данный вывод был поддержан 75% опрошенных респондентов.

Руководствуясь тем же самым критерием, возможной представляется дифференциация ответственности в зависимости от обманного способа в со-

---

¹ См.: Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: монография. М., 2018; Козаев Н.Ш. Современные технологии и проблемы уголовного права (анализ зарубежного и российского законодательства): монография. М., 2015; Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2022 и др.

² Сургай С.А. Компаративный аспект уголовной ответственности за оскорбление судьи и клевету в отношении судьи: дис. ...канд.юрид.наук. Тамбов, 2009. С. 15.

ставе незаконного усыновления (удочерения) (ст. 154 УК РФ), где, как известно, субъектами выступают лица, наделенные специальными полномочиями по совершению соответствующих действий и принятию соответствующих решений в сфере усыновления, опекуновства и т.д. При проведении исследования предлагаемая модель дифференциации уголовной ответственности получила разную поддержку у респондентов.

Вообще проблема признания обмана квалифицирующим признаком состава преступления должна быть рассмотрена на двух уровнях. Первый уже был обозначен выше и касается влияния обмана на дифференциацию уголовной ответственности за преступления, в которых распространение недостоверных сведений не является основным (криминообразующим) способом.

Второй уровень связан с определением значения отдельных видов обмана для дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершаемые обманным способом. Действующее уголовное законодательство (прежде всего редакция ст. 128¹ УК РФ) в зависимости от степени вредоносного воздействия на охраняемые уголовным законом общественные отношения позволяет выделить следующие виды обмана, используемые в системе квалифицирующих признаков: обман, совершаемый публично (публичный обман) и (или) в отношении неограниченного круга лиц; обман относительно того, что лицо страдает социально опасным заболеванием; обман, связанный с распространением недостоверных сведений о совершении лицом преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности; обман, связанный с распространением недостоверных сведений о совершении лицом тяжкого либо особо тяжкого преступления.

Следует отметить, что необходимая системность в придании тому или иному виду обмана квалифицирующего значения в УК РФ не наблюдается. Так, например, в специальном составе клеветы в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации (ст. 298¹ УК РФ) отражение получил лишь обман относительно совершения лицом тяжкого

либо особо тяжкого преступления. Здесь прежде всего вызывает вопросы отсутствие в системе дифференциации ответственности публичного обмана.

В ряду отягчающих уголовное наказание обстоятельств (ст. 63 УК РФ) обман не представлен. Однако это суждение является справедливым, если говорить именно об отсутствии явления «*per se*», то есть сугубо в буквальной интерпретации нормы. Вместе с тем, можно вполне уверенно утверждать о том, что обман наличествует и в ст. 63 УК РФ, в очередной раз проявляя свою многоликую сущность. Здесь обман обнаруживается конструкциями совершения преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора (п. «м»), а также совершения преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти (п. «л»). И если в первом случае возможность обмана носит еще вероятностный характер, то во втором – содержание самого деяния имеет вполне выраженный обманный характер.

По понятным причинам как в уголовном законе, так и в теоретическом поле способ не рассматривается как основание для смягчения ответственности виновного. Действительно, довольно сложно представить себе модель такого привилегирующего признака. Вместе с тем нельзя не согласиться, что в отдельных случаях способ может служить определяющим, если не единственным, аргументом в пользу применения отдельных смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК РФ. Так, например, на совершение убийства по мотиву сострадания к потерпевшему во многом указывают свойства деяния, посредством которого было осуществлено лишение жизни.

В качестве способа обман играет важную роль в отграничении смежных составов преступлений. Так, например, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что в случаях, когда военнослужащий, находящийся на законных основаниях вне части или места службы (увольнение, отпуск, командировка и т.п.), не прибывает в срок на службу, при этом сообщает командирам (начальникам) ложную информацию о причинах своей неявки (например, о нахождении на

лечения в больнице) и в связи с этим получает разрешение находиться вне части или места службы, содеянное подлежит квалификации по ч. 1 ст. 339 УК РФ как уклонение от исполнения обязанностей военной службы только путем обмана. Однако, если такой военнослужащий не информировал командование о причинах своей неявки на службу в срок, а после прибытия в часть в целях подтверждения уважительности причины его неявки представляет командованию подложные документы, содеянное не может быть квалифицировано по ст. 339 УК РФ, поскольку использование подложных документов в данном случае не является способом уклонения от исполнения обязанностей военной службы, а совершается в целях скрыть неявку на службу в срок без уважительных причин¹.

Обман в механизме преступного посягательства может выполнять роль действия, направленного на создание либо поддержание необходимой обстановки совершения преступления. Так, например, широко известен эпизод из кинофильма «Старики-разбойники», в котором герой Евгения Евстигнеева на вопрос контролера о том, что они несут, не задумываясь отвечает: «Картину Рембрандта!». Ирония заключается в том, что картину этого художника главные герои и похищали в этот момент. Подобный обман не выступает именно способом осуществления преступного посягательства, а выполняет обеспечительную функцию. По этому поводу дает соответствующие рекомендации Пленум Верховного Суда РФ в части решения проблемы отграничения так называемой «обманной кражи» и мошенничества: «Если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа»².

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2023.

² Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Как известно, весьма специфический алгоритм квалификации предложен в зависимости от характера восприятия потерпевшим ситуации и результативности обмана при использовании имитационного, незаряженного либо негодного оружия. Пленум Верховного Суда РФ предлагает проводить разграничение разбоя от грабежа: «в том случае, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, деяние квалифицируется как грабеж»¹. Иными словами, возможность вменения данного квалифицирующего признака исключается, если имел место обман потерпевшего относительно опасности демонстрируемого предмета. И более того при нерезультативном обмане, когда потерпевший разоблачил виновного в использовании макета и т.п., это же исключает наличие способа, связанного с угрозой применения насилия опасного для жизни и здоровья. Соглашаясь с самим решением, следует указать лишь на то, что он должен использоваться при квалификации всех общественно опасных посягательств (похищение человека и др.), сопряженных с подобного рода обманным поведением относительно применяемых орудий и средств.

В завершение важно отметить, что уголовно-правовое значение обмана в целом гораздо шире. Обман может лежать в основе такой конструкции как посредственное исполнение объективной стороны преступления. В этой ситуации обман выступает способом воздействия на психику другого человека, в результате чего последний выполняет незавидную роль слепого орудия в совершении преступления. Если эту мысль развить, то с определенной уверенностью можно заключить, что в этом смысле (через призму посредственного исполнителя) обман следует признать способом практически любого умышленного преступления.

Кроме того, предоставление ложных сведений при досудебном соглашении о сотрудничестве (ст. 63¹ УК РФ) выступает отменительным условием, позволяющим назначить виновному уголовное наказание в общем порядке без

---

¹ Пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

применения не только ч. 2, 3, 4 ст. 62 УК РФ, но и ст. 64 УК РФ. Следует отметить, что в конструкции ст. 63¹ УК РФ законодатель специально не указывает на заведомость в поведении виновного. Однако же по смыслу нормы правильно полагать, что предоставление ложных сведений лицом, добросовестно полагавшим, что они истинные, не может выступать основанием для применения ст. 63¹ УК РФ.

В завершение параграфа изложим его основные результаты:

1) уголовно-правовое значение обмана в целом нельзя отождествлять с его значением как способа совершения преступления. В последнем качестве обман может выступать: а) криминообразующим признаком состава преступления; б) квалифицирующим признаком и в) обстоятельством, отягчающим наказание. Кроме того, обманное поведение в механизме реализации уголовной ответственности учитывается при применении отдельных норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания, а также выступает отменительным условием применения специальных правил назначения наказания в соответствии со ст. 63¹ УК РФ;

2) с юридико-технической точки зрения обман как способ совершения преступления выражен не единообразно. Условно можно выделить четыре модели: а) обман напрямую указывается в редакции нормы (непосредственно в диспозиции либо в отдельных случаях в примечании к статье Особенной части УК РФ); б) используются конструкции, содержательно соответствующие обманному способу посягательства (внесение / предоставление недостоверных сведений, заведомо ложное сообщение, подделка, фальсификация и т.п.); в) обманной способ напрямую не указывается в тексте статьи уголовного закона, однако признается на уровне судебного толкования; г) обманной способ совершения преступления поддержан на уровне доктрины уголовного права и правоприменения;

3) систему обманных преступлений в структуре Особенной части УК РФ можно представить следующим образом:

- *преступления, совершаемые обманным способом*, в которых распространение ложной информации не является целью деяния, а выполняет исключительно инструментальную роль (склонение к совершению самоубийства или содействия совершению преступления (ст. 110¹ УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151² УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ) и др.);

- *преступные обманы* – преступления, совершаемые путем обмана, основной целью которых является создание и (или) распространение недостоверной информации (публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), реабилитация нацизма (ст. 354¹ УК РФ) и др.);

- *преступные подлоги и фальсификации* – преступления, не предполагающие в содержании объективной стороны воздействие на психику другого человека, однако основной целью которых также является создание и (или) распространение заведомо ложной либо искаженной информации. Перечень соответствующих преступлений является значительным и охватывает многие разделы Особенной части УК РФ (фальсификация избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования (ст. 142 УК РФ), фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (ст. 172¹ УК РФ), заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 200⁶ УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков (ст. 327 УК РФ) и др.

2.2. Особенности и проблемы квалификации преступлений, совершаемых путем обмана

Теоретические основы применения уголовного закона, выработка соответствующих правил и рекомендаций занимает одно из центральных мест в научных исследованиях по уголовному праву. В этом выражается служение доктрины интересам защиты и обеспечения благоденствия личности, общества и государства.

Традиционно в литературе выделяется проблема определения момента окончания того или иного преступления. В отдельных случаях (как, например, с убийством) вопрос имеет характер решенный и даже нормативно урегулированный. Однако же во многих других доктрина не проявляет необходимого единства, а конкретные разъяснения со стороны Верховного Суда РФ при этом отсутствуют.

Известно, что долгое время весьма спорным был вопрос о моменте окончания вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ). Предлагались и обосновывались самые разные решения. В итоге, Пленум Верховного Суда РФ поддержал, пожалуй, самый мягкий из возможных подходов, при котором об оконченом вовлечении можно говорить только в том случае, когда несовершеннолетний предпримет хотя бы подготовительные действия к совершению преступления. Соответственно, само деяние, направленное на возбуждение желания у несовершеннолетнего на осуществление преступного посягательства, равно как и согласие его совершить преступление – всё это свидетельство лишь возможного покушения.

Важно отметить, что обман в подобных обстоятельствах может быть реализован полностью. Основная цель его может быть достигнута – потерпевший будет искренне заблуждаться в тех или иных фактах. По этому поводу

метко замечает Р.А. Сабитов, что необходимо различать момент окончания обмана и момент окончания преступления¹. С этим, пожалуй, нельзя не согласиться. При мошенничестве, всех видах криминального вовлечения, получении сведений, составляющих тайну, обманное поведение виновного направлено на достижение результата, который находится уже за пределами самого обмана – завладение имуществом, осуществление преступного поведения вовлекаемым, получение охраняемой законом информации.

Однако нельзя говорить о том, что моменты окончания обмана и преступления, совершаемого путем обмана, не могут совпадать вовсе. Это легко можно продемонстрировать составами «обмана как преступления» (например, ст. 207 УК РФ), где само распространение заведомо ложной информации, выступающее самоцелью деяния, уже составляет признаки оконченного преступления.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о квалификации обманного поведения, с определенного момента осуществляемого под контролем правоохранительных органов, в т.ч. посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Наиболее часто такая ситуация возникает при документировании мошеннических действий, когда потерпевший передает денежные средства и их муляжи злоумышленнику уже в рамках оперативного эксперимента. В судебной-следственной практике эти действия, как правило, признаются неоконченным преступлением на стадии покушения. Подчеркивается то обстоятельство, что лицо было задержано непосредственно после передачи денежных средств и, следовательно, не получило возможности ими распорядиться².

---

¹ Сабитов Р.А. Криминальные обманы и фальсификации: монография. М., 2019. С. 131.

² См: приговор Пресненского районного суда города Москвы от 10.03.2021 по делу № 1-24/2021; приговор Останкинского районного суда города Москвы от 21.09.2022 по делу № 1-600/2022; Приговор Неклиновского районного суда Ростовской области от 07.04.2021 № 1-17/2021(1-209/2020); Приговор Красноглинского районного суда города Самары от 03.08.2021 N 1-127/2021.

Вместе с тем, можно обнаружить решения, в которых похожие действия оцениваются иначе, а именно как оконченное преступление¹. Основанием для такой практики выступает то обстоятельство, что задержание виновного было осуществлено не в момент передачи денежных средств, а позднее, например, на следующий день. Другими вариантами ситуации является передача денежных средств через посредника, который их и хранит до момента изъятия, либо оставление потерпевшим требуемой суммы в заранее означенном месте (банковская ячейка, сейф в офисе и т.п.). Во всех этих случаях органы предварительного расследования настаивают на том, что возможность по распоряжению имуществом у виновного появилась, а, следовательно, надлежит говорить не о покушении, а об оконченном мошенничестве.

Все же иногда определение момента окончания выступает предметом спора и поводом для изменения вынесенного судебного решения. Так, например, Н. была осуждена по ч. 3 ст. 159 УК РФ. Выражая несогласие с квалификацией содеянного, защита указала на то, что поскольку передача денежных средств происходила в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий и под контролем правоохранительных органов, которыми указанные денежные средства были изъяты, у Н. не было реальной возможности распорядиться похищенным. Суд апелляционной инстанции отверг указанную аргументацию тем, что после передачи денежных средств осужденная около десяти минут оставалась одна в кабинете и имела реальную возможность распорядиться переданными ей потерпевшей денежными средствами, которые она положила в свою сумку².

Однако, суд кассационной инстанции не согласился с такой трактовкой момента окончания мошенничества и указал следующее: «...судом не учтено, что передача денег Н. происходила под контролем сотрудников правоохранительных органов в рамках оперативно-розыскных мероприятий, она не имела

---

¹ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2022 № 77-5808/2022.

² Апелляционное определение Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 06.07.2020 по делу № 22-69/2020.

реальной возможности распорядиться полученными путем обмана... денежными средствами, поскольку была задержана на месте непосредственно после получения денег. Действия Н. при таких обстоятельствах...являются неоконченным преступлением и подлежат квалификации по ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 159 УК РФ»¹.

В соответствующих делах обращает на себя внимание, что на момент передачи денежные средства не принадлежали потерпевшему и были ему выданы правоохрнительными органами для проведения оперативно-розыскных мероприятий (что уже делало невозможным причинение ущерба потерпевшему). Представляется довольно дискуссионным игнорирование того факта, что передаваемые денежные средства выступали уже не предметом хищения, а специальным средством осуществления оперативно-розыскной деятельности в целях выявления и документирования факта совершаемого преступления.

С учетом изложенного полагаем, что в случае передачи денежных средств под контролем правоохрнительных органов и в ходе осуществления специальных мероприятий, направленных на выявление и пресечение преступной деятельности, содеянное следует квалифицировать по соответствующей части ст. 159 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ.

Здесь необходимо сделать оговорку о том, что лишь в ситуациях, когда виновный своими действиями срывает проведение оперативно-розыскных мероприятий и скрывается от правоохрнительных органов с денежными средствами (не муляжами), содеянное может быть квалифицировано как оконченное преступление. При этом потерпевшим должен признаваться тот субъект, который предоставил денежные средства для проведения оперативно-розыскных мероприятий.

---

¹ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2021 № 77-589/2021.

В отечественной доктрине уголовного права считается общепринятой сложность института соучастия. Вопросы квалификации преступлений, совершаемых в соучастии, традиционно находятся в центре внимания Верховного Суда РФ. Отмеченное в полной мере можно адресовать и исследуемой теме.

Совершение обманного преступления должно охватываться умыслом всех соучастников. Требование это, как известно, следует из признака общности умысла соучастников, при котором должна быть установлена осведомленность о содержании и направленности действий исполнителя. Игнорирование этого обязательного условия в отдельных случаях влечет за собой квалификационные ошибки. Так, например, П. был осужден за мошенничество в особо крупном размере. Согласно материалам дела, Р. выступал его пособником. Вместе с тем, не согласившись с обвинением, Р. последовательно настаивал на том, что не знал о намерениях П., а именно его планах использовать поддельные лицензии при обманном хищении чужого имущества. Изучив доказательства, суд пришел к выводу об отсутствии признаков соучастия, квалифицировав действия Р. только как подделку официального документа по ч. 2 ст. 327 УК РФ¹.

При соучастии необязательно, чтобы обман был реализован всеми соисполнителями. В зависимости от разделения ролей обманное поведение может быть осуществлено как единолично, так и в отдельности каждым. Так, например, лицо в офисе кредитной организации предоставляет сотруднику заведомо ложные сведения о трудоустройстве и доходе, а соисполнитель позднее по телефону в разговоре с работником банка подтверждает эти данные якобы от лица работодателя².

Надо признать, что в некоторых случаях квалификация таких ситуаций представляет немалую сложность в части разграничения действий исполни-

---

¹ Пример приведен по: Пудовочкин Ю.Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика: научно-практическое пособие. М., 2017. С. 22.

² Приговор Уваровского районного суда Тамбовской области от 29.07.2021 по делу № 1-87/2021.

теля и пособника. Так, например, лица вступили в преступный сговор, согласно которому один из злоумышленников должен был создать поддельный сайт предприятия, фактически не осуществляющего экономическую деятельность, а также разместить на нем недостоверную информацию о юридическом лице, изготавливаемой продукции, партнерах, клиентах, сертификатах качества, гарантийных письмах, наградах и др. В то же время другое лицо, представившись коммерческим директором соответствующей компании, должно было ввести в заблуждение потерпевших и под видом заключения сделок о поставке товара получить денежные средства в качестве авансов. Механизм осуществления преступного посягательства изначально предполагал, что псевдокоммерческий директор непосредственно при проведении встреч с потерпевшими будет обращаться к сайту компании и демонстрировать ложную информацию.

С одной стороны, очень многое в приведенном выше примере говорит в пользу того, чтобы квалифицировать содеянное как пособничество, оценив манипуляции с сайтом как предоставление средств для совершения преступления. Вместе с тем известно, что Пленум Верховного Суда РФ (абз. 2 п. 21 постановления № 48 от 30.11.2017) способом обмана при мошенничестве признал также распространение заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», в том числе создание поддельных сайтов компаний, фондов и др. Если опираться на данное разъяснение, можно признать, что разработчик поддельного сайта в равной мере участвует в выполнении объективной стороны мошенничества.

В судебной практике можно обнаружить конкретные примеры, где подобное преступное взаимодействие между лицами оценивалось именно как соисполнительство. Так, например, лица были осуждены за мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Согласно решению суда, виновные с целью придания видимости реальной деятельности по продаже автомобильных шин, дисков и аксессуаров к ним, создавали ресурсы в сети «Интернет», на которых использовали фирменное наименование, символику и реквизиты компании «Black Tyres», информацию о продаже товара и

т.п., при этом заранее не намереваясь исполнять обязательства перед покупателями. Несмотря на то что в непосредственном общении с клиентами участвовали не все из участников группы, действия лиц, создавших поддельные сайты, наполнивших их заведомо ложной информацией, были оценены как исполнительские¹.

Однако же возможным аргументом против такого подхода может являться то, что такое расширение объема понятия «обман» приведет к неосновательному смешению действий исполнителя и физического пособника. Так, например, следуя этой логике, действия лица, предоставляющего соучастнику не фиктивный сайт, а поддельный официальный документ, заведомо осознавая, что он будет использован для введения потерпевшего в заблуждение, также необходимо оценивать как исполнительские. Смысловая и содержательная близость ситуаций очевидна. Разница заключается в самой сущности передаваемого средства совершения преступления. Однако, не только в этом. Суды традиционно обращают внимание на то обстоятельство, имело ли место реальное участие лица, предоставившего поддельный документ, в совершении последующего преступления. Это проявляется множеством критериев, среди которых сохранение постоянной связи с непосредственным исполнителем, при которой обсуждаются все значимые обстоятельства будущего посягательства, интерес в достижении преступного результата, в том числе в виде предполагаемой доли в похищенном и др. Всё это в совокупности дает основание говорить уже не о пособничестве, а о соисполнительстве.

В правоприменительной практике квалификация таких действий вызывает затруднения. Так, например, органами предварительного расследования деяние виновных было квалифицировано по ч. 2 ст. 159⁵ УК РФ, а именно как мошенничество в сфере страхования, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Выражая несогласие с предъявленным обвинением, суд указал, что в соответствии с рекомендациями Пленума Верховного Суда РФ в

---

¹ Приговор Кузьминского районного суда города Москвы от 25.11.2021 по делу № 1-644/2021.

постановлении № 48 от 30.11.2017 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» мошенничество в сфере страхования совершается путем обмана относительно наступления страхового случая (например, представление заведомо ложных сведений о наличии обстоятельств, подтверждающих наступление страхового случая, инсценировка дорожно-транспортного происшествия, несчастного случая, хищения застрахованного имущества) либо относительно размера страхового возмещения, подлежащего выплате (представление ложных сведений с завышенным расчетом размера ущерба по имевшему место в действительности страховому случаю). Субъектом преступления, предусмотренного ст. 159⁵ УК РФ, может быть признано лицо, выполнившее объективную сторону данного преступления (например, страхователь, застрахованное лицо, иной выгодоприобретатель, вступившие в сговор с выгодоприобретателем представитель страховщика, эксперт). Согласно материалам дела, подсудимым С. выполнена объективная сторона преступления путем обмана относительно наступления страхового случая, а именно путем инсценировки ДТП с участием принадлежащего ему автомобиля. При этом только С. являлся страхователем и выгодоприобретателем по заключенному между ним и ПАО СК «Росгосстрах» договору ОСАГО. Подсудимый А. объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 159⁵ УК РФ, не выполнял, какого-либо участия в совершении С. хищения денежных средств ПАО СК «Росгосстрах» не принимал, похищенные денежные средства либо их часть С. не передавал А., а в полном объеме распорядился ими по своему усмотрению. Между тем А. оказал С. содействие в совершении вышеуказанного преступления, которое выразилось в том, что А. помог С. инсценировать ДТП с участием принадлежащего последнему автомобилю, используя закрепленный за ним в связи с его трудовой деятельностью автомобиль марки КАМАЗ-65115. В связи с изложенным действия А. следует квалифицировать

как пособничество в совершении С. мошенничества в сфере страхования, оснований считать, что инкриминируемое подсудимым преступление совершено группой лиц по предварительному сговору, не имеется¹.

Здесь, на наш взгляд, суд принял единственно правильное решение, поскольку в преступлениях, совершаемых путем обмана, со специальным субъектом, иные лица, не обладающие необходимыми дополнительными признаками, могут нести ответственность только как организаторы, подстрекатели или пособники.

Обманное воздействие на потерпевшего может осуществляться не одномоментно, а длительно. Иногда это может составлять месяцы и даже годы. В этот период злоумышленники могут менять сюжет обмана, добавляя условия, используя новые средства для убеждения, привлекая новых действующих лиц, исполняющих ту или иную заранее отведенную им роль. В подобных ситуациях криминальный обман имеет многие признаки единичного сложного преступления – длящегося либо продолжаемого. Соответственно, возникает вопрос о его отграничении от множественности преступлений.

Надо признать, что в теории уголовного права этому вопросу уделено крайне мало внимания. Имеются лишь отдельные оценки, суждения и взгляды, как правило, по конкретным ситуациям. На уровне же обобщения предлагается опираться на общетеоретические положения уголовного права по данному предмету. Это, безусловно, верно, сколько и недостаточно для решения самых актуальных проблем квалификации преступлений, совершаемых обманным способом.

Например, как продолжаемое преступление были квалифицированы действия лиц, которые на протяжении длительного времени оформляли на мнимых клиентов потребительские кредиты для оплаты туристических путевок. Суд посчитал, что обстоятельства дела указывают на единство умысла ви-

---

¹ Приговор Октябрьского районного суда города Саранска от 19.12.2022 по делу № 1-331/2022.

новных, направленного на хищение денежных средств банка в крупном размере посредством многократного направления ложных документов о заключении кредитных договоров¹.

В другой ситуации действия виновных имели также систематический характер. В соответствии с заранее разработанным планом по введению в заблуждение лиц, проявляющих интерес к инвестированию на рынке криптовалют, участники преступной группы изначально предлагали гражданам внести незначительную сумму денег. После этого денежные средства возвращались даже в большем объеме – якобы с процентами в размере примерно 50%. Потерпевшие, уверовав в реалистичность обещаемых им доходов, передавали виновным крупные суммы. Примечательно, что в последующем злоумышленники изначальный обман дополняли ложью о заморозке счетов криптобиржи и т.п., склоняя потерпевших перечислять новые суммы².

Суд совершенно справедливо посчитал содеянное единым преступлением, при котором первое перечисление денежных средств потерпевшего фактически не рассматривалось как завладение имуществом, а оценивалось исключительно как элемент последовательно реализуемого обмана со стороны виновных. При этом, решая задачу определения фактически причиненного ущерба, суд обоснованно исключил ту сумму, которая была возвращена виновными в целях создания видимости своей добросовестности.

Сложности при отграничении продолжаемого обманного поведения от совокупности преступлений всякий раз возникают тогда, когда лицо использовало такой способ распространения недостоверной информации, который заведомо был рассчитан на множество потерпевших. Такая модель посягательства напоминает ловушку или приманку, на которую попадают доверчивые

---

¹ Приговор Первомайского районного суда города Ижевска от 25.06.2021 по делу № 1-59/2021.

² Приговор Малокарачаевского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 21.08.2020 по делу № 1-7/2020(1-118/2019). Подробнее о квалификации посягательств на криптоактивы см.: Ображиев К.В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 71-87.

граждане. В современных условиях, здесь прежде всего следует говорить об обмане, реализуемом через объекты информационно-коммуникационной инфраструктуры (сайты, форумы, каналы в мессенджерах, чат-боты и т.п.). Так, например, лицо может осуществлять склонение к совершению самоубийства либо мошенничество посредством использования чат-бота. Программа ежедневно будет отправлять заведомо ложные сообщения десяткам, а может и сотням, адресатов, в результате чего наступят негативные последствия. Применительно к составу склонения к самоубийству проблема решается наличием в ряду квалифицирующих признаков указания на совершение преступления в отношении двух или более лиц. Однако это недоступно во многих других случаях (например, в составе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления путем обмана либо мошенничества). В теории уголовного права данная проблема уже привлекла внимание специалистов, которые, опираясь на материалы правоприменения, обосновывают выделение нового вида сложного единичного преступления – преступление с множественностью потерпевших, не предусмотренное сложным составом¹.

Полагаем, что использование обманного способа, заведомо рассчитанного на действие в отношении нескольких лиц (как одномоментно, так и с разрывом во времени) свидетельствует в пользу квалификации содеянного как единичного сложного преступления при сочетании следующих условий: 1) заведомой направленности обманного поведения на двух или более лиц; 2) наступлении общих общественно опасных последствий, выразившихся в причинении вреда сразу нескольким лицам в результате единого обманного деяния виновного; 3) наличии причинно-следственной связи между обманным поведением виновного и наступившими последствиями. Предлагаемый подход находит свою реализацию на уровне правоприменения. Так, действия Ш. были

---

¹ Квалификация преступлений: учебное пособие / под ред. докт. юрид. наук, проф. К.В. Ображиева, докт. юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 230-231.

квалифицированы судом по одному эпизоду ч. 1 ст. 150 УК РФ. Согласно материалам дела, Ш., будучи лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, вовлек троих несовершеннолетних (13, 12 и 11 лет) совершить кражу с незаконным проникновением в дачные домики¹.

С учетом имеющихся доктринальных разработок по теме и известных разъяснений Верховного Суда РФ² следует сделать вывод, что неоднократно совершенные виновным тождественные действия, направленные на введение в заблуждение потерпевшего, составляют содержание единого продолжаемого преступления. Думается, что фактическая сторона обманных действий в таких случаях не нарушает тождественности. В одном эпизоде лицо может вербально воздействовать на потерпевшего, в другом – предоставлять ложные документы, в третьем – использовать сфабрикованные аудиовизуальные материалы. Всё это многообразие внешнего проявления обмана не исключает возможности признания такого преступления продолжаемым.

Не образует множественности преступлений совершение обманных действий, связанных с фальсификацией доказательств, подделкой документов, в тех случаях, когда лицо изначально намеревалось представить несколько ложных доказательств либо воспользоваться несколькими поддельными документами.

Важным является вопрос о квалификации преступлений, совершаемых путем обмана, при конкуренции уголовно-правовых норм, соотносящихся как часть и целое. По мнению Н.Ф. Кузнецовой, подлог в любой его форме может

---

¹ Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.11.2021 № 77-1846/2021.

² См.: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 771П06 по делу Пожилова // Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2007 года // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2011 № 53-О11-64 // СПС «КонсультантПлюс».

быть признан способом преступления, совершаемого посредством обмана, при условии его большей общественной опасности по сравнению с подлогом¹.

Из этих же соображений Пленум Верховного Суда РФ указывает, что хищение лицом чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ². При этом в тех случаях, когда лицо самостоятельно изготовило поддельный документ, Пленум Верховного Суда РФ предложил дополнительно квалифицировать по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Логику такого решения убедительно раскрывает Л.А. Букалерова, справедливо обращая внимание на то, что подделка документа как разновидность подлога сама по себе, то есть без дальнейшего использования предмета подделки, обманом не является, поэтому не может признаваться способом совершения преступления, основанного на обмане³.

Изучение современной правоприменительной практики позволяет выделить следующие квалификационные особенности и ошибки при разграничении преступного подлога, предусмотренного ст. 327 УК РФ, и преступлений, совершаемых обманным способом.

Прежде всего, игнорируется то важное условие, согласно которому разрешение конкуренции в пользу нормы-целой возможно лишь в тех случаях, когда она предусматривает ответственность за деяние, характеризующееся большей общественной опасностью в сравнении с нормой-частью (способом).

Так, по одному из дел суд кассационной инстанции указывает: «Давая юридическую оценку действиям осужденного по ч. 4 ст. 327 УК РФ, по ис-

---

¹ Кузнецова Н.Ф. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. 2000. № 1. С. 31.

² Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Букалерова Л.А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота. М., 2006. С. 224.

пользованию поддельного паспорта при оформлении заявки на получение потребительского кредита в ПАО «Почта Банк», на приобретение холодильника, суд неверно применил уголовный закон. Согласно разъяснений, содержащихся в абз 4 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ. Аналогичная правовая позиция содержится в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 – 327¹ Уголовного кодекса Российской Федерации». Таким образом, покушение на мошенничество, совершенное подсудимым с использованием заведомо поддельного паспорта, не требует дополнительной квалификации по ч. 4 ст. 327 УК РФ. При таких обстоятельствах, излишнее осуждение Х. по ч. 4 ст. 327 УК РФ, подлежит исключению»¹.

По похожему делу суд также указал, что «мошенничества, совершенные с использованием заведомо поддельных документов, не требовали дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 327 УК РФ, что не было учтено судом при вынесении приговора»².

Соответственно, в результате вынесенного решения норма-целая (ч. 1 ст. 159 УК РФ) с максимальной санкцией до двух лет лишения свободы «поглотила» норму-часть (ч. 4 ст. 327 УК РФ) с наиболее строгой санкцией в виде лишения свободы на срок до четырех лет. Конечно же, согласиться с такой моделью разрешения конкуренции весьма трудно, несмотря на соответствующие указания Пленума Верховного Суда РФ. Дело в том, что последние

---

¹ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2022 № 77-2773/2022.

² Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2023 по делу № 77-1472/2023.

должны применяться таким образом, чтобы не вступать в противоречие с научными основами квалификации преступлений, принципами уголовного законодательства, да и элементарным здравым смыслом.

Кроме того, в правоприменении наблюдается принципиальное разделение квалификации использования заведомо подложного документа как способа совершения обманного преступления и последующего хранения такого документа в этих же целях. Здесь отстаивается не только возможность, но и прямая необходимость оценивать содеянное по совокупности ч. 3 ст. 327 УК РФ и ст. 159 УК РФ. В этом смысле внесенные в 2019 г. изменения в редакцию ст. 327 УК РФ породили новую практику реализации указанного выше правила квалификации. Так, например, С. была осуждена по ч. 1 ст. 159 УК РФ и ч. 3 ст. 327 УК РФ. Сторона защиты, выражая несогласие с окончательной квалификацией действий С., ссылалась на соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно разрешения конкуренции между мошенничеством и подлогом. В свою очередь, суд указал на то, что ч. 3 ст. 327 УК РФ изложена в новой редакции, в соответствии с которой диспозиция указанной нормы предусматривает наступление уголовной ответственности за хранение в целях использования заведомо поддельного официального документа. Как было установлено по делу, после совершения мошенничества С. продолжила хранить соответствующие документы для возможного предоставления по запросу работодателя, пока ее преступные действия не были прекращены сотрудниками правоохранительных органов¹.

Пожалуй, нет убедительных доводов против такого подхода. Действительно, использование подложного документа при криминальном обмане не может охватить последующего хранения таких подделок по смыслу действующей редакции ч. 3 ст. 327 УК РФ. Вместе с тем здесь вряд ли следует говорить о конкуренции соответствующих норм, поскольку суть решения сводится

---

¹ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2022 по делу № 77-2510/2022.

к тому, что, являясь длящимся преступлением, незаконное хранение поддельного документа следует за фактом совершенного мошенничества (а равно любого иного посягательства с обманным способом) и образует с ним реальную совокупность преступлений.

В теории уголовного права неразработанным является вопрос относительно квалификации посягательства, совершаемого путем обмана, переросшего из другого преступления. Так, вполне вероятной представляется ситуация, когда виновный, начав изъятие имущества тайно, сталкивается с собственником и прибегает, что называется, к плану «Б», при котором передача имущества осуществляется уже законным владельцем под влиянием заблуждения. Доктрина и правоприменительная практика в похожих ситуациях перерастания кражи в грабеж либо разбой предлагает квалифицировать содеянное по признакам более тяжкого преступления. Пожалуй, что аналогичный подход должен быть применен и к возможным казусам перерастания кражи в мошенничество.

Весьма непростой является ситуация, при которой при нерезультативном обмане лицо начинает угрожать применением насилия для передачи имущества. В литературе отмечается, что как кража перерастает в грабеж и разбой, так и мошенничество может перерасти в вымогательство, грабеж или в разбой, что нередко имеет место при так называемых автоподставах, когда несумевшие обмануть потерпевшего мошенники прибегают к угрозам¹. С таким подходом к квалификации содеянного солидаризируется и правоприменительная практика: «...из материалов дела видно, что действия А., П. и С.В. составлявшие к тому времени уже устойчивую организованную группу, начатые как мошенничество переросли в грабеж, так как с целью удержания денег, взятых у Г.А., они применили насилие, не опасное для жизни и здоровья»².

---

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантова. В 2 т. Том 1. 2-е издание. 2015 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда РФ от 31.05.2002 № 13-о02-3.

При этом квалификация содеянного по совокупности преступлений объективно противоречит обоснованным в науке уголовного права правилам квалификации. Так, по одному из дел суд справедливо указывает на то, что «правильно установив фактические обстоятельства дела, связанные с нападением на потерпевшего, суд квалифицировал действия К. как два самостоятельных преступления, предусмотренные соответственно ч. 2 ст. 159 УК РФ и ч. 2 ст. 162 УК РФ, не дав должной оценки тому, что из показаний потерпевшего и других собранных по делу доказательств, следует, что действия К., начатые как мошеннические... фактически переросли в разбой, поскольку насилие к потерпевшему было применено с целью удержания похищенного, то есть действия представляли собой единое преступление. Кроме того, суд, признав К. виновным в совершении двух преступлений, пришел к взаимоисключающим выводам о том, что К. дважды похитил у В. указанный мобильный телефон, оба раза причинив материальный ущерб. При таких обстоятельствах суд находит необходимым исключить осуждение К. по ч. 2 ст. 159 УК РФ как излишне вмененное, поскольку содеянное им подпадает под признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ»¹.

Однако же нельзя не отметить, что до настоящего времени в отдельных случаях это выступает предметом спора. Так, по одному делу сторона защиты ссылалась на то, что предъявленное обвинение по ч. 1 ст. 161 УК РФ не соответствует требованиям УПК РФ в части описания субъективной стороны преступления, поскольку исходя из разъяснений, данных в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» при определенных условиях возможна квалификация как грабеж действий виновного, начатых как кража. Ввиду этого, по мнению защитника, недопустимо признавать законным обвинение в грабеже, начатом как мошенничество. Суд, отвечая на поставленный защитником

---

¹ Постановление президиума Московского городского суда от 22.05.2008 по делу № 44у-284/08.

вопрос, совершенно обоснованно указал, что действия подсудимого по неправомерному завладению чужим имуществом, начатые мошенническим способом, не были доведены до конца по независящим от него обстоятельствам. С того момента, как потерпевший потребовал возврата имущества, деяние виновного стало носить открытый характер, то есть переросли в грабеж. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 не содержит какого-либо запрета относительно подобного перерастания мошенничества в открытую форму хищения¹.

Рассмотрев особенности квалификации обманных преступлений в рамках институтов неоконченного преступления, соучастия и множественности, следует отдельно уделить внимание некоторым частным проблемам применительно к конкретным составам.

Использование обмана в конструкции склонения к совершению самоубийства (ст. 110¹ УК РФ), как уже подчеркивалось ранее, требует проведения отграничения данного преступления от убийства, совершаемого с помощью обмана потерпевшего. В целом, в теории уголовного права наблюдается относительное единство мнений по данному вопросу. Подчеркивается, что при убийстве потерпевший решается на совершение тех или иных действий, не осознавая грозящей ему опасности. В то же время в склонении к самоубийству обманное воздействие направлено лишь на возбуждение либо укрепление у потерпевшего мотивации на совершение суицида. Поскольку здесь презюмируется некая самостоятельность в принятии решения о суициде со стороны потерпевшего, здесь сразу возникает вопрос – имеются ли какие-либо ограничения (возрастные или иные), за пределами которых следовало бы говорить о том, что осознанного и волевого (соответственно, самостоятельного) поведения не было? Если на этот вопрос ответить утвердительно, то логично, что любое обманное склонение к суициду за пределами таких ограничений есть убийство.

---

¹ Приговор Павловского городского суда Нижегородской области от 16.12.2020 по делу № 1-222/2020.

Д.А. Мелешко, обращаясь к этой проблеме, пишет о том, что «потерпевшие с незрелой или нездоровой психикой не в силах оценить действительный характер своих действий, осознать необратимость их последствий, как и не в силах противостоять оказываемому на них физическому или психическому давлению. Стало быть, и субъекты преступлений, намеренно воспользовавшиеся указанными обстоятельствами и склонившие малолетних или невменяемых лиц к самоубийству, должны нести всю полноту ответственности за умышленное лишение их жизни»¹.

С.В. Филиппова обосновывает, что склонение малолетнего или невменяемого, не способного понимать фактическую сущность собственных действий либо руководить ими, следует оценивать в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ². Автор предлагает закрепить соответствующее правило квалификации напрямую в примечании к ст. 105 УК РФ. Здесь наблюдается использование приема законодательной техники, реализованного в примечании к ст. 131 УК РФ. Похожее решение, но применительно к ст. 110 УК РФ, ранее обосновал С. В. Бородин³.

Полагаем, что решение данного вопроса об отграничении склонения по смыслу ст. 110¹ УК РФ (в т.ч. обманного) от убийства должно быть определено законодателем явственно и по возможности оперативно. Нельзя смириться с практикой квалификации подобного рода деяний по ст. 110¹ УК РФ, когда потерпевшими выступают дети, не имеющие необходимого жизненного опыта, слепо доверившиеся искусной лжи злоумышленников.

С учетом фактической распространенности наибольшее значение имеют проблемы, связанные с установлением обманного способа в составе мошенничества. Несмотря на извечность этого вопроса, его постоянное обсуждение

---

¹ Мелешко Д.А. Уголовно-правовая оценка доведения до самоубийства лица, находящегося в беспомощном состоянии // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 4 (54). С. 127.

² Филиппова С.В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ...канд.юрид.наук. М. 2020. С. 11 - 12.

³ Бородин С.В. Преступления против жизни. С. 306.

среди теоретиков и практиков, мошеннический обман, его критерии и пределы, остается все тем же камнем преткновения как для доктрины, так и для правоприменения.

До настоящего времени нерешенным является вопрос относительно возможности в составе мошенничества обмана в цене. Рыночная экономика приучила нас к той мысли, что ценообразование не является регулируемой категорией (во всяком случае в общем порядке), а посему стоимость товара либо услуги определяется сугубо субъектом экономической деятельности, исходя из внутренних ожиданий предпринимателя и условий рынка. Таким образом, цена товара – категория в высшей степени неопределенная, изменчивая, а самое главное субъективная. Действительно, элементарный жизненный опыт говорит нам о том, что стоимость одной и той же вещи может различаться в несколько раз в зависимости от того, где мы ее приобретаем (в ресторане или на рынке), а также в каких условиях (при дефиците или избыточном предложении). Стоимость зависит даже от того, насколько мы лично для себя оцениваем эту вещь, не взирая, например, на ее заурядные (сравнимые с другими образцами) потребительские свойства. Как известно, агрессивный маркетинг способен существенно повысить потребительский спрос, а соответственно и цену товара.

Всё это подводит к тому, чтобы заявить о невозможности обмана в цене при совершении мошенничества. Иными словами, если потребитель купил что-то, существенно переплатив с учетом состояния рынка, следует говорить о невыгодной сделке, совершенной лицом, не проявившим необходимой благоразумности и осмотрительности. Конечно же, сказанное является справедливым только при условии, когда продавец не вводил покупателя в заблуждение относительно существенных свойств товара. Мысль, которая выражается русской поговоркой: «в цене купец волен, а в весе не волен». Использование ложных, но очевидно гиперболизированных форм передачи информации, описывающих свойства товара, для целей коммуникативных, а не информационных, здесь учитываться также не может.

И.А. Клепицкий пишет: «Обман относительно цены возможен только в том случае, если цена является фактом... Если имеется урегулированная цена – обман возможен и относительно цены... когда цена является предметом переговоров или торгов, обман в отношении цены невозможен, возможны, тем не менее, различные злоупотребления»¹.

Следует, безусловно, согласиться с тем, что если цена товара является фактом, то она может быть предметом мошеннического обмана. Так, например, И. и П., будучи сотрудниками ООО «Межгорсеть», во исполнение своего преступного умысла, осознавая, что права по договору № 362 от 21.01.2019 г. на получение дополнительной оплаты за установленный ранее фильтр для воды не имеют, сообщили Б. ложные сведения о том, что цена на ранее установленный ими фильтр для воды возросла и ей необходимо дополнительно оплатить денежные средства в сумме 35000 руб., чему обманутая Б. поверила. Однако, свой преступный умысел И. и П. не смогли довести до конца по независящим от них обстоятельствам, поскольку старший менеджер банка Е. усомнилась в необходимости снятия денежных средств Б. и сотрудниками банка было сообщено о происходящем в полицию, после чего И. и П. были задержаны².

Совершенно другая ситуация имеет место, когда цена свободно определяется сторонами в рамках сделки. И.А. Клепицкий справедливо сетует на то, что в практике, к сожалению, это не всегда учитывается, в особенности в части государственных закупок и продаж государственного имущества. Действительно, в последние годы наметился отчетливый курс на расширительное толкование обмана в составе мошенничества, при котором к нему же был отнесён обман в цене³.

А.В. Архипов, анализируя данную проблематику, справедливо отмечает, что в ситуациях с государственными закупками имеет место «не обман в цене,

---

¹ Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. М., 2022. С. 331.

² Приговор Кузьминского районного суда города Москвы от 21.10.2019 по делу № 1-606/2019.

³ Клепицкий И.А. Там же.

а обман относительно соблюдения установленного порядка определения цены контракта. Если бы порядок был соблюден, то цена контракта была бы ниже и соответствовала бы среднерыночной цене. А если уполномоченное на заключение контракта лицо знало бы о несоблюдении порядка, то оно было бы не вправе заключить контракт»¹.

Иная практика мошеннического обмана в цене связана с реализацией товаров гражданам якобы при оказании услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Так, будучи введенной в заблуждение действиями и пояснениями В., согласилась и передала последнему 6000 руб., после чего, В. без составления соответствующего договора купли-продажи, передал потерпевшей газовый шланг, реальной стоимостью 170 руб., и выписав товарный чек на данный шланг, с полученными денежными средствами с места преступления скрылся, похищенным распорядился по своему усмотрению, причинив потерпевшей значительный материальный ущерб на сумму 6000 руб.²

Другим примером может выступать обвинительный приговор в отношении С. Согласно решению суда, С., имея умысел на совершение мошенничества путем реализации датчиков утечки газа «СТРАЖ» по завышенной цене, относительно рыночной стоимости в ценах, действовавших на территории Нижегородской области, выдавая себя за работника газовой службы, будучи одетым в спецодежду...имитируя проверку газового оборудования Б. на предмет утечки газа, дал ей рекомендации по использованию газового оборудования. После чего, воспользовавшись престарелым возрастом и доверчивостью Б., ввел последнюю в заблуждение, убедив в необходимости приобретения датчика утечки газа. При этом С. пояснил Б., что стоимость датчика утечки газа

---

¹ Архипов А.В. Некоторые проблемы квалификации хищений, совершаемых в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 3. С. 77 – 81. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Бахчисарайского районного суда Республики Крым от 23.04.2021 по делу № 1-100/2021.

составляет 16000 руб., однако как инвалид она имеет право на скидку при приобретении датчика утечки газа и предложил Б. приобрести датчик утечки газа за 6990 руб., тем самым путем обмана ввел Б. в заблуждение, относительно реальной рыночной стоимости датчика утечки газа, составляющей 824 руб. 40 коп. Б., будучи введенной в заблуждение дала свое согласие на приобретение датчика утечки газа¹.

Весьма важным здесь выступает то обстоятельство, что в приведенных примерах обман относительно стоимости оборудования всегда вторичен и следует за обманом в лице – виновный представляется работником газовой службы. Следовательно, и в этих случаях мы можем говорить о наличии признаков преступного обмана.

Следует указать, что при квалификации соответствующих мошеннических действий, органами предварительного расследования упускается из виду обманное проникновение виновных в жилое помещение потерпевших. Как известно, в отличие от ст. 158 УК РФ норма об ответственности за мошенничество не охватывает деяние, связанное с незаконным проникновением в жилище (ст. 139 УК РФ). Следовательно, имеет место неполная квалификация.

В современной правоприменительной практике можно также обнаружить примеры, когда обман в цене товара не был сопряжен с введением в заблуждение относительно служебного положения лица. Так, например, Г. и П. были осуждены за мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору с причинением значительного ущерба гражданину. Согласно материалам дела, они приобрели на рынке с целью дальнейшей перепродажи шубу женскую, ортопедическую подушку, два комплекта постельного белья. Позднее, передвигаясь на автомашине, увидели на обочине пожилого потерпевшего Л., который остановил их и попросил подвезти его до дома. Г. с целью хищения денежных средств, принадлежащих Л., осознавая, что по-

---

¹ Приговор Сосновского районного суда Нижегородской области от 18.03.2020 по делу № 1-5/2020.

следний в силу своего возраста доверчив, представился студентом из Республики Кипр, введя тем самым Л. в заблуждение относительно своих намерений, путем сообщения ложных сведений о необходимости продажи имеющихся у них товаров и покупки билетов в Республику Кипр. Продолжая свои совместные преступные действия, расположив к себе потерпевшего, Г. и П. с разрешения Л., который не знал о преступных намерениях Г. и П., прошли в квартиру Л., где уговорили передать им денежные средства на приобретение билетов в Республику Кипр, путем продажи товара: женской шубы, ортопедической подушки, двух комплектов постельного белья по заведомо необоснованной и явно завышенной цене, умолчав о реальной стоимости товара. Потерпевший Л., будучи введенным в заблуждение Г. и П. относительно действительной стоимости приобретаемых им вещей, согласился на их покупку и передал злоумышленникам имеющиеся у него денежные средства¹.

В этом примере нельзя наблюдать ничего более, чем обман относительно стоимости передаваемого имущества. Некоторые ложные высказывания виновных относительно необходимости получения денежных средств для приобретения билетов на самолет здесь имеют объективно второстепенный характер, поскольку значимо не влияют на решение потерпевшего о приобретении имущества. Как нетрудно заметить, возможность обманного поведения связывается судом с возрастом потерпевшего и его уменьшенными способностями разумно оценить стоимость приобретаемого им имущества, что очевидно эксплуатируют виновные.

И.Я. Фойницкий обязательным условием обмана при мошенничестве называл «наличность распознавательной способности» у потерпевшего. Лица, не обладающие ею, по мнению И.Я. Фойницкого, не могут быть обмануты, а совершенное при таких обстоятельствах изъятие имущества не удовлетворяет условиям мошенничества, а образует кражу. При этом автор отдельно уточняет: «что же касается злоупотребления распознавательными способностями

---

¹ Приговор Бабушкинского районного суда города Москвы от 01.07.2022 № 1-524/2022.

лиц неопытных, то оно, несомненно, относится к мошенничеству, если соединено с обманом»¹.

А.В. Курсаев абсолютно прав, когда пишет о том, что обогащение виновного посредством обмана (введения в заблуждение) потерпевшего относительно действительной стоимости имущества не должно оставаться безнаказанным². Однако же в условиях рыночной экономики и объявленной свободы договорных отношений должны быть предложены четкие критерии, обозначающие криминальный обман в цене. В противном случае возникает опасная неопределенность, при которой любое несогласие между субъектами экономической деятельности может получить продолжение в форме обвинения в мошенничестве.

Таким образом, нельзя признать возможным квалифицировать как мошенничество абсолютно любой обман относительно цены товара либо стоимости услуги. Изучение доктринальных источников и материалов правоприменения позволяет заключить, что преступный обман в цене возможен в следующих случаях: 1) когда цена является фактом; 2) когда цена контракта определена обманным способом в нарушение установленного законом порядка при осуществлении государственных закупок; 3) когда ложное завышение цены товара сопряжено с обманом относительно признаков личности виновного (служебного положения, профессиональной принадлежности и т.п.); 4) когда обман в цене сопряжен со злоупотреблением ограниченными распознавательными способностями потерпевшего, обусловленные возрастом, неопытностью, плохой информированностью и т.п.

Другой проблемой является отграничение мошеннического обмана от вымогательства, сопряженного с введением потерпевшего в заблуждение. Как известно, требование виновного о передаче чужого имущества может быть сопряжено с введением последнего в заблуждение относительно тех или иных

---

¹ Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву. В 2-х частях. Т.2. М.: Издательство Современного государственного университета, 2006. С. 164 – 165.

² Курсаев А.В. Мошенничество с обманом в цене // Право: история и современность. 2022. Т. 6. № 1. С. 71.

обстоятельств, когда сама угроза носит обманный характер. Для более подробного рассмотрения проблемы приведем две схожие ситуации. В первой лицо вводит потерпевшего в заблуждение относительно наличия в его распоряжении материалов компрометирующего характера, которые он распространит, если потерпевший не передаст ему определенную сумму денежных средств. Во второй виновный ссылается на такое же требование, но от имени третьего лица и якобы по его поручению. Несмотря на внешнюю схожесть, полагаем, что квалификация содеянного здесь должна быть разной. В первом примере обманное поведение лица лишь создает необходимые предпосылки для последующей угрозы, которая и выступает способом посягательства. Соответственно, правильно говорить о наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ. Во втором сами сведения о шантаже от имени третьего лица являются ложными. Виновный вводит потерпевшего в заблуждение относительно личности вымогателя и содержания его требований и выдает себя за посредника. Нетрудно заметить, что в отличие от первого примера здесь не обман служит угрозе, а наоборот – сама угроза является лишь частью заведомо ложных сведений, сообщаемых потерпевшему.

В.В. Хилюта, обращаясь к рассматриваемой проблеме, обоснованно отмечает, что правовая оценка подобных ситуаций должна базироваться на том, что явилось причиной перехода имущества: обман или угроза, а что являлось лишь условием, обстоятельством, обстановкой, предпосылкой для дальнейшего совершения хищения¹.

В практике отграничение мошенничества, сопряженного с угрозами, от вымогательства с элементами обмана всегда имеет довольно дискуссионный характер². Так, в случае, когда виновные, выдавая себя за сотрудников правоохранительных органов, симитировали задержание и в дальнейшем требовали

---

¹ Хилюта В.В. Хищение: системный кризис института и проблемы квалификации: монография. М., 2021. С. 275.

² Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2022 по делу № 77-1873/2022.

передачи денежных средств, угрожая подкинуть наркотики и тем самым привлечь к уголовной ответственности, адвокат последовательно настаивал на том, что умысел у подзащитных был направлен на совершение мошенничества. По этой причине их осуждение за вымогательство является неверным и требует переквалификации на ст. 159 УК РФ. В свою очередь, суд, вполне справедливо не соглашаясь со стороной защиты, обратил внимание на то, что, несмотря на театрализованное представление виновных, именно угрозы незаконного уголовного преследования и применения насилия вынудили потерпевшего обратиться по телефону к своим знакомым за помощью в сборе требуемой суммы¹.

Практически в идентичной ситуации было вынесено решение о переквалификации действий таких же псевдополицейских с п. «а, в» ч. 2 ст. 163 УК РФ на ч. 2 ст. 159 УК РФ². Здесь суд сослался на то, что остались не установленными обстоятельства, которые бы бесспорно указывали на применение виновными угроз по смыслу ст. 163 УК РФ. При этом предложение «откупиться» от привлечения к уголовной ответственности было частью обмана и не создает основания для квалификации содеянного как вымогательства.

Суть этого решения подводит к одной очень важной мысли – обман как способ завладения чужим имуществом при мошенничестве сохраняет свое уголовно-правовое значение до тех пор, пока лицо в процессе осуществления посягательства не прибегнет к угрозам, составляющих содержание криминообразующих признаков, предусмотренных ст. 163 УК РФ. При таких обстоятельствах нельзя утверждать о перерастании мошенничества в вымогательство ввиду разной природы данных деяний. Полагаем, что здесь имеет место добровольный отказ виновного от доведения мошенничества до конца с одновременным предпочтением и реализацией нового посягательства на имущество потерпевшего – вымогательства.

---

¹ Апелляционное определение 1 Западного окружного военного суда от 09.02.2021 по делу № 22-9/2021.

² Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 28.05.2020 по делу N 1-296/2019, 22-733/2020.

И в завершение представляется необходимым вернуться к проблеме уголовно-правового значения обмана в сфере оккультизма, религиозных убеждений граждан и т.п. Ранее мы говорили о том, что области, не подвластные человеческому сознанию, не могут быть предметом мошеннического обмана: обряды, заговоры, наговоры, порча, ритуалы и т.п. Поскольку всё это относится к области суеверий (предрассудков), нельзя твердо говорить о ложности либо правдивости чего бы то ни было. Однако же на это могут быть представлены контраргументы в виде конкретных примеров правоприменения, где подобные деяния квалифицируются как мошенничество¹. В связи с этим представляется необходимым сразу ответить на возможную критику, одновременно предложив собственное видение относительно юридической оценки подобных деяний.

Большинство таких посягательств соответствует модели, которая может быть проиллюстрирована следующим приговором. Так, О. была осуждена по ч. 2 ст. 159 УК РФ. Согласно решению суда, О. с целью обмана сознательно сообщила потерпевшей заведомо ложные сведения о том, что якобы на золотых изделиях и денежных средствах последней наложена «порча», которую необходимо снять, введя потерпевшую в заблуждение о необходимости передачи ей ювелирных изделий и денежных средств, находящихся в обозначенной квартире для снятия порчи. Ничего не подозревающая, введенная в заблуждение потерпевшая, полагая о том, что О. произведет обряд по снятию порчи с ее имущества, добровольно передала О., принадлежащие ей золотые ювелирные изделия, денежные средства и носовой платок. Воспользовавшись отсутствием бдительности, имитируя выполнение обряда по снятию порчи, О. для убедительности обмана проследовала в ванную комнату обозначенной квартиры, откуда похитила, принадлежащие последней: золотую цепь 585 пробы, стоимостью 22000 руб.; золотую подвеску 585 пробы, стоимостью 4000

---

¹ См.: Приговор Адлерского районного суда Краснодарского края от 09.12.2021 г. по делу № 1-817/2021; Приговор Белореченского районного суда Краснодарского края от 24.05.2021 г. по делу № 1-1/2021.

руб.; пару золотых сережек 585 пробы инкрустированных жемчугом и фианитами, стоимостью 14000 руб.; золотое обручальное кольцо 583 пробы, стоимостью 6000 руб.; золотое кольцо 583 пробы, инкрустированное фианитами, стоимостью 8000 руб.; денежные средства в размере 10500 руб.; носовой платок, материальной ценности для потерпевшей не представляющий, с которыми незаметно для потерпевшей с места совершения преступления скрылась и распорядилась ими по своему усмотрению, чем причинила потерпевшей значительный материальный ущерб в размере 64500 руб.¹

С учетом установленных обстоятельств квалификация представляется весьма спорной. Многие указывают в пользу того, что хищение имущества было произведено виновной тайно. В самом приговоре присутствует специальная оговорка о том, что она воспользовалась отсутствием бдительности со стороны потерпевшей и незаметно скрылась с переданным имуществом. Таким образом, применительно к данному деянию следовало бы говорить о признаках состава кражи, сопряженной с обманом, к которому виновный предварительно прибегнул для обеспечения доступа к имуществу.

В завершение параграфа систематизируем его основные результаты:

1) при передаче денежных средств под контролем правоохранительных органов в ходе осуществления специальных мероприятий, направленных на выявление и пресечение мошенничества, содеянное следует квалифицировать по соответствующей части ст. 159 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ. В ситуациях, когда виновный своими действиями нарушает порядок проведения оперативно-розыскного мероприятия и скрывается от правоохранительных органов с денежными средствами, содеянное содержит признаки оконченного преступления. При этом потерпевшим должен признаваться тот субъект, который предоставил денежные средства для проведения оперативно-розыскных мероприятий;

---

¹ Приговор Советского районного суда города Воронежа от 15.08.2023 по делу № 1-405/2023.

2) при соучастии в зависимости от разделения ролей обманное поведение может быть осуществлено как единолично, так и в отдельности каждым (разработчик / администратор сайта с ложной информацией о продаже товаров, равно как и лицо, непосредственно осуществляющее переговоры с потерпевшими по телефону, является соисполнителем группового мошенничества);

3) использование обманного способа, заведомо рассчитанного на действие в отношении нескольких лиц (как одномоментно, так и с разрывом во времени) свидетельствует в пользу квалификации содеянного как единичного сложного преступления при сочетании следующих условий: 1) заведомой направленности обманного поведения на двух или более лиц; 2) наступлении общих общественно опасных последствий, выразившихся в причинении вреда сразу нескольким лицам в результате единого обманного деяния виновного; 3) наличии причинно-следственной связи между обманным поведением виновного и наступившими последствиями;

4) использование обмана в конструкции склонения к совершению самоубийства (ст. 110¹ УК РФ) требует проведения отграничения данного преступления от убийства, совершаемого с помощью обмана потерпевшего. Полагаем, что решение данного вопроса должно быть определено законодателем явственно и по возможности оперативно. Нельзя смириться с практикой квалификации подобного рода деяний по ст. 110¹ УК РФ, когда потерпевшими выступают дети, не имеющие необходимого жизненного опыта, слепо доверившиеся искусной лжи злоумышленников;

5) преступный обман в цене возможен в следующих случаях: 1) когда цена является фактом; 2) когда цена контракта определена обманным способом в нарушение установленного законом порядка при осуществлении государственных закупок; 3) когда ложное завышение цены товара сопряжено с обманом относительно признаков личности виновного (служебного положения, профессиональной принадлежности и т.п.); 4) когда обман в цене сопряжен со злоупотреблением ограниченными распознавательными способно-

стями потерпевшего, обусловленные возрастом, неопытностью, плохой информированностью и т.п.;

б) обман как способ завладения чужим имуществом при мошенничестве сохраняет свое уголовно-правовое значение ровно до тех пор, пока лицо в процессе осуществления посягательства не прибегнет к угрозам, составляющих содержание криминообразующих признаков, предусмотренных ст. 163 УК РФ. При таких обстоятельствах нельзя утверждать о перерастании мошенничества в вымогательство ввиду разной природы данных деяний. Полагаем, что здесь имеет место добровольный отказ виновного от доведения мошенничества до конца с одновременным предпочтением и реализацией нового посягательства на имущество потерпевшего – вымогательства.

ГЛАВА III. ОБМАН КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ

3.1. Обман как преступление: понятие и виды

Изначально необходимо прояснить содержание предлагаемой конструкции *обман как преступление*. Как было показано в предыдущей части работы, в уголовном законе содержится довольно много норм об ответственности за преступления, которые совершаются посредством обмана либо могут предполагать такой способ действия. Вместе с тем, во всех этих преступлениях обман сам по себе второстепенен и не является самоцелью действия. Так, например, при мошенничестве обман важен виновному ровно в том смысле, насколько он позволяет ему рассчитывать на последующее завладение имуществом потерпевшего. При вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления возможный обман как способ воздействия на потерпевшего также имеет подчеркнута факультативную роль в самой природе данного преступного деяния – главная цель виновного не изменить мировосприятие подростка, а добиться его участия в преступлении.

В этом смысле конструкция «обман как преступление» применима только к тем общественно опасным деяниям, в которых обманное поведение является как способом, так и самоцелью деяния. Иными словами, как само деяние, так и желаемый виновным результат заключается в одном – создать или поддержать ложное представление у конкретного человека либо неограниченного круга лиц относительно определенных фактов, событий, явлений, процессов и т.п.

Соответственно, корпус данных преступлений составляют клевета (128¹ УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информа-

ции, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК РФ), публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (ст. 207³ УК РФ) и др.

Сюда же следует отнести и составы криминальных подлогов, а равно фальсификаций, которые, признаем, не в полной мере отвечают признакам обманного поведения, однако же по содержанию и направленности своей соответствуют их природе. Не полная тождественность обману в подлогах и фальсификациях – как отмечает большинство исследователей – заключается в том, что такие преступные деяния могут и не предполагать непосредственного воздействия на психику другого человека. Действительно, это так. Изготовление, оборот и даже использование по смыслу ст. 326-327² УК РФ вполне возможны и без лица, воспринимающего конкретные предметы как реальные. Вместе с тем нельзя отрицать очевидное – все эти преступления, что называется, обладают отложенным эффектом вредоносного воздействия и совершаются с одной единственной целью: исказить достоверные сведения, отменить истинное представление о фактах, событиях, процессах и т.п. Подлог сам по себе не имеет общественной опасности, если не вмешивается своим вредоносным влиянием в поведение других субъектов, которые доверяются ему и тем самым обманываются. Именно поэтому в рамках настоящего исследования подлоги и фальсификации отнесены к формам криминального обманного поведения, которое, возможно, стоило бы именовать с приставкой *квази*-.

Обман как преступление всегда находил свое отражение в уголовном законе. Клевета, лжесвидетельство, подлог – все эти и некоторые другие криминальные обманы обладают давней историей. Человечество весьма рано осознало необходимость защиты истины правовыми механизмами, в т.ч. средствами уголовной репрессии. Здесь представляется своевременным обратиться к истории и на конкретных примерах рассмотреть основные вехи кри-

минализации обмана. Это видится полезным и в том смысле, что позволит полнее раскрыть природу, а также выявить некоторые закономерности в развитии исследуемого явления.

Самые первые формы обмана как преступления встречаются уже в источниках права Древнерусского государства. В «Русской правде» признается преступлением ложное обвинение в убийстве (ст. 18). В «Новгородской судной грамоте» предусмотрена ответственность за клевету в отношении должностных лиц города (ст. 6).

В Судебнике Ивана III (1497 г.) в ст. 9 криминализованы составление и распространение подметных писем (здесь уже ответственность наступала за клевету в отношении как должностных, так и частных лиц), лжесвидетельство (ст. 67) и ябедничество, то есть заведомо ложный донос (ст. 8).

Начиная с принятия «Стоглава» в 1551 г., можно говорить о появлении новых уголовных запретов относительно обманного поведения, направленного против церкви и ее устоев. Получили они свое отражение и в Соборном уложении 1649 г., где в главе I «О богохульниках и церковных мятежниках» названы такие преступления как возложение хулы на Господа бога или Богородицу, а равно на святых угодников. Хула могла заключаться не столько в оскорблениях, сколько в распространении измышлений, противных церковным канонам.

Артикул Воинский Петра I (1715 г.) ответственность за клевету предусматривал в главе 18 «О поносительных письмах бранных и ругательных словах» (артикулы 149, 150).

В XIX в. к криминальному обману относятся отдельные посягательства на православную веру. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. был предусмотрен значительный перечень составов преступлений против веры. В ряду таковых богохульство (ст. 182, 183), святотатство (ст. 189) и порицание веры (ст. 185, 187) предполагали их совершение в форме ложных измышлений. В романе Льва Николаевича Толстого «Воскресение» князь Нехлюдов в беседе с адвокатом недоумевает: «Нет, да это поразительное

дело...люди в деревне собирались читать Евангелие, пришло начальство и разогнало их. Следующее воскресенье опять собрались, тогда позвали урядника, составили акт, и их предали суду. Судебный следователь допрашивал, товарищ прокурора составил обвинительный акт, судебная палата утвердила обвинение, и их предали суду. Товарищ прокурора обвинял, на столе были вещественные доказательства – Евангелие, и их приговорили в ссылку. Это что-то ужасное! Неужели это правда? ...Да неужели существуют законы, по которым можно сослать человека за то, что он вместе с другими читает Евангелие?». В ответ на это адвокат со знанием дела иронично отвечает: «Не только сослать в места не столь отдаленные, но и в каторгу, если только будет доказано, что, читая Евангелие, они позволили себе толковать его другим не так, как велено, и потому осуждали церковное толкование. Хула на православную веру при народе и по статье сто девяносто шестой – ссылка на поселение»¹.

Статьи 296, 297 Уложения регламентировали ответственность в отношении лиц, которые распускали ложные слухи с намерением возбудить к противодействию или к сопротивлению властям.

Происходит выделение новых форм криминального обманного поведения в сфере экономической деятельности – ст. 1712 Уложения предусматривает ответственность за распространение заведомо ложных сведений, вредных для коммерческой деятельности бирж.

В рамках отдельной главы Уложения «О клевете и распространении ругательных или иных оскорбительных для чести сочинений, изображений или слухов» установлена ответственность за клевету в представленной присутственному месту или чиновнику бумаге, в которой изложены «несправедливые» обвинения какого-либо лица, его жены, членов семейства в деянии, противном правилам чести (ст. 2017).

Таким образом, обзор развития российского уголовного права с древнейших времен до XX в. (безусловно, весьма краткий) позволяет сделать вывод о

---

¹ Толстой Л.Н. Воскресение: роман. М.: Издательство АСТ, 2021. С. 323-324.

том, что уголовно-правовое противодействие обманному поведению прежде всего было направлено против деяний доносительских (ложных обвинений в преступлении) и посягательств на авторитет представителей власти. С течением времени значимой составляющей криминального обмана стали любые клеветнические действия в отношении православной веры (опровержение ее канонов и т.п.).

Революционные процессы начала XX в. вывели на совершенно другой уровень проблему освещения и интерпретации общественных, экономических, социальных, политических и иных событий. Борьба за власть во многом сводилась к контролю за определением в сознании масс того, что является истинным, а что ложным. Предсказуемо это привело к давлению и искоренению оппозиционной журналистики.

В 1917 г. В.И. Ленин в письме Г.Е. Львову пишет: «Никогда пролетариат не прибегнет к клеветам. Он закроет газеты буржуазии... Пролетариат будет действовать не клеветами, а словом истины. Он скажет крестьянам и всему народу правду про буржуазные газеты и про необходимость закрывать их»¹.

28 октября 1917 г. принимается известный Декрет «О печати», в котором В.И. Ленин меры по закрытию ряда изданий объясняет просто: «...были приняты временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса». При этом отмечается, что данная мера вынужденная и, соответственно, временная: «Как только новый порядок упрочится, – всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом»².

28 февраля 1918 г. был принят Декрет «О Революционном Трибунале Печати». Новый орган находился в прямом подчинении Революционного три-

---

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 34. С. 20.

² Декрет СНК РСФСР от 28.10.1917 «О печати» // СПС «КонсультантПлюс».

бунала и рассматривал преступления против народа, совершаемые путем использования печати, прежде всего связанные с распространением ложной общественно значимой информации¹.

Контрреволюционная пропаганда и агитация могла выражаться в том числе в дискредитировании власти. Согласно постановлению Кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов» данное деяние толковалось как «сообщение, распространение или разглашение ложных или непроверенных сведений в средствах массовой информации, в публичных местах или собраниях, вызывая тем самым панику в обществе, а также недоверие и недовольство к советской власти»². Высшей мерой наказания за такой обман был расстрел.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. в ст. 73 предусматривал ответственность за измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее. Аналогичный запрет был предусмотрен в ст. 58.10 УК РСФСР 1926 г. (в редакции Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 20.05.1930 г).

С горечью следует признать, что в России начала XX в. криминализация обмана довольно часто выступала приемом осуществления политических репрессий и преследования инакомыслия. Для утверждения единственной идеологии принимались законы, которые напрямую устанавливали ответственность за любое высказывание, отличающееся от позиции по данному вопросу официальных органов власти. Говорить о том, сколько искаленных судеб стоит за этой борьбой с «обманом», пожалуй, излишне. Об этом много написано как в художественной литературе, так и проведено значительное количество обстоятельных исторических исследований.

---

¹ Декрет СНК РСФСР от 28.01.1918 «О Революционном Трибунале Печати» // СПС «КонсультантПлюс».

² Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952. / сост.: проф. А.А. Герцензон; под ред. [и с предисл.] проф. И.Т. Голякова. – М.: Госюриздат, 1953. С. 36.

Как известно, потребовались годы для того, чтобы восстановить справедливость. С принятием Закона РФ от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» начался долгий процесс по пересмотру судебных решений, по которым лица были осуждены за контрреволюционную агитацию, в т.ч. совершаемую в форме обмана. Так, например, приговором суда Луцкой был признан виновным в том, что в июне 1936 г. на волейбольной площадке в присутствии граждан проводил контрреволюционную агитацию по вопросу условий жизни рабочих в СССР, клеветал на Конституцию СССР. В надзорном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации указал на то, что по ст. 58.10 ч. 1 УК РСФСР тот осужден необоснованно, так как в высказываниях Луцкого не содержалось призывов к свержению, подрыву Советской власти, совершению иных контрреволюционных преступлений. Изучив надзорное представление и материалы уголовного дела, Президиум Верховного Суда Российской Федерации признал надзорное представление обоснованным и подлежащим удовлетворению¹.

Подобных решений множество. Контрреволюционная клевета в приговорах тех лет приобретала самые разнообразные формы: «клеветал на советские законы»², «возводил клевету на Советское правительство»³, «клеветал на жизненные условия советских народов, восхвалял жизнь в капиталистических странах»⁴, «возводил клевету на действительность в Советском Союзе, на колхозный строй»⁵, «распространял контрреволюционную клевету на советскую интеллигенцию»⁶ и др.

---

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31.03.2004 № 166п2004пр // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16.04.2003 № 161п2003пр // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.05.2003 № 331п2003пр // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 09.03.2004 № 2н-43/04 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31.03.2004 № 183п2004пр // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.04.2004 № 201п04пр // СПС «КонсультантПлюс».

С момента начала Великой Отечественной Войны органы власти приняли ряд решительных мер по противодействию распространению ложных сведений о событиях на фронте. Так, 25 июня 1941 г. вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств», в соответствии с которым все граждане Советского Союза должны были в пятидневный срок сдать радиоприемники органам Наркомата связи по месту жительства на временное хранение до окончания войны. Использование радиоприемников с этого момента разрешалось только для коллективного прослушивания в отведенное время.

Исследователи признают, что в условиях наступления Германии данные меры являлись обоснованными. 26 июня 1941 г. вышла Директива Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) СССР № 148 «Об аресте и предании суду военного трибунала распространителей политических слухов, пытающихся дезорганизовать тыл». Документ допускал приравнять распространителей ложных и непроверенных сведений к «фашистским агентам», арестовывать и предавать суду военного трибунала¹.

Распространение информации о некомпетентности и непрофессионализме руководства страны расценивалось как поведение провокационное, а не ложное, и их распространителей привлекали к уголовной ответственности на основании Директивы НКГБ СССР № 152 от 28 июня 1941 г. «О мероприятиях по пресечению распространения среди населения провокационных слухов в связи с военной обстановкой».

6 июля 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». В документе указывалось: за «распространение слухов в военное время, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением

---

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов / Федер. служба контрразведки РФ; Академия федер. службы контрразведки РФ; рук. группы авт.-сост. В. П. Ямпольский. – М.: Русь, 2000. – Т. 2, кн. 1: Начало 22 июня–31 августа 1941 г.–717 с.; Т. 2. Кн. 2: Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 г. С. 75 – 86.

на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания».

Согласно данным отдельных авторов, за годы Великой Отечественной Войны органами госбезопасности Советского Союза за антисоветскую агитацию и пропаганду были арестованы 131 178 человек, или 29% от общего числа задержанных. Большую часть – 91 336 человек – арестовали в тыловых регионах СССР¹.

После войны заместитель наркома госбезопасности Б.З. Кобулов в сообщении Сталину указал, что многие советские граждане подвергались необоснованному осуждению по обвинению в распространении ложных слухов².

Как бы то ни было, надо признать, что принципиальное ужесточение уголовной политики в сфере противодействия распространению ложных сведений в период Великой Отечественной Войны являлось мерой необходимой – решался вопрос о судьбе страны, о выживании многонационального народа СССР. Информационное пространство стало таким же полем битвы, как и линия боевого соприкосновения на фронте. И, увы, предсказуемы здесь, что называется, «перегибы на местах», когда из чрезмерного рвения отдельных должностных лиц, из желания выслужиться либо по причине банальной низкой квалификации уголовной репрессии подвергались люди – напуганные и запутавшиеся – за неосторожные и непроверенные высказывания.

Погружение в историю убеждает, что расширение криминализации обмана, как правило, имеет место на фоне особых условий: военных конфликтов, эпидемий, революций и иных социально-политических потрясений. Соответственно, с учетом проведенного исторического анализа можно предложить де-

---

¹ Вольхин А.И., Демидов А.М. Борьба органов НКВД–НКГБ Урала и Сибири с антисоветской агитацией и пропагандой в годы Великой Отечественной войны // Военный комментатор: воен.-ист. альм. Екатеринбург, 2001. № 1. С. 35.

² Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2004. Кн. 2. с. 361.

ление обманных преступлений на *ординарные (естественные)* и *экстраординарные*. Естественная криминализация обмана основывается на необходимости защиты прав и законных интересов личности, общества и государства от клеветы, ложных доносов, лжесвидетельства и документальных подлогов. Иными словами, она обеспечивает охрану непреходящих и неоспоримых ценностей. В свою очередь, экстраординарные криминальные обманы являются ответом на социальные потрясения (война, революция, пандемия и т.п.), значительно ограничивают свободу слова и самовыражения, весьма серьезно повышают риски уголовной репрессии, однако имеют, как правило, временный характер.

За последнее время в российском уголовном законодательстве появилось довольно много новых составов преступлений, содержанием которых так или иначе является обман. Принимая во внимание особенности современных коммуникационных технологий, государство закономерно и обоснованно наращивает свои усилия в этом направлении, чтобы оградить граждан от ложного восприятия окружающей действительности. Губительные последствия такого искаженного мировосприятия, в особенности, когда оно приобретает массовый характер, хорошо известны. Современная история предоставляет примеры разрушения целых государств под влиянием бесконтрольной и лживой пропаганды. Конечно же, есть и те, которые пытаются увидеть в конкретных событиях закономерность развития определенных социально-экономических и политических процессов, отрицая тем самым роль и значение обманного информационного воздействия. Парадокс заключается в том, что эти «объяснения» вполне укладываются в общую структуру организованной дезинформации, которая всегда пытается, что называется, «пустить по ложному следу», подбросить иную «правильную» интерпретацию тех или иных фактов.

В результате, обман как преступление все более рельефно проступает в архитектуре отечественного уголовного закона. Толчком к этому, безусловно, стала пандемия Covid-19. Последние исследования показывают, что экстраор-

динарная криминализация обмана стала преобладающим направлением в уголовной политике зарубежных стран в период мировой эпидемии. Так, З.М. Сизо в своей работе отмечает, что «первые месяцы пандемии показали, что противодействие дезинформации в сети «Интернет» стало столь же важным, как и обеспечение медицинских работников необходимым медицинским оборудованием и расходными материалами. Борьба с «инфодемией» осуществлялась не только организационно-техническими мерами, но и вызвала тренд на криминализацию распространения заведомо ложной информации о Covid-19, в том числе о мерах общественного здравоохранения»¹.

Действительно, криминализация обмана в сфере распространения и противодействия Covid-19 имела место в Албании², Венгрии³, Румынии⁴ и др.

29 апреля 2020 г. были внесены изменения в закон Южной Африки о противодействии стихийным бедствиям. Была установлена ответственность за публикацию заявления на любом носителе с намерением ввести в заблуждение относительно обстоятельств, связанных с передачей вируса, личным статусом инфицирования и мерами правительства по борьбе с пандемией⁵.

В период пандемии в Уголовный кодекс Республики Узбекистан⁶ была включена норма об ответственности за распространение не соответствующих действительности сведений о распространении карантинных и других опас-

¹ Сизо З.М. Уголовно-правовое регулирование в условиях пандемии: проблемы теории и практики: дис. ... канд.юрид.наук. Краснодар, 2023. С. 12.

² [Электронный ресурс] // URL: <https://balkaninsight.com/2020/02/24/albania-prosecutors-open-investigation-over-corona-virus-panic-spreading-information/> (дата обращения: 23 ноября 2023 г.).

³ Petra Lea Láncos and László Christián. Domestic Soft Law Regulation during the COVID-19 Lockdown in Hungary: A Novel Regulatory Approach to a Unique Global Challenge European Journal of Risk Regulation, Volume 12, Special Issue 1: Special Issue on COVID-19 and Soft Law, March 2021, pp. 77 – 92.

⁴ [Электронный ресурс] // URL: https://www.euractiv.com/section/all/short_news/romania-shuts-down-websites-with-fake-covid-19-news/. (дата обращения: 23 ноября 2023 г.).

⁵ [Электронный ресурс] // URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/202004/43258rg11098gon480s.pdf (дата обращения: 23 ноября 2023 г.).

⁶ Уголовный кодекс Республики Узбекистан / [Электронный ресурс] // URL: <https://lex.uz/docs/111457?ONDATE=26.03.2020%2000#111470> (дата обращения: 25 ноября 2023 г.).

ных для человека инфекций (ст. 244⁵). Объективная сторона данного преступления предполагает совершение лицом деяния *«в условиях возникновения и распространения карантинных и других опасных для человека инфекций»*. Прав З.М. Сизо, когда пишет, что данное решение законодателя Узбекистана представляется довольно удачным. Соответствующий признак обстановки, связанный с положением локальной или мировой эпидемии (пандемии), позволяет формализовать необходимый уровень общественной опасности заведомо ложной пропаганды в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения¹.

Развитие же экстраординарной криминализации обманного поведения вполне очевидно связано с проведением специальной военной операции в Украине с 24 февраля 2022 г. С первых же дней военной операции в информационном пространстве России – прежде всего в сети «Интернет» – появилось огромное количество ложных сведений. Целью распространения откровенно сфабрикованного контента было расшатывание внутренней политической обстановки, дискредитация руководства страны и Вооруженных Сил Российской Федерации, формирование социального протеста. Сейчас – по прошествии времени – все эти «аналитические данные», «экспертные оценки», «экономические прогнозы» и т.п. воспринимаются уже с иронией. Вместе с тем факт остается фактом – они смогли привести к отдельным эпизодам нарушения общественного порядка, к паническому бегству отдельных граждан в страны ближнего зарубежья и другим негативным последствиям.

Потребовались значительные усилия государственных органов (Роскомнадзор и др.) и официальных СМИ, чтобы эффективно противостоять организованной лживой пропаганде. Вполне закономерно, что в ряду последовательных мер явились и решения по ужесточению ответственности за обманное поведение, связанное с событиями на Украине. В результате УК РФ дополняется

---

¹ Сизо З.М. Уголовно-правовое регулирование в условиях пандемии: проблемы теории и практики: дис. ...канд.юрид.наук. Краснодар, 2023. С. 53.

ст. 207³ «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации» и ст. 280³ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации».

Полагаем, что говорить о теоретико-правовой обусловленности и оценивать соответствующие уголовно-правовые запреты нельзя в отрыве от того социально-политического контекста, который, по большому счету, их и породил. Такое искусственное абстрагирование, равно как и следующая за этим критика неосновательны. Необходимо всегда учитывать, что эти меры являются ответом на конкретные экстраординарные события в жизни страны, и с высокой вероятностью имеют такой же временный характер.

В свете изложенного можно заключить, что отечественное уголовное законодательство проходит этап экстраординарной криминализации обманного поведения, вызванный вначале обстановкой мировой эпидемии Covid-19, а позднее осложнением международной обстановки и усилением внутривнутриполитических противоречий. Признание этого факта, полагаем, дает как трезвое понимание вынужденности и необходимости конкретных решений, так и вполне четкое представление о сопутствующих тому рисках, прежде всего на уровне правоприменения.

При криминальном обмане деяние может иметь разные формы: публичное выступление, распространение печатной продукции, рассылка электронных писем либо размещение сообщения в социальной сети либо мессенджере

и др. В доктрине уголовного права неустанно подчеркивается, что в целом сам способ передачи заведомо ложных данных не имеет значения для квалификации содеянного. Это действительно так, если не учитывать современный тренд на установление повышенной ответственности за распространение заведомо ложных данных посредством телекоммуникационных технологий.

В последнее время для повышения правдоподобности распространяемой лжи злоумышленники применяют новые методы и средства информационного воздействия. Все чаще такие действия сопряжены с осуществлением компьютерных атак на сайты государственных органов либо органов местного самоуправления с той целью, чтобы разместить недостоверные данные именно на официальном ресурсе¹. По понятным причинам такой механизм совершения обманного преступления усиливает негативный эффект от распространения дезинформации. С точки зрения юридической оценки помимо нормы об ответственности за распространение заведомо ложных сведений, содеянное должно быть дополнительно квалифицировано по ст. 272 УК РФ либо ч. 2 ст. 274¹ УК РФ. Изучение имеющейся в открытом доступе судебной практики не позволило выявить примеры применения указанного квалификационного алгоритма.

Другой проблемой является изготовление аудиовизуальных материалов с использованием изображения другого человека, а также его голоса. Сове-

---

¹ См., например: Хакеры разместили на сайте тюменского правительства ложный документ о воссоединении Белоруссии и РФ / [Электронный ресурс] // URL: <https://tmn.sm.news/xakery-vzломali-sajt-pravitelstva-tyumenskoj-oblasti-i-razmestili-lozhnyj-dokument-71522/?ysclid=lfr8qp0ots168110007> (дата обращения 27 февраля 2023 г.); Неизвестные взломали сайт Заксобрания Красноярского края и разместили на нем фейковую информацию / [Электронный ресурс] // URL: <https://krasnoyarsk.bezformata.com/listnews/neizvestnie-vzломali-sajt-zaksobraniya/105039889/?ysclid=lfr8vb5dzd85289437> (дата обращения 27 февраля 2023 г.); Хакеры взломали сайт администрации города Пскова и разместили ложную информацию о потерях дивизии в Украине / [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mkpskov.ru/social/2022/04/27/khakery-vzломali-sajt-administracii-goroda-pskova-i-razmestili-lozhnyuyu-informaciyu-o-poteryakh-divizii-v-ukraine.html?ysclid=lfr8yo9zk0598775546> (дата обращения 27 февраля 2023 г.) и др.

менные цифровые технологии позволяют изготовить наглядный компрометирующий либо агитационный материал. Пока это еще не воспринимается как актуальная проблема информационной безопасности в России, однако представляется, что с течением времени ситуация принципиально изменится. Так называемые «deepfake» или сложная (глубокая) подделка эксплуатирует известную народную мудрость, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Визуализация оказывает очень серьезное воздействие на потенциального адресата ложной информации. Полагаем, что совершение обманного преступления с использованием заранее изготовленного «deepfake» свидетельствует о значительном увеличении общественной опасности деяния. До настоящего времени данное обстоятельство не учтено в российском законодательстве в полной мере. Безусловно, использование «deepfake» создает основания для квалификации, например, клеветы по такому квалифицирующему признаку как использование информационно-телекоммуникационных сетей, а применительно к публичному распространению дезинформации о Вооруженных Силах РФ – по признаку искусственного создания доказательств обвинения (п. «в» ч. 2 ст. 207³ УК РФ). Однако нельзя исключать также и то, что в ситуациях с глубокой подделкой мы имеем совершенно самостоятельный и обладающий исключительной опасностью способ деструктивного информационного воздействия на сознание личности.

В доктрине уголовного права по этому поводу было высказано предложение о самостоятельной криминализации создания и распространения реалистичных поддельных аудиовизуальных материалов. В частности, Р.И. Дремлюга обосновывает установление ответственности за «deepfake» в ст. 274³ УК РФ¹. Не вдаваясь глубоко в содержание инициативы, следует высказать сомнение в правильности самого размещения нормы в главе 28 УК РФ.

---

¹ Дремлюга Р.И. Уголовно-правовая охрана цифровой экономики и информационного общества от киберпреступных посягательств: доктрина, закон, правоприменение: монография. М., 2022. С. 277.

Крайне спорным также является выделение автором в качестве квалифицирующего признака – использование информационно-телекоммуникационных сетей. Вряд ли «deepfake» вообще можно представить вне сетевого пространства.

Полагаем, что использование таких материалов должно выступать критерием дифференциации ответственности за другие преступления, прежде всего исследуемые посягательства. Хотя в перспективе нельзя исключать дифференциацию ответственности по признаку использования «deepfake» и за иные преступления, например, мошенничество. Так, например, уже известны подобные инциденты: в марте 2019 г. злоумышленник позвонил в одну британскую энергетическую компанию и представился руководителем головной компании из Германии. Директор, доверившись голосу по телефону, решил, что разговаривает со старшим руководителем. Последний распорядился осуществить транзакцию венгерскому поставщику. В результате этого компании был причинен ущерб в размере 243.000 \$¹.

С учетом изложенного в целях совершенствования отечественного уголовного законодательства представляется перспективным выделение в системе дифференциации ответственности обманных преступлений квалифицирующего признака: *«с использованием поддельных аудиовизуальных материалов, имитирующих биометрические данные другого человека»*. Данное предложение нашло поддержку у 68% опрошенных респондентов.

В зарубежной литературе обсуждается проблема криминализации обмана как такового. Как показывает хотя бы общий анализ доступных источников, выработка модели уголовно-правового запрета относительно обмана вызывает принципиальные дискуссии. Так, в одной работе авторы начинают свое размышление со следующего гипотетического примера: «Представьте, что вы резидент жилого комплекса. Ваш сосед (зовите его Барили) однажды постучит

---

¹ Stupp C. Fraudsters Used Ai to Mimic CEO's Voice in Unusual Cybercrime Case // The Wall Street Journal. 30.08.2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/fraudsters-use-ai-to-mimic-ceos-voice-in-unusual-cybercrime-case-11567157402> (дата обращения: 28.10.2023).

в вашу дверь и сообщит, что ваш маленький ребенок был насмерть раздавлен лифтом на первом этаже. Охваченный страхом, вы в состоянии бешеной паники бросаетесь вниз только для того, чтобы обнаружить, что описанный кошмар есть не что иное как художественное произведение Барили. Ваш ребенок в порядке. Всё было ложью, созданной для того, чтобы поуготать вас. Предположим, что Барили совершает это систематически, в отношении разных людей, получая от этого какое-то извращенное удовольствие. Должно ли поведение Барили быть преступлением? Мы постараемся обосновать в этой статье, что ответом на этот вопрос будет «да»¹. Возможным решением авторы предлагают установление ответственности за обман, повлекший причинение существенного вреда (*serious harm*) правам и законным интересам личности или организаций, охраняемым законом интересам общества или государства.

Как представляется, весьма дискуссионное предложение, которое создает значительные риски явно избыточной реализации уголовной репрессии. Подобные инциденты вполне могут находить свое разрешение в рамках иных механизмов юридической ответственности.

В завершение параграфа сформулируем его основные выводы и предложения:

1) обман как преступление (криминальный обман) представляет собой умышленное общественно опасное деяние, совершаемое посредством распространения недостоверных сведений, главной целью которого является формирование и (или) поддержание ложного знания у конкретного человека либо неограниченного круга лиц относительно определенных фактов, событий, явлений, процессов и т.п.;

2) значительное расширение криминализации обмана, как правило, имеет место на фоне экстраординарных условий: военных конфликтов, эпидемий, революций и иных социально-политических потрясений. С учетом этого

---

¹ Bryan H. Druzin, Jessica Li. The criminalization of lying: under what circumstances, if any, should lies be made criminal? // *The Journal of Criminal Law & Criminology*. Vol 101. № 2. (2011) P. 529-573.

предлагается деление обманных преступлений на *ординарные (естественные)* и *экстраординарные*. Естественная криминализация обмана основывается на необходимости защиты прав и законных интересов личности, общества и государства от клеветы, ложных доносов, лжесвидетельства и документальных подлогов – она обеспечивает охрану непреходящих и неоспоримых ценностей. В свою очередь, экстраординарные криминальные обманы являются ответом на социальные потрясения (война, революция, пандемия и т.п.), значительно ограничивают свободу слова и самовыражения, весьма серьезно повышают риски уголовной репрессии, однако имеют, как правило, временный характер;

3) в современных условиях отечественное уголовное законодательство проходит этап экстраординарной криминализации обманного поведения, вызванный вначале обстановкой мировой эпидемии Covid-19, а позднее осложнением международной обстановки и усилением внутривластных противоречий. Признание этого факта дает как трезвое понимание вынужденности и необходимости конкретных решений, так и вполне четкое представление о сопутствующих тому рисках, прежде всего на уровне правоприменения;

4) в свете процессов цифровизации и развития технологий искусственного интеллекта представляется перспективным выделение нового отягчающего обстоятельства (квалифицирующего признака) в системе индивидуализации (дифференциации) ответственности: *«с использованием поддельных аудиовизуальных материалов, имитирующих биометрические данные другого человека»*.

3.2. Особенности и проблемы квалификации обмана как преступления

Применительно к данной группе преступлений можно говорить как о вопросах квалификации, довольно хорошо разработанных в доктрине уголовного права, так и о тех, которые пока еще не получили своего решения. Так, например, состав клеветы весьма подробно исследован в российской науке,

равно как и особенности юридической оценки заведомо ложного доноса, дачи заведомо ложных показаний, подлога и др. В то же время подобное нельзя сказать о новых составах, получивших свое определение в уголовном законе сравнительно недавно. По этой причине в рамках данного параграфа большее внимание будет уделено именно проработке квалификационных проблем последних новелл УК РФ об ответственности за криминальный обман. Это, однако, не означает, что тем самым будет оставлена сама попытка выявить некие общие проблемы и сформулировать универсальные решения в части квалификации обманных преступлений. Такая задача не только не снимается, но и остается наиболее значимой для настоящей работы.

Ключевой особенностью всех обманных преступлений является распространение сведений, которые по своему содержанию являются не соответствующими действительности, то есть ложными. Это предполагает существование некоего критерия правды или по-другому – объективной истины. Без опоры на реально существующую возможность отделить объективную реальность от не менее объективной лжи обманные преступления не могут быть квалифицированы. В некотором смысле это соотносится с таким известным критерием криминализации как процессуальная и криминалистическая доказуемость криминообразующих признаков состава преступления.

По делам об обманных преступлениях вопрос о наличии указанного выше критерия истинности конкретного суждения наиболее часто становится поводом для споров о правильности квалификации содеянного как криминального обмана в той или иной форме. Так, по одному из дел по ст. 354¹ УК РФ виновный ссылался на то, что «...с точки зрения официальной истории Михаил Алексеевич Егоров является героем. У него другая точка зрения на его подвиг. По его мнению, неизвестно кто и когда водрузил Знамя Победы, что М.В. Кантария и М.А. Егоров были не первыми»¹. Не является секретом, что в открытом доступе действительно имеются «исследования», в рамках которых

---

¹ Приговор Смоленского областного суда от 19.07.2022 г. по делу № 2-19/2022.

авторы решительно опровергают даже те события и факты, которые в области исторической науки являются абсолютной истиной. В результате прочтения таких работ у отдельных граждан, особенно с повышенной внушаемостью, может сложиться представление, что официальная историография выполняет лишь сервильную функцию, конструирует героев и описывает события в угоду власти. В этой части для уголовно-правовой теории и практики возникает непростой вопрос, связанный с квалификацией действий таких обмороченных граждан.

Изучение правоприменительной практики по делам о преступлении, предусмотренном ст. 207³ УК РФ, показывает, что необходимым условием вменения распространения недостоверных сведений выступает опубликование официальной позиции по конкретному вопросу официальных органов власти. Так, например, по одному из дел суд указывает: «...квалификация деяния Е., данная органами предварительного расследования является излишней. Так, из обвинения, предъявленного Е., судом исключается указание на размещение ссылки на видеоролик под названием «Буча. Спецоперация по уничтожению мирных жителей (18+) (English subs)». Так, согласно протоколу осмотра информации в сети Интернет данная ссылка размещена до размещения официальной позиции Министерства обороны Российской Федерации. Согласно показаниям самого подсудимого на момент опубликования ссылки на данную видеозапись никакой информации по поводу событий в городе Буча не имелось. Данные показания стороной обвинения не опровергнуты в ходе судебного следствия. Кроме того, согласно протоколу осмотра телефона Е. и персонального компьютера указанная ссылка также размещена до официального опровержения органами государственной власти Российской Федерации. Поскольку стороной обвинения не представлено доказательств наличия у подсудимого умысла на распространение заведомо ложной информации в данной

части, а все сомнения трактуются в пользу обвиняемого, суд исключает данные обстоятельства из объема предъявленного обвинения»¹.

Установление субъективной стороны обманного преступления предполагает доказывание осознания лицом того факта, что распространяемые сведения не соответствуют действительности. Таким образом, обманувшиеся и уверовавшие в ложь граждане не могут быть привлечены к уголовной ответственности за исследуемые преступления. На это обстоятельство обращают внимание и суды, не соглашаясь с предъявленным лицу обвинением в совершении обманного преступления, когда есть основания полагать об убеждении последнего в достоверности распространенной ложной информации. Так, по одному из дел суд отмечает: «Данная информация, которую А. посчитал истинной и правдивой, стала ему известна в 2016 году, он был уверен в том, что сведения, которые он высказал в адрес потерпевшего, содержат правдивые данные, что свидетельствует об отсутствии у него прямого умысла. При указанных обстоятельствах исключается признак заведомой ложности, поскольку А. распространил свои не соответствующие действительности суждения о фактах, не осознавал, что распространяемые им сведения являются ложными и был уверен, что они содержат правдивые, обоснованные данные, то есть добросовестно заблуждался относительно их действительности»².

Проблема, однако, заключается в том, чтобы провести разницу между неприятием лицом мер по проверке сведений на истинность и распространением информации с четким пониманием, что она является недостоверной. В первом случае, когда лицо, строго говоря, не удостоверилось в истинности информации, и распространило тот или иной материал, нельзя говорить о той необходимой заведомой осведомленности, которая выступает обязательным условием привлечения лица к уголовной ответственности. Тем не менее, на уровне правоприменения своего рода расширительный подход всё же нашел

---

¹ Приговор Московского районного суда г. Нижнего Новгорода от 30.06.2023 г. по делу № 1-196/2023.

² Апелляционное постановление Ленинского районного суда г. Саратова от 10.07.2020 г. по делу № 10-9/2020.

свою реализацию. Так, действия администратора группы в социальной сети, одобрявшего размещение ложной информации, связанной с преодолением пандемии Covid-19, были квалифицированы по ст. 207¹ УК РФ. При этом сам администратор ссылался на то, что воспринимал информацию (новость, направленную на рассмотрение участником группы) как верную, не предполагал, что она может быть «фейковой», и его вина заключается лишь в том, что он не убедился в достоверности источника¹.

С другой стороны, именно такое объяснение ситуации выступает распространенной тактикой защиты от ответственности. Понятно, что закрывать на это глаза правоохранительная система не может. В результате, это породило практику уголовного преследования, при которой такие оправдания со стороны лица о субъективной неосведомленности относительно лживости распространенной информации воспринимаются и оцениваются лишь как попытка уклониться от ответственности.

Полагаем, что решение обозначенной проблемы зависит от множества обстоятельств. Прежде всего необходимо учитывать направленность дезинформации. Если она затрагивает события или факты, которые уже получили свою оценку и широкое освещение в официальных источниках, говорить об отсутствии заведомости в действиях распространителя нельзя. Это было бы равносильно тому, если бы виновный по документам узнал о несовершеннолетии потерпевшего, однако, принимая во внимание внешние данные ребенка (его развитость, манеру одеваться и др.), «не поверил» бы документам. Гротескное сравнение, но в целом применимое. Кроме того, ключевое значение имеет фактор времени. Если неверные данные уже достаточно давно являются предметом общественного обсуждения и получили свою оценку именно как ложные, виновный, оправдывая себя доверчивостью, пытается лишь создать такое же ложное преставление о своей невинности.

---

¹ Приговор Кунцевского районного суда г. Москвы от 21.01.2021 г. по делу № 01-0037/2021(01-0438/2020).

Важным условием привлечения лица к уголовной ответственности за преступный обман, совершаемый в форме распространения тех или иных материалов, является то, чтобы эти сведения передавались другому лицу именно как правдивые. Таким образом, сама физическая передача данных не имеет определяющего значения для наступления уголовной ответственности – необходим соответствующий контекст. Оговорка об этом напрямую содержится в диспозициях ст. 207¹ – 207³ УК РФ, где используется конструкция «под видом достоверных сообщений». Полагаем, что данное условие является универсальным для всех преступлений, содержанием которых выступает обман. Так, например, передача клеветнических сведений другим лицам с той целью, чтобы сообщить, что эти данные не соответствуют действительности, не позволяет говорить о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 128¹ УК РФ. Ложь, распространяемая и маркируемая как ложь, не образует содержание обманного преступления.

Здесь надо затронуть хотя и весьма узкую, но все же важную проблему квалификации действий, связанных с публичным распространением неприкрытой лжи в ходе творческого выступления (скетча и т.п.). Открытая симуляция комедианта не может выступать поводом к уголовному преследованию за обманное преступление по уже названным выше обстоятельствам – актер в своей попытке представить симулируемое за правду не скрывает «крючка», вследствие чего не происходит деструктивного воздействия на мировоззрение публики.

Здесь важно сделать оговорку, что вопрос о непризнании такого поведения дискредитирующим по смыслу ст. 280³ УК РФ находится в другой плоскости. Надо признать, что в отечественной науке проблема соотношения юмора, в т.ч. так называемого «провокативного», с уголовной репрессией практически не разработана. Общим местом считается, что сам по себе жанр сатиры не исключает возможной ответственности лица за дискредитацию, осквернение и т.п. Иными словами, творчество должно соответствовать общей нравственности и правовым требованиям. Таким образом, пожалуй, следует

утвердительно ответить на вопрос относительно возможной ответственности за дискредитацию по ст. 280³ УК РФ в случае распространения нескрываемой лжи о Вооруженных Силах Российской Федерации.

По справедливому мнению Р.А. Сабитова, содержание криминального обмана может также заключаться в подаче истинного знания как ложного¹. С точки зрения своего вредоносного воздействия и социальных последствий подобного рода обман мало чем уступает распространению заведомо ложных сведений. В отечественном уголовном законодательстве наиболее рельефно данный вид обмана выражен в диспозиции ч. 1 ст. 354¹ УК РФ в части отрицания фактов, установленных приговором Международного военного трибунала. В период пандемии Covid-19 совершение обманных преступлений путем опровержения истинного знания довольно часто заключалось в самом отрицании факта мировой эпидемии и существования опасного вируса.

Применительно к ст. 207¹ УК РФ в литературе подчеркивается, что возможность привлечения к уголовной ответственности есть только в тех случаях, когда лицо высказывается о конкретных фактах (обстоятельствах и принимаемых мерах). Соответственно, публичное высказывание оценочных суждений, хотя бы и ложных, не может признаваться преступлением². Мысль эта абсолютно верная и в доктрине уголовного права общепринятая. Однако здесь следует сделать важную оговорку. Оценочные суждения в своей совокупности и логике изложения могут выступать завуалированной формой открытой дезинформации. Так, например, когда лицо выстраивает свое суждение по типичной модели субъективной точки зрения, то есть сопровождая утверждение конструкциями-прокладками: «я полагаю», «на мой взгляд» и т.п., дальше уже могут быть суждения о конкретных фактах: необходимые средства из бюджета не были выделены, внешняя угроза отсутствовала и т.п. Безусловно, нельзя за-

---

¹ Сабитов Р.А. Криминальные обманы и фальсификации: монография. М., 2019. С. 43.

² Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. Доступ: СПС «КонсультантПлюс».

претить человеку иметь собственное отношение к окружающей действительности, природой мы наделены свободным сознанием. Вместе с тем такая оговорка контекстно означает, что у лица есть конкретные данные, позволяющие ему иметь подобное видение. Иными словами: «я полагаю, что это не так, поскольку имею данные, позволяющие мне так думать». Достижимый в результате вредоносный эффект мало чем уступает классической лживой пропаганде.

В решении этой очень сложной проблемы, на наш взгляд, необходимо исходить из ограничительного понимания «оценочных суждений». Лицо имеет право поддерживать либо не поддерживать то или иное решение, положительно либо отрицательно относиться к конкретным событиям. Открытое объявление своего субъективного отношения не образует признаки обманного преступления ни при каких обстоятельствах. В то же время высказывание субъективной позиции, имманентно предполагающей наличие в ее основании конкретных данных, уже не является оценочным суждением в чистом виде и может служить поводом для уголовного преследования.

Признак публичности весьма хорошо разработан в теории уголовного права и нашел свое освещение в позициях Пленума Верховного Суда РФ¹. Имеющиеся дискуссии о том, насколько многочисленной должна быть аудитория при распространении недостоверных сведений, как известно, пестрят мнениями специалистов. В судебной-следственной практике по ст. 207³ УК РФ публичность была признана в выступлении перед четырьмя слушателями: «В., отбывающий наказание в Федеральном казенном учреждении «Исправительная колония № 5 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Пензенской области»... 18 июля 2022 года в период времени с 10 до 14 часов,

---

¹ Определение указанного признака можно найти в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и др.

находясь в административном корпусе указанного Учреждения, действуя умышленно, противоправно, публично, до проведения дисциплинарной комиссии, распространил среди осужденных исправительной колонии Ч., М., В. и П., под видом достоверных сообщений, заведомо ложную информацию, полученную им из неустановленных следствием средств массовой информации и иных источников»¹.

Отдельно следует указать на весьма неудачное решение в части определения основания ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации (ст. 207² УК РФ) по модели состава преступления с материальной конструкцией. Криминообразующий признак последствий в виде причинения вреда здоровью человека даже при первоначальном и поверхностном прочтении вызывает вопросы с точки зрения возможности установления и доказывания требуемой причинно-следственной связи. Ведь в исследуемой статье прямо говорится о причинении вреда здоровью человека путем распространения недостоверных сведений. Практика не знает таких примеров по делам о преступлениях, предусмотренных главой 16 УК РФ. На «мертворожденность» конструкции указывает и то, что ст. 207² УК РФ до настоящего времени не находит своего применения. Возьмем на себя смелость сделать прогноз – и не найдет в действующей редакции. Поэтому применительно к преступлению, предусмотренному ст. 207² УК РФ, говорить о проблемах и особенностях квалификации можно лишь весьма умозрительно, не имея на то эмпирических данных и неминуемо впадая в весьма абстрактное размышление о предмете.

З.М. Сизо в своей работе обосновывает необходимость изменить диспозицию ст. 207² УК РФ, изложив ее с использованием административной преюдиции². Поддерживая решение автора в целом, представляется не совсем оптимальной предлагаемая модель закрепления административной преюдиции:

---

¹ Приговор Первомайского районного суда г. Пензы от 17.10.2022 г. по делу № 1-339/2022.

² Сизо З.М. Уголовно-правовое регулирование в условиях пандемии: проблемы теории и практики: дис. ...канд.юрид.наук. Краснодар, 2023. С. 18.

«лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года».

В правоприменительной практике по делам об исследуемых преступлениях возникают сложности с вменением квалифицирующего признака «с использованием своего служебного положения». Так, по делу в отношении преподавателя, который на уроке перед учениками распространила недостоверные сведения о Вооруженных Силах Российской Федерации, суд отмечает: «действия Г. ошибочно квалифицированы органом предварительного следствия как совершенные лицом с использованием своего служебного положения. По смыслу закона к лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ. Органом предварительного следствия в предъявленном обвинении не изложено, какие служебные полномочия использованы Г. при совершении преступления; в судебном заседании также не установлено, что Г. при совершении вышеописанных действий действовала как лицо, подпадающее под признаки, предусмотренные примечанием 1 к ст. 285 УК РФ либо примечанием 1 к ст. 201 УК РФ, и использовала свои служебные полномочия. При таких обстоятельствах, суд полагает необходимым исключить из обвинения Г. квалифицирующий признак «с использованием своего служебного положения», поскольку он не нашел своего объективного подтверждения в ходе судебного разбирательства»¹.

В приведенном выше решении суд руководствуется традиционным пониманием данной категории лиц в соответствии с п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по де-

---

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 03.08.2022 г. по делу № 1-184/2022.

лам о мошенничестве, присвоении и растрате». Вместе с тем, по другой категории дел Пленум Верховного Суда РФ демонстрирует более широкое толкование. Так, разъясняя положения п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ, Пленум указывает, что такими субъектами являются не только должностные лица, но и другие, выполнение трудовых функций которых связано с работой с наркотическими средствами или психотропными веществами, а также растениями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества, либо их частями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества. Например, при изготовлении лекарственных препаратов таким лицом может являться провизор, лаборант, при отпуске и применении – работник аптеки, врач, медицинская сестра, при их охране – охранник, экспедитор¹.

В отечественной доктрине уголовного права высказываются предложения о переосмыслении подхода законодателя к определению круга лиц, использующих свое служебное положение для совершения преступных действий². Н.А. Лопашенко критически оценивает курс на включение в данную группу лиц наёмных работников организаций, не наделённых организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, отмечая, что нельзя расширять до бесконечности круг лиц, которые используют своё служебное положение³.

Из этих же соображений П.С. Яни специально указывает, что возложенная на лицо обязанность производить перемещение имущества чисто технически (водитель-экспедитор-инкассатор, водитель бетономешалки, продавец) не означает наличия у него полномочий по распоряжению, управлению имуществом⁴.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «Консультант-Плюс».

² Егорова Н. А. Ответственность за «служебные» мошенничества: необходимость новых подходов // Российская юстиция. 2014. № 8. С. 20.

³ Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М., 2012. С. 502.

⁴ Яни П.С. Использование служебного положения при хищении вверенного имущества // Законность. 2010. № 3. С. 18.

По делам об обманных преступлениях решение данного вопроса имеет весьма сложный и неоднозначный характер. С одной стороны, довольно сложно усмотреть целесообразность вменения данного признака, когда лживую пропаганду допускает, например, кассир магазина в разговоре с покупателями или таксист при выполнении заказа. Здесь сопряженность с выполняемой трудовой функцией не оказывает значимого влияния на степень общественной опасности криминального обмана. С другой стороны, в отдельных случаях работник IT-компании, используя свои служебные возможности, может осуществить массовый сбой в сетевом пространстве с размещением вредоносного контента на большую аудиторию. Преподаватель, злоупотребляя своим положением, также может весьма эффективно заниматься распространением ложных сведений в среде обучающихся. Таким образом, полагаем, что данный квалифицирующий признак по делам об обманных преступлениях не может быть сведен лишь к категории субъектов по смыслу примечаний к ст. 201 УК РФ и ст. 285 УК РФ и должен иметь расширительное толкование в зависимости от иных обстоятельств.

В судебно-следственной практике весьма неоднозначно решается вопрос о квалификации исследуемых преступлений при наличии признаков множественности. Преобладающим в целом является подход, при котором неоднократное распространение лицом недостоверных сведений (публикации материалов в социальной сети, комментарии и т.п.) признается продолжаемым посягательством. Согласимся, что зачастую это соответствует положениям закона и общей теории квалификации преступлений. Вместе с тем, полагаем, что такой квалификационный алгоритм не является абсолютным и может предполагать исключения. В отдельных случаях, когда распространение недостоверных сведений объективно было осуществлено со значительным разрывом во времени (например, в несколько дней) и содержательно затрагивало принципиально разные события, факты, процессы, содеянное правильно оценивать

как реальную совокупность преступлений. Данный подход находит свою поддержку и на уровне правоприменения¹.

По этой причине представляется уязвимой позиция органов предварительного расследования по делу о размещении материалов, содержащих заведомо ложную негативную информацию о Вооруженных Силах Российской Федерации, от 18.03.2022 г., 26.03.2022 г., 04.04.2022 г., 10.04.2022 г., 11.04.2022 г., 11.04.2022 г., 20.06.2022 г. Следствие посчитало, что деяние виновного соответствует признакам единого продолжаемого преступления. Как следует из решения суда, указанные эпизоды распространения недостоверных данных были не только обращены к оценке разных событий и значительно отдалены друг от друга во времени, но и осуществлены принципиально разными способами. Так, в эпизодах от 10.04.2022 г. и 11.04.2022 г. виновный реализовал умысел на криминальный обман не посредством размещения материалов в сети «Интернет», а путем аудио трансляции, доступной к прослушиванию неограниченному кругу лиц на радиочастоте 91.7 МГц, используя ранее приобретенное и установленное радиооборудование и компьютерную технику, позволяющие получить доступ к радиочастотному спектру².

Распространение недостоверных сведений при совершении обманного преступления возможно посредством оставления надписей и изображений в общественных местах на зданиях и сооружениях. При наличии на то оснований содеянное в таком случае образует совокупность обманного преступления и вандализма (ст. 214 УК РФ). Следует отметить, что на уровне правоприменения возникает вопрос об обоснованности вменения группового способа совершения преступления, когда надписи непосредственно наносил один из участников группы. Так, М. и Р. были осуждены по п. «д» ч. 2 ст. 207³ УК (в ред. ФЗ от 04 марта 2022 года № 32-ФЗ), ч. 2 ст. 214 УК РФ. Суд, не соглашаясь

---

¹ Приговор Басманного районного суда г. Москвы от 06.02.2023 г. по делу № 01-0001/2023.

² Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 22.12.2022 г. по делу № 1-1375/2022.

с доводами защиты, специально указал: «...с учетом того, что надписи и трафаретные изображения М. и Р. наносили совместно, при этом краску для нанесения надписей и изображений приобрел М., он же на автомобиле Р. доставлял их к местам противоправных действий, где, в том числе следил за появлением посторонних лиц, чтобы предупредить Р. об опасности, суд первой инстанции правильно усмотрел в действиях осужденных признак совершения преступления группой лиц»¹.

Как представляется, в приведенном выше решении суда правильно выявлена сама суть группового способа при совершении любого обманного преступления, в т.ч. совершаемого посредством нанесения надписей, «принтов», расклеивания листовок и т.п. Во всех этих случаях выполнение объективной стороны криминального обмана не должно сводиться исключительно к завершающей функции по размещению недостоверного материала. Обман в этом плане выступает сложным и многоэтапным деянием, складывающимся из изготовления, перемещения, обеспечения безопасности при выполнении надписи, раздаче листовок и т.п. Соответственно, лицо, по предварительной договоренности выполняющее такие деяния, выступает не пособником, а соисполнителем.

При направленности действий в отношении конкретного человека закономерно возникает вопрос о конкуренции ст. 207³ УК РФ с клеветой (ст. 128¹ УК РФ). В правоприменительной практике иногда это становится предметом спора. Так, по одному из дел осужденный, изготовивший и расклеивший листовки рядом с местом жительства лица, принимающего участие в специальной военной операции, ссылаясь на то, что никаких сведений, компрометирующих сотрудников Вооруженных Сил Российской Федерации, он не распространял, а выразил свое мнение о конкретном человеке, к которому имел личную неприязнь, что может расцениваться как личное оскорбление или клевета, но не дискредитация Вооруженных Сил Российской Федерации в целом. Суд,

---

¹ Апелляционное определение Тверского областного суда от 24.05.2023 г. по делу № 22-1200/2023.

справедливо отвергая эти доводы, указал, что об умысле на публичное распространение заведомо ложной информации, содержащей данные именно об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, свидетельствует утверждение в листовках о том, что ФИО является военным преступником и убийцей детей, то есть совершает преступления в процессе военных действий, которые проводятся Вооруженными Силами РФ. Также виновный использовал на листовках символы «Z» и «V», которые хотя и не являются официальными символами Вооруженных Сил РФ, однако наносятся на военную технику Министерства обороны РФ, задействованную в специальной военной операции¹.

Как представляется, клевета (ст. 128¹ УК РФ) и ст. 207³ УК РФ не соотносятся между собой как конкурирующие нормы. Соответственно, в случае распространения заведомо недостоверных порочащих сведений о физическом лице, которое сопряжено с обманом относительно деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, содеянное при наличии на то оснований образует идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст. 128¹ УК РФ и ст. 207³ УК РФ.

Весьма важным является разрешение вопроса об отграничении преступлений, предусмотренных ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ. Во многом данные деяния являются схожими, поскольку так или иначе направлены на подрыв авторитета Вооруженных Сил Российской Федерации. Вместе с тем, объективная сторона в ст. 207³ заключается в распространении именно недостоверных сведений, которые по направленности своей могут быть – а в действительности таковыми всегда и являются – дискредитирующими. В ст. 280³ УК РФ говорится исключительно о действиях по дискредитации. Здесь возникают вполне закономерные вопросы: могут ли сведения по смыслу ст. 280³ УК РФ быть заведомо ложными? если дискредитация сопряжена с об-

---

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 17.01.2023 г. по делу № 22-18/2023(22-4054/2022).

манным поведением, содеянное требует оценки по ст. 207³ УК РФ? в последнем случае необходимо руководствоваться правилом преодоления конкуренции между общей и специальной нормами либо требуется применять соответствующие нормы по совокупности?

А.И. Рарог в комментарии к ст. 280³ УК РФ пишет, что объективная сторона заключается в совершении действий, направленных на дискредитацию. При этом такие действия могут означать, например, голословное отрицание оснований для проведения специальной военной операции за пределами территории России; намеренное искажение ее действительных целей либо методов осуществления; ложные измышления о применении запрещенных средств и способов ведения наступательных действий¹.

П.В. Агапов в комментарии к ст. 207³ УК РФ также отмечает, что дискредитация Вооруженных Сил Российской Федерации, ответственность за которую установлена в ст. 280³ УК РФ, может осуществляться, в том числе посредством публичного распространения заведомо ложной информации об их деятельности. При этом автор специально подчеркивает, что данные составы преступлений не соотносятся как общая и специальная норма².

Имеющаяся практика по ст. 280³ УК РФ в целом основывается на вменении распространения аудио или видео материалов, а равно иной информации, направленной на формирование негативного отношения к действиям Вооруженных Сил Российской Федерации, органам государственной власти и т.п.³ В решениях судов, как правило, подчеркивается, что в конкретных данных содержится совокупность психологических и лингвистических признаков убеждения адресата в негативном характере использования Вооруженных Сил Рос-

---

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. – 14-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 787.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX – XII) / под науч. ред. К.В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М., 2023. С. 56.

³ Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 07.09.2023 г. по делу № 22-1910/2023.

сийской Федерации, то есть в его дискредитации, а также совокупность психологических и лингвистических признаков побуждения (в том числе в форме призыва) к противодействию функционирования Вооруженных Сил Российской Федерации, действующих в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности¹. В отдельных случаях под дискредитацией признавалась деятельность лица по простановке реакций на конкретные материалы в сети «Интернет» (отметки «класс», «грусть», «удивление»)².

Вместе с тем, можно обнаружить примеры судебного толкования конструктивных признаков ст. 280³ УК РФ, где напрямую указывается возможность распространения ложной информации как способ дискредитации: «Квалифицируя действия Е. как публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, совершенные лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года, суд исходит из того, что под такими публичными действиями следует понимать публичное распространение ложных, неточных, искаженных сведений, умаляющих авторитет и подрыв доверия использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности»³.

Полагаем, что при разграничении преступлений, предусмотренных ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ, следует, прежде всего, исходить из того, что в первом обязательным признаком является заведомость. И в этом отношении использование недостоверных данных при дискредитации вполне возможно при условии отсутствия неоспоримой осведомленности виновного о ложности

---

¹ Приговор Приморского районного суда г. Новороссийска от 23.03.2023 г. по делу № 1-131/2023.

² Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 18.07.2023 г. по делу № 1-177/2023.

³ Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 31.03.2023 г. по делу № 1-911/2022.

конкретной информации. Иными словами, деяние, описанное в ст. 207³ УК РФ, является полноценным обманом – лицо понимает, что распространяет неправдивые сведения и желает этого в целях формирования ложных убеждений у других лиц. В то же время дискредитация по смыслу ст. 280³ УК РФ – это не обман в строгом смысле, а негативные оценки с возможным использованием ложных сведений, в достоверности которых сам виновный либо убежден, либо находится в неведении об этом. Соответственно, вполне допустима ситуация применения ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ в идеальной совокупности. Понятно, что это является реализуемым лишь в случае соблюдения условия о повторности в ст. 280³ УК РФ. В остальных же случаях возможно применение ст. 207³ УК РФ и ст. 20.3.3 КоАП РФ.

Обманные преступления, равно как и любые другие посягательства, связанные с передачей информации, обладают качеством экстерриториальности и, соответственно, трансграничности. Современные средства коммуникации – прежде всего сеть «Интернет» – позволяют распространять информацию на территории России из любой точки мира. В практической плоскости это ставит проблему привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших соответствующие посягательства, находясь в другой юрисдикции. В силу положений ст. 12 УК РФ такая реализация уголовной репрессии является возможной. При этом отечественное уголовно-процессуальное законодательство позволяет вынести обвинительный приговор в отношении установленного лица и в том случае, когда оно продолжает находиться на территории другого государства.

Современная практика по ст. 207³ УК РФ демонстрирует примеры подобных решений. Так, З., находясь на территории Королевства Нидерландов, используя технические устройства с доступом к сети «Интернет», по мотивам политической ненависти и вражды, в целях формирования в обществе негативного отношения к вооруженным силам Российской Федерации и органам государственной власти, включая Президента Российской Федерации...ис-

пользуя свою персональную страницу в социальной сети «В Контакте», ...являющейся открытой для просмотра всеми пользователями сети «Интернет», неоднократно размещал на ней, тем самым публично распространил, под видом достоверных сообщений заведомо ложную информацию...»¹. Суд признал З. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 207³ УК (в редакции Федерального закона № 63-ФЗ от 25.03.2022), и назначил ему наказание в виде пяти лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима с лишением права заниматься деятельностью, связанной с размещением любой информации и материалов в сети «Интернет», на срок три года. Срок отбытия наказания в виде лишения свободы суд постановил исчислять с даты фактического пересечения З. Государственной границы Российской Федерации в случае его экстрадиции, депортации, либо с момента его задержания на территории Российской Федерации.

В отдельных случаях по таким делам сторона защиты ставит вопрос о грубом нарушении уголовно-процессуального законодательства, поскольку обвиняемому не было вручено обвинительное заключение. Данная позиция представляется весьма дискуссионной. Так, по одному из дел суд совершенно обоснованно отмечает: «В соответствии с п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ», в каждом конкретном случае необходимо выяснять, по каким причинам обвиняемому не вручена копия обвинительного заключения. Согласно ч. 4 ст. 222 УПК РФ если обвиняемый отказался от получения копии обвинительного заключения, либо не явился по вызову или иным образом уклонился от получения копии обвинительного заключения, то прокурор направляет уголовное дело в суд с указанием причин, по которым копия обвинительного заключения не была вручена обвиняемому. Как следует из представленных материалов уголовного дела, вручить копию обвинительного заключения обвиняемому... не представилось возможным, поскольку он

---

¹ Приговор Свердловского районного суда г. Костромы от 22.06.2023 г. по делу № 1-284/2023.

скрылся от предварительного следствия за пределами Российской Федерации и объявлен в международный розыск. При этом Первый заместитель Генерального прокурора Российской Федерации ходатайствовал о проведении судебного разбирательства в порядке ч. 5 ст. 247 УПК РФ в отсутствие подсудимого, находящегося за пределами..., в связи с тем, что обеспечить участие... не представляется возможным»¹.

Полагаем, что действующая редакция ст. 222 УПК РФ не создает каких-либо существенных проблем для осуществления заочного судебного разбирательства в отношении лиц, находящихся в розыске, в том числе на территории другого государства. Вместе с тем заслуживает внимания установленное законом в ч. 5 ст. 247 УПК РФ ограничение на возможность проведения разбирательства без участия подсудимого только по тяжким или особо тяжким преступлениям. С учетом категории отдельных обманных преступлений это может препятствовать рассмотрению дела по существу и принятию итогового решения в отношении таких лиц. Вместе с тем в условиях цифровизации такие лица могут эффективно заниматься распространением вредоносной информации из любой точки мира. На эту проблему уже было обращено внимание в отечественной науке². Соответственно, полагаем необходимым предложить внести изменения в ч. 5 ст. 247 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции: *«В исключительных случаях судебное разбирательство может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу»*. Надо отметить, что у опрошенных респондентов

---

¹ Приговор Басманного районного суда г. Москвы от 27.01.2023 г. по делу № 01-0154/2023(01-0652/2022).

² См., например: Желтобрюхов С.П. Продолжение реформирования уголовного судопроизводства – необходимый шаг к быстрому рассмотрению дел // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 44 – 47; Прошляков А., Пушкарев А. Заочное судебное разбирательство и обратная сила уголовного закона // Уголовное право. 2007. № 3. С. 128 и др.

данная инициатива вызвала неоднозначную реакцию – только 43% поддержали инициативу; 29% – высказались категорически против, пояснив тем, что это нарушает гарантии права на защиту от уголовного преследования; 25% – предложили далее детализировать соответствующую категорию дел дополнительным указанием на преступления, совершаемые исключительно информационно-коммуникационным способом, либо указанием на конкретные статьи УК РФ; примерно 3% опрошенных воздержались от ответа.

Далее обращаясь к проблематике совершенствования действующего законодательства за обманные преступления, прежде всего, следует указать на очевидный просчет, допущенный при дифференциации ответственности за преступления, предусмотренные ст. 207¹ УК РФ, ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ. В соответствующих статьях не учтено их совершение с использованием средств современной коммуникации: информационно-телекоммуникационные сети и сеть «Интернет». Нет упоминания также и об использовании средств массовой информации. В то же время проведенное исследование, а также данные других авторов¹, со всей очевидностью свидетельствуют о широком использовании информационно-коммуникационных технологий для распространения дезинформации и дискредитирующих сведений. Пожалуй, отсутствует необходимость отдельного пространного доказывания, что применительно к «словесным преступлениям» использование таких технологий существенно влияет на общественную опасность деяния, хотя бы по причине принципиального увеличения охвата аудитории. С учетом изложенного полагаем возможным предложить в порядке *de lege ferenda* дополнить ст. 207¹ УК РФ, ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ квалифицирующим признаком в редакции: «в средствах массовой информации или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Указанное предложение поддержали 84% опрошенных респондентов.

---

¹ По данным А.В. Бриллиантова количество таких преступлений по ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ достигает 80% от общего объема / Бриллиантов А. В. Об ответственности за распространение заведомо ложной информации и дискредитацию использования Вооруженных Сил: сопоставительный анализ // Российское правосудие. 2023. № 10. С. 85.

Как уже отмечалось ранее, ст. 207² УК РФ изложена с нарушением критериев криминализации и в действующей редакции обречена на правоприменительное забвение. По этой причине представляется необходимым ее изложить в следующей редакции: *«Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, если это деяние совершено неоднократно»*. В структуре ст. 207² УК РФ предусмотреть примечание: *«Публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, совершенным лицом неоднократно, признается распространение, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней»*. Данное предложение нашло свою поддержку у 73% опрошенных респондентов.

По делам о криминальных подлогах и фальсификациях главным, а также наиболее проблемным остается вопрос об определении признаков предмета криминального обмана. Изложение многолетней и непрекращающейся теоретической дискуссии относительно понимания официального документа, подложного документа, важного личного документа заняло бы многие страницы настоящего исследования и, надо признать, вряд ли привело бы к ее успешному разрешению. Видимо, указанная проблематика такова, что нет и не может быть единственно верного решения, а есть лишь множество критериев, конкуренция и соотношение которых в зависимости от тех или иных факторов определяет основные тренды на уровне правоприменения в конкретный период времени. По этой причине полагаем возможным остановиться лишь на тех проблемах квалификации, которые, на наш взгляд, имеют наиболее актуальный характер для практики.

Известно, что в период пандемии Covid-19 правоохранительные органы столкнулись с фактами изготовления и использования фиктивных сертифика-

тов о вакцинации, которые оказались востребованным товаром среди лиц, поддавшихся дезинформации об опасности прививания от коронавирусной инфекции. К сожалению, нельзя сказать о том, что правоприменительная практика сложилась единообразно в этой части. Так, по одному из дел суд указывает: «Вместе с тем, орган дознания, описывая в обвинительном акте преступное деяние, в нарушение ст. 73 УПК РФ применительно к диспозиции ч. 5 ст. 327 УК РФ надлежащим образом не установил цель, которую преследовал Н., предоставляя работодателю подложный документ о вакцинации от COVID-19, а именно, какое право он при этом получил или от каких обязанностей был освобожден. При этом не были учтены показания директора ООО «Диджитал Сервис» М. о том, что изданный им приказ об обязательной вакцинации носил рекомендательный характер и не служил безусловным основанием для отстранения работника от выполнения трудовой функции в случае уклонения от вакцинации... В связи с вышеизложенным, представленный Н. своему работодателю сертификат о вакцинации для профилактики новой коронавирусной инфекции COVID-19, не мог быть предметом преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ, поскольку сам по себе не предоставлял Н. никаких прав и не освобождал от каких-либо обязанностей»¹.

Вместе с тем, можно обнаружить множество решений, где соответствующий сертификат о вакцинации признавался надлежащим предметом криминального подлога². Более того, таким предметом признавались и фиктивные справки о медицинском отводе со следующей аргументацией: «Предъявленная Ю. по месту работы справка, обоснованно признана судом поддельным официальным документом, поскольку она была выполнена от имени врача (уполномоченного на то лица) и удостоверяла юридически значимый факт,

---

¹ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2022 г. по делу № 77-6237/2022.

² Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2023 г. по делу № 77-2371/2023.

способный повлечь юридические последствия в виде предоставления права на труд в особых условиях, а также получение заработной платы»¹.

Следует поддержать мнение В.В. Лавринова, согласно которому с учетом положений ст. 5 Федерального закона от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» сертификат о вакцинации является документом, устанавливающим факт, имеющий юридическое значение, предоставляющим соответствующие права (в том числе на осуществление трудовой деятельности, поездки, посещение определенных мест)². Кроме того, прав автор и в том, что под использованием поддельного документа следует понимать предоставление соответствующего QR-кода³. По поводу последнего вопроса высказывались самые разные суждения. Вместе с тем, думается, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 10 постановления от 17 декабря 2020 года № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 – 327 Уголовного кодекса Российской Федерации» поставил точку в этой дискуссии.

Аналогичная проблема с определением признаков предмета преступления имеет место по делам и о служебном подлоге (ст. 292 УК РФ)⁴. Хотя изучение правоприменительной практики показывает, что суды и органы предварительного расследования в целом строго руководствуются положением п. 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Применительно к служебному подлогу обман признается преступлением только при условии установления специальных мотивов виновного. Надо отметить, что в отдельных случаях правоприменителем допускаются

---

¹ Апелляционное постановление Камчатского краевого суда от 26.09.2023 г. по делу № 22-873/2023.

² Лавринов В. В. Проблемные вопросы квалификации изготовления и использования подложного сертификата о вакцинации от COVID-19 // Криминалисть. 2022. № 3. С. 18.

³ Там же. С. 21.

⁴ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2021 г. по делу № 77-514/2021.

ошибки в этой части. Так, Х. было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 ч. 3 ст. 159² УК РФ, ч. 3 ст. 159² УК РФ и ч. 1 ст. 292 УК РФ. Согласно материалам дела, Х. были внесены заведомо ложные сведения в проекты приказов командира воинской части и таблицы учета служебного времени в целях получения не полагающихся по закону выплат. Однако в прениях государственный обвинитель отказался от части обвинения Х. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 ч. 3 ст. 159² УК РФ, ч. 3 ст. 159² УК РФ, мотивировав свою позицию тем, что Х. выплаты были положены, но по иному основанию, чем указано в официальных документах. Иными словами, подсудимый внес недостоверные сведения в официальные документы, перепутав основания выплат, которые все же должны были быть осуществлены. Вместе с тем, несмотря на возражения защиты Х. был осужден по ч. 1 ст. 292 УК РФ. Суд апелляционной инстанции справедливо поставил вопрос о том, что служебный подлог вменялся в идеальной совокупности с мошенничеством. Отказавшись от обвинения в последнем, государственный обвинитель не изменил позицию относительно наличия корыстных побуждений в действиях Х. при служебном подлоге, что спорно. Не представлены дополнительные аргументы о наличии у Х. иных личных побуждений. На этом основании суд апелляционной инстанции справедливо отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства¹.

Следует обратить внимание на некоторые весьма дискуссионные решения законодателя, связанные с установлением ответственности за отдельные виды криминального обмана в форме фальсификации. Так, например, в ч. 4 ст. 303 УК РФ альтернативным криминообразующим признаком состава выступает «цель уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления». Здесь сразу возникает два вопроса: во-первых,

---

¹ Апелляционное определение 1 Восточного окружного военного суда от 20.07.2022 г. по делу № 22-114/2022.

неужели следует допустить и согласиться с мыслью, что фальсификация результатов оперативно-разыскных мероприятий в целях не привлечения к ответственности заведомого виновного не причиняет вреда интересам правосудия? во-вторых, как быть, когда, испытывая трудности в установлении доказательств причастности лица к совершенному преступлению законным способом, сотрудник проявляет особенное рвение и начинает фальсифицировать улики хотя бы и в отношении виновного?

Пожалуй, ответить на поставленные вопросы, сохранив убежденность в верности конструкции ч. 4 ст. 303 УК РФ, нельзя. Допустимо, конечно, ссылаться на то, что такие действия могут быть квалифицированы по общей норме об ответственности за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Однако половинчатость такого решения и его искусственность очевидна ввиду направленности таких посягательств именно на отношения в сфере осуществления правосудия.

По этой причине полагаем возможным предложить внести изменения в конструкцию ч. 4 ст. 303 УК РФ, изложив ее в следующей редакции, не предполагающей специального выделения цели фальсификации: *«Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий».*

В завершение данного параграфа сформулируем его основные выводы и предложения:

1) в случаях, когда распространение недостоверных сведений было осуществлено со значительным разрывом во времени (например, в несколько дней) и содержательно затрагивало разные события, факты, процессы, содеянное образует реальную совокупность преступлений;

2) уголовно-правовая норма о клевете (ст. 128¹ УК РФ) и ст. 207³ УК РФ не соотносятся между собой как конкурирующие. Соответственно, в случае распространения заведомо недостоверных порочащих сведений о физическом лице, которое сопряжено с обманом относительно деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, содеянное при наличии на то оснований

образует идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст. 128¹ УК РФ и ст. 207³ УК РФ;

3) дискредитация по смыслу ст. 280³ УК РФ представляет собой не обман в строгом смысле, а негативные оценки с возможным использованием ложных сведений, в достоверности которых сам виновный либо убежден, либо находится в неведении относительно их ложности. Соответственно, вполне допустима ситуация применения ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ в идеальной совокупности. Понятно, что это является реализуемым лишь в случае соблюдения условия о повторности в ст. 280³ УК РФ. В остальных же случаях возможно применение ст. 207³ УК РФ и ст. 20.3.3 КоАП РФ;

4) дополнить ст. 207¹ УК РФ, ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ квалифицирующим признаком в редакции: *«в средствах массовой информации или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»;*

5) представляется необходимым диспозицию ст. 207² УК РФ изложить в следующей редакции: *«Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, если это деяние совершено неоднократно».* К ст. 207² УК РФ предусмотреть примечание: *«Публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, совершенным лицом неоднократно, признается распространение, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней»;*

б) в целях устранения смысловой неопределенности и пробела уголовно-правовой охраны представляется необходимым внести изменения в конструкцию ч. 4 ст. 303 УК РФ, изложив ее в следующей редакции, не предполагающей специального выделения цели фальсификации: *«Фальсификация*

результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий»;

7) внести изменения в ч. 5 ст. 247 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции: *«В исключительных случаях судебное разбирательство может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу».*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение проведенного исследования традиционно приведем наиболее значимые выводы и положения. С этимологической точки зрения обман характеризуется выраженной негативной коннотацией, при которой он раскрывается как поведение запутывающее, манящее и уводящее человека от истины, имеющее связь с нечистой силой. При этом с психологической точки зрения обман как модель поведения человека характеризуется естественностью и коммуникативной функциональностью. Нельзя представить общество, свободное от индивидуальной и коллективной лжи. Этическое и философское понимание обмана характеризуется амбивалентностью, при которой определение итогового отношения к явлению возможно только лишь через познание той цели, ради которой человек решился на лживое поведение. В связи с этим следует сделать общий вывод, что обман как *modus operandi* нейтрален ровно до тех пор, пока мы не поставим его в систему этических координат и не сделаем вывод относительно его аксиологического содержания.

Критерий наличия истинного знания принципиально важен при установлении уголовно-правового запрета за распространение ложных сообщений и практики его реализации. Попытка государства установить наказание за распространение информации, верификация которой на достоверность будет иметь непреодолимые препятствия, чревата негативными последствиями. Подобная норма уголовного закона изначально будет противоречить принципу законности в части требования определенности правового предписания.

В условиях цифровизации и «информационных перегрузок», ежедневно испытываемых человеком XXI в., проблема уголовно-правового противодействия организованному и «глубокому» обману представляется очевидной. Современные информационные технологии позволяют, что называется, конструировать реальность, непрерывно воздействуя и меняя сознание людей, скрывая от них истинное содержание политических, социальных, экономических и иных процессов, навязывая между тем ложную картину мира. В действующем

российском уголовном законодательстве данные процессы усложнения обманных практик в условиях цифровизации пока не нашли своего отражения. Это позволяет сделать общий вывод о наличии предметной области для научного наблюдения и анализа с целью выработки конкретных практических мер противодействия.

В уголовно-правовом значении обман (преступный обман) представляет собой умышленное противоправное воздействие (активное либо пассивное) на психику другого человека, направленное на возникновение либо поддержание ложного знания относительно фактов, событий, явлений или иных обстоятельств, причиняющее вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям либо создающее угрозу причинения такого вреда. Преступный обман характеризуется следующими конститутивными признаками: а) обманом может признаваться только противоправное воздействие на психику другого человека независимо от формы (устно, письменно, посредством средств электронной связи и др.); б) адресатом может выступать только другой человек; в) направленность на возникновение либо поддержание у адресата ложного знания; г) обманное поведение должно характеризоваться причинением вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Помимо преступного обмана предлагается также выделять: *уголовно-охраняемый обман* – это осознанное воздействие (активное либо пассивное) на психику другого человека, направленное на возникновение либо поддержание ложного знания относительно фактов, событий, явлений или иных обстоятельств, санкционированное государством в целях обеспечения прав и законных интересов личности, общества или государства; *уголовно-нерелевантный обман* – это осознанное воздействие (активное либо пассивное) на психику другого человека, направленное на возникновение либо поддержание ложного знания относительно фактов, событий, явлений или иных обстоятельств, причиняющее вред объекту уголовно-правовой охраны, однако признаваемое государством допустимым при наличии предусмотренных законом оснований;

квазиобман (фикционный обман) – умышленное деяние, связанное с искажением информации в технологических системах (контроля потребления и др.), причиняющее вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям либо создающее угрозу причинения такого вреда.

Пределы преступного обмана – это ограничения, устанавливаемые на уровне действующего законодательства, вырабатываемые актами судебного толкования либо доктриной уголовного права, определяющие допустимость признания обмана способом совершения преступления либо самостоятельным преступлением. Пределы преступного обмана определяются факторами, имеющими разное происхождение и, соответственно, природу: а) пределом является правомерный и (или) социально допустимый характер самого обманного поведения (меры безопасности в отношении охраняемых законом лиц, оперативный эксперимент, предсказатели будущего, фокусники, склонение к интимной близости с обещанием жениться и т.п.); б) об обмане в уголовно-правовом значении нельзя говорить в том случае, когда распространяемая неправда имеет форму аллегории, иронии, шутки и т.п., то есть когда она выполняет не информационную, а коммуникативную функцию; в) пределы преступного обмана также определяются признаками адресата информации; г) пределы преступного обмана в значительной степени связаны с содержанием распространяемой информации (невозможность обмана в оценочных суждениях и т.п.); д) пределы преступного обмана как самостоятельного преступления определяются общими критериями криминализации деяния. Обман может быть признан самостоятельным преступлением при констатации его несомненной общественной опасности, относительной распространенности и не массовости, с условием процессуальной и криминалистической доказуемости обманного деяния и невозможности надлежащего противодействия иными мерами государственного принуждения.

В современных условиях следует констатировать последовательное расширение пределов преступного обмана. Данная тенденция проявляет себя не только наглядным увеличением в системе Особенной части УК РФ норм об

ответственности за распространение заведомо недостоверной информации, но также стремлением теории и практики придать обману значение способа совершения конкретного посягательства в более широком смысле.

Уголовно-правовое значение обмана в целом нельзя отождествлять с его значением как способа совершения преступления. В последнем качестве обман может выступать: а) криминообразующим признаком состава преступления; б) квалифицирующим признаком и в) обстоятельством, отягчающим наказание. Кроме того, обманное поведение в механизме реализации уголовной ответственности учитывается при применении отдельных норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания, а также выступает отменительным условием применения специальных правил назначения наказания в соответствии со ст. 63¹ УК РФ.

С юридико-технической точки зрения обман как способ совершения преступления выражен не единообразно. Условно можно выделить четыре модели: а) обман напрямую указывается в редакции нормы (непосредственно в диспозиции либо в отдельных случаях в примечании к статье Особенной части УК РФ); б) используются конструкции, содержательно соответствующие обманному способу посягательства (внесение / предоставление недостоверных сведений, заведомо ложное сообщение, подделка, фальсификация и т.п.); в) обманной способ напрямую не указывается в тексте статьи уголовного закона, однако признается на уровне судебного толкования; г) обманной способ совершения преступления поддержан на уровне доктрины уголовного права и правоприменения.

Систему обманых преступлений в структуре Особенной части УК РФ можно представить следующим образом: а) *преступления, совершаемые путем обмана*, в которых распространение ложной информации не является целью деяния, а выполняет исключительно инструментальную роль (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110¹ УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий,

представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151² УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ) и др.); б) *преступные обманы* – преступления, совершаемые путем обмана, основной целью которых является создание и (или) распространение недостоверной информации (публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), реабилитация нацизма (ст. 354¹ УК РФ) и др.); в) *преступные обманы и фальсификации* – преступления, не предполагающие в содержании объективной стороны воздействие на психику другого человека, однако основной целью которых также является создание и (или) распространение заведомо ложной либо искаженной информации (фальсификация избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования (ст. 142 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков (ст. 327 УК РФ) и др.

При передаче денежных средств под контролем правоохранительных органов в ходе осуществления специальных мероприятий, направленных на выявление и пресечение мошенничества, содеянное следует квалифицировать по соответствующей части ст. 159 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ. В ситуациях, когда виновный своими действиями нарушает порядок проведения оперативно-розыскного мероприятия и скрывается от правоохранительных органов с денежными средствами, содеянное содержит признаки оконченного преступления. При этом потерпевшим должен признаваться тот субъект, который предоставил денежные средства для проведения оперативно-розыскных мероприятий.

При соучастии в зависимости от разделения ролей обманное поведение может быть осуществлено как единолично, так и в отдельности каждым (разработчик / администратор сайта с ложной информацией о продаже товаров, равно как и лицо, непосредственно осуществляет переговоры с потерпевшими по телефону, является соисполнителем группового мошенничества).

Использование обманного способа, заведомо рассчитанного на действие в отношении нескольких лиц (как одномоментно, так и с разрывом во времени) свидетельствует в пользу квалификации содеянного как единичного сложного преступления при сочетании следующих условий: а) заведомой направленности обманного поведения на двух или более лиц; б) наступлении общих общественно опасных последствий, выразившихся в причинении вреда сразу нескольким лицам в результате единого обманного деяния виновного; в) наличии причинно-следственной связи между обманным поведением виновного и наступившими последствиями.

Использование обмана в конструкции склонения к совершению самоубийства (ст. 110¹ УК РФ) требует проведения отграничения данного преступления от убийства, совершаемого с помощью обмана потерпевшего. Полагаем, что решение данного вопроса должно быть определено законодателем явно и по возможности оперативно. Нельзя смириться с практикой квалификации подобного рода деяний по ст. 110¹ УК РФ, когда потерпевшими выступают дети, не имеющие необходимого жизненного опыта, слепо доверившиеся искусной лжи злоумышленников.

Преступный обман в цене возможен в следующих случаях: а) когда цена является фактом; б) когда цена контракта определена обманным способом в нарушение установленного законом порядка при осуществлении государственных закупок; в) когда ложное завышение цены товара сопряжено с обманом относительно признаков личности виновного (служебного положения, профессиональной принадлежности и т.п.); г) когда обман в цене сопряжен со злоупотреблением ограниченными распознавательными способностями потерпевшего, обусловленные возрастом, неопытностью, плохой информированностью и т.п.

Обман как способ завладения чужим имуществом при мошенничестве сохраняет свое уголовно-правовое значение ровно до тех пор, пока лицо в процессе осуществления посягательства не прибегнет к угрозам, составляющих содержание криминообразующих признаков, предусмотренных ст. 163 УК

РФ. При таких обстоятельствах нельзя утверждать о перерастании мошенничества в вымогательство ввиду разной природы данных деяний. Полагаем, что здесь имеет место добровольный отказ виновного от доведения мошенничества до конца с одновременным предпочтением и реализацией нового посягательства на имущество потерпевшего – вымогательства.

Обман как преступление (криминальный обман) представляет собой умышленное общественно опасное деяние, совершаемое посредством распространения недостоверных сведений, главной целью которого является формирование и (или) поддержание ложного знания у конкретного человека либо неограниченного круга лиц относительно определенных фактов, событий, явлений, процессов и т.п.

Проведенное исследование позволило установить объективную зависимость значительного расширения криминализации обмана, от экстраординарных условий: военных конфликтов, эпидемий, революций и иных социально-политических потрясений. С учетом этого предлагается деление обманных преступлений на *ординарные (естественные)* и *экстраординарные*. Естественная криминализация обмана основывается на необходимости защиты прав и законных интересов личности, общества и государства от клеветы, ложных доносов, лжесвидетельства и документальных подлогов – она обеспечивает охрану непреходящих и неоспоримых ценностей. В свою очередь, экстраординарные криминальные обманы являются ответом на социальные потрясения (война, революция, пандемия и т.п.), значительно ограничивают свободу слова и самовыражения, весьма серьезно повышают риски уголовной репрессии, однако имеют, как правило, временный характер.

В современных условиях отечественное уголовное законодательство проходит этап экстраординарной криминализации обманного поведения, вызванный вначале обстановкой мировой эпидемии Covid-19, а позднее осложнением международной обстановки и усилением внутривнутриполитических противоречий. Признание этого факта дает как трезвое понимание вынужденности

и необходимости конкретных решений, так и вполне четкое представление о сопутствующих тому рисках, прежде всего на уровне правоприменения.

В свете процессов цифровизации и развития технологий искусственного интеллекта представляется перспективным выделение в системе дифференциации ответственности обманных преступлений квалифицирующего признака в следующей редакции: *«с использованием поддельных аудиовизуальных материалов, имитирующих биометрические данные другого человека».*

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства:

- дополнить ст. 207¹ УК РФ, ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ квалифицирующим признаком в редакции: *«в средствах массовой информации или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»;*

- изложить ст. 207² УК РФ в следующей редакции: *«Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, если это деяние совершено неоднократно».* В структуре ст. 207² УК РФ предусмотреть примечание: *«Публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, совершенным лицом неоднократно, признается распространение, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней»;*

- изложить ч. 4 ст. 303 УК РФ в следующей редакции: *«Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий»;*

- внести изменения в ч. 5 ст. 247 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции: *«В исключительных случаях судебное разбирательство может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это*

лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу».

И в качестве послесловия. Несмотря на полученные результаты, нельзя утверждать об исчерпанности заявленной темы. Автор весьма далек от этой мысли. Многоликий и внутренне сложный обман весьма трудно поддается отраслевому анализу и формализации, требует научной синергии, комбинирования методов познания и значительных эмпирических данных. В ходе подготовки настоящей рукописи решение изначально поставленных задач сопровождалось проявлением новых правовых проблем и парадоксов, связанных с феноменом обманного поведения. В результате, подведя некую общую черту – черту условную и, вне всяких сомнений, промежуточную – следует указать на перспективность дальнейшей научной разработки темы уголовно-правового значения обмана. Автору же остается уповать на то, что полученные и представленные результаты научного поиска подвигают вперед отечественную теорию уголовного права об обмане и будут полезны для практики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Международный пакт о гражданских и политических правах. (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, 1994.
3. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) (вместе с Положением о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств, утв. 24.09.1993) // Российская газета, № 120, 23.06.1995.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с послед. изм.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с послед. изм.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (с послед. изм.) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 г. № Пр-2976) // Российская газета, № 298, 30.12.2014 г.
8. Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

13. Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Руководство по соблюдению обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей (утв. Роспотребнадзором 10.11.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

17. Декрет СНК РСФСР от 28.10.1917 «О печати» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Декрет СНК РСФСР от 28.01.1918 «О Революционном Трибунале Печати» // СПС «КонсультантПлюс».

Материалы судебной практики

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2023.

20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «Консультант-Плюс».

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс».

25. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 10, 20167

26. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31.03.2004 № 166п2004пр // СПС «КонсультантПлюс».

27. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16.04.2003 № 161п2003пр // СПС «КонсультантПлюс».

28. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.05.2003 № 331п2003пр // СПС «КонсультантПлюс».

29. Определение Верховного Суда РФ от 09.03.2004 № 2н-43/04 // СПС «КонсультантПлюс».

30. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31.03.2004 № 183п2004пр // СПС «КонсультантПлюс».

31. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.04.2004 № 201п04пр // СПС «КонсультантПлюс».

32. Апелляционное постановление Камчатского краевого суда от 26.09.2023 г. по делу № 22-873/2023.
33. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 07.09.2023 г. по делу № 22-1910/2023.
34. Апелляционное определение Тверского областного суда от 24.05.2023 г. по делу № 22-1200/2023.
35. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 17.01.2023 г. по делу № 22-18/2023(22-4054/2022).
36. Апелляционное определение Первого Восточного окружного военного суда от 20.07.2022 г. по делу № 22-114/2022.
37. Апелляционное определение Первого Западного окружного военного суда от 09.02.2021 г. по делу № 22-9/2021.
38. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 08.11.2021 г. № 22-4213/2021.
39. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 28.05.2020 г. по делу № 1-296/2019, 22-733/2020.
40. Апелляционное постановление Ленинского районного суда г. Саратова от 10.07.2020 г. по делу № 10-9/2020.
41. Апелляционное определение Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 06.07.2020 г. по делу № 22-69/2020.
42. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2023 г. по делу № 77-1472/2023.
43. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.04.2022 г. по делу № 77-991/2022.
44. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2022 г. по делу № 77-1873/2022.
45. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2022 г. по делу № 77-2510/2022.
46. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2021 г. по делу № 77-514/2021.

47. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2021 г. по делу № 77-589/2021.
48. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.11.2021 г. по делу № 77-1846/2021.
49. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2022 г. по делу № 77-6237/2022.
50. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2023 г. по делу № 77-2371/2023.
51. Приговор Прикубанского районного суда города Краснодара от 24.10.2023 г. по делу № 1-1508/2023.
52. Приговор Ленинского районного суда города Краснодара от 20.03.2023 г. по делу № 1-35/2023.
53. Приговор Адлерского районного суда Краснодарского края от 09.12.2021 г. по делу № 1-817/2021.
54. Приговор Белореченского районного суда Краснодарского края от 24.05.2021 г. по делу № 1-1/2021.
55. Приговор Московского районного суда г. Нижнего Новгорода от 30.06.2023 г. по делу № 1-196/2023.
56. Приговор Приморского районного суда г. Новороссийска от 23.03.2023 г. по делу № 1-131/2023.
57. Приговор Советского районного суда города Воронежа от 15.08.2023 г. по делу № 1-405/2023.
58. Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 18.07.2023 г. по делу № 1-177/2023.
59. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 31.03.2023 г. по делу № 1-911/2022.
60. Приговор Свердловского районного суда г. Костромы от 22.06.2023 г. по делу № 1-284/2023.
61. Приговор Басманного районного суда г. Москвы от 27.01.2023 г. по делу № 01-0154/2023(01-0652/2022).

62. Приговор Басманного районного суда г. Москвы от 06.02.2023 г. по делу № 01-0001/2023.
63. Приговор Таганского районного суда города Москвы от 19.04.2023 г. по делу № 1-0029/2023.
64. Приговор Октябрьского районного суда города Саранска от 19.12.2022 г. по делу № 1-331/2022.
65. Приговор Бабушкинского районного суда города Москвы от 01.07.2022 г. по делу № 1-524/2022.
66. Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 22.12.2022 г. по делу № 1-1375/2022.
67. Приговор Троицкого районного суда города Москвы от 27.06.2022 г. по делу № 1-103/2022.
68. Приговор Смоленского областного суда от 19.07.2022 г. по делу № 2-19/2022.
69. Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 03.08.2022 г. по делу № 1-184/2022.
70. Приговор Первомайского районного суда г. Пензы от 17.10.2022 г. по делу № 1-339/2022.
71. Приговор Останкинского районного суда города Москвы от 21.09.2022 г. по делу № 1-600/2022.
72. Приговор Кунцевского районного суда г. Москвы от 21.01.2021 г. по делу № 01-0037/2021(01-0438/2020).
73. Приговор Пресненского районного суда города Москвы от 02.08.2021 г. по делу № 1-285/2021.
74. Приговор Кузьминского районного суда города Москвы от 25.11.2021 г. по делу № 1-644/2021.
75. Приговор Уваровского районного суда Тамбовской области от 29.07.2021 г. по делу № 1-87/2021.
76. Приговор Первомайского районного суда города Ижевска от 25.06.2021 г. по делу № 1-59/2021.

77. Приговор Пресненского районного суда города Москвы от 10.03.2021 г. по делу № 1-24/2021.
78. Приговор Неклиновского районного суда Ростовской области от 07.04.2021 г. № 1-17/2021(1-209/2020).
79. Приговор Красноглинского районного суда города Самары от 03.08.2021 г. по делу № 1-127/2021.
80. Приговор Малокарачаевского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 21.08.2020 г. № 1-7/2020(1-118/2019).
81. Приговор Сосновского районного суда Нижегородской области от 18.03.2020 г. по делу № 1-5/2020.
82. Приговор Павловского городского суда Нижегородской области от 16.12.2020 г. по делу № 1-222/2020.
83. Приговор Кузьминского районного суда города Москвы от 21.10.2019 г. по делу № 1-606/2019.
84. Приговор Клинского городского суда Московской области от 18.10.2013 г. по делу № 1-125/13.
85. Приговор Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области от 15.06.2012 г. по делу № 1-290.
86. Приговор Куйбышевского районного суда города Иркутска от 22.02.2011 г. по делу № 1-37/11.
87. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2022 г. по делу № 77-2773/2022.
88. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2022 г. по делу № 77-5808/2022.
89. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16.03.2021 г. № Ф06-1956/2021 по делу № А06-2983/2020.
90. Постановление Бахчисарайского районного суда Республики Крым от 23.04.2021 г. по делу № 1-100/2021.
91. Постановление президиума Московского городского суда от 22.05.2008 г. по делу № 44у-284/08.

Монографии, учебники и учебные пособия

92. Архипов А.В. Законодательство об уголовной ответственности за хищения в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Л.М. Прокументова. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 312 с.
93. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. – М.: Проспект, 2014. – 296 с.
94. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2001. – 237 с.
95. Бойко А.И. Преступное бездействие. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 320 с.
96. Большой толковый словарь русского языка. Институт лингвистических исследований Российской академии наук. – СПб.: Норинт, 2000. – 1535 с.
97. Букалерева Л.А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 354 с.
98. Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2004. Кн. 2.
99. Дремлюга Р.И. Уголовно-правовая охрана цифровой экономики и информационного общества от киберпреступных посягательств: доктрина, закон, правоприменение: монография. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 328 с.
100. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. – М.: Издательство РЭИ, 1994. – 117 с.
101. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. – 312 с.
102. Зеньковский В. В. Психология детства. – М.: ИЦ «Академия», 1996. – 346 с.
103. Знаков В. В. Психология понимания правды. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 1999. – 279 с.

104. Ильченко С.Н., Пучков Д.Ю. Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией. – СПб.: Питер, 2019. – 260 с.
105. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. 2. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. – 511 с.
106. Квалификация преступлений: учебное пособие / под ред. докт. юрид. наук, проф. К. В. Ображиева, докт. юрид. наук, проф. Н. И. Пикурова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 448 с.
107. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. – М.: Проспект, 2022. – 984 с.
108. Козаев Н.Ш. Современные технологии и проблемы уголовного права (анализ зарубежного и российского законодательства): монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 224 с.
109. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 2. Особенная часть (разделы VII – VIII) / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. – М.: Проспект, 2023. – 680 с.
110. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. – 14-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2023. – 1032 с.
111. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2016. – 1040 с.
112. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2010. – 1392 с.
113. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд. – М.: Юристъ, 2004. – 304 с.
114. Ложь: типы и средства выражения: монография / под науч. ред. канд. пед. наук Т.И. Леонтьевой; канд. филол. наук О.Н. Гнездечко; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2018. – 188 с.
115. Малышева Ю.Ю. Обман в уголовном праве России: монография. – Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2017. – 180 с.

116. Малышева Ю.Ю. Обман как способ совершения преступлений по уголовному праву России. – Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2011. – 170 с.
117. Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде // Соч. В 6 т. Т. 4. – СПб.: Редакция журнала «Русское богатство», 1897. – 1020 с.
118. Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Преступления против собственности: научно-практическое пособие. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 168 с.
119. Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 502 с.
120. О праве лгать / Российская акад. наук, Ин-т философии; под ред. Р.Г. Апресяна. – М.: РОССПЭН, 2011. – 390 с.
121. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: монография. – М.: Российская академия правосудия, 2009. – 288 с.
122. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 248 с.
123. Пудовочкин Ю.Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика: научно-практическое пособие. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. – 174 с.
124. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. – М.: Проспект, 2015. – 232 с.
125. Рускевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2022. – 351 с.
126. Сабитов Р.А. Криминальные обманы и фальсификации: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 472 с.
127. Сухаренко А.Н., Савченко М.М., Трунцевский Ю.В. Криминальные вызовы пандемии Covid-19 в России: научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2021. – 336 с.

128. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.К. Дуюнова. – 6-е изд. – М., 2019. – 780 с.

129. Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. д-р юрид. наук, проф. Н.Г. Кадникова. – М., 2018. – 836 с.

130. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. В II ч. – М.: Изд-во СГУ, 2006. – 656 с.

131. Хилюта В.В. Хищение: системный кризис института и проблемы квалификации: монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 424 с.

132. Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и средство дифференциации ответственности: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015 – 159 с.

133. Щербатых Ю.В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. – М.: Эксмо. – 2005. – 720 с.

134. Экман П. Психология лжи. 4-е изд.: Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2022. – 304 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

135. Адылханов М.Г. Уголовно-правовые гарантии свободы слова: дис. ...канд.юрид.наук: 12.00.08 / Адылханов Малик Гиябиевич. – Краснодар, 2019. – 203 с.

136. Гладышев Ю.А. Обман как способ совершения преступления в сфере торговли (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дисс. ...канд.юрид.наук: 12.00.08 / Гладышев Юрий Алексеевич. – Н. Новгород, 1993. – 20 с.

137. Гриневский Р.Г. Уголовно-правовая оценка обмана в сфере продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг: дис. ...канд.юрид.наук: 12.00.08 / Гриневский Роман Григорьевич. – М., 2010. – 208 с.

138. Дик А.О. Обман как средство манипуляции: социально-философский анализ: дис. ...канд. философских наук: 09.00.11 / Дик Анна Олеговна. – Пятигорск, 2011. 160 с.

139. Зейналов М.М. Проблемы обмана потребителей как преступления:

по материалам Республики Дагестан: дис. ...канд.юрид.наук: 12.00.08 / Зейналов Марат Магомедович. – Махачкала, 2003. – 177 с.

140. Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ...канд.юрид,наук: 12.00.08 / Южин Андрей Андреевич. – М., 2016. – 238 с.

141. Коломиец Е.А. Заблуждение и обман как условия недействительности сделок: дис. ...канд.юрид.наук: 12.00.03 / Коломиец Евгений Александрович. – Краснодар, 2005. – 179 с.

142. Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кунов Инвер Мурадинович. – Краснодар, 2017. – 208 с.

143. Кучко В.С. Семантико-мотивационное поле «ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров: автореф. дис. ...канд. филологических наук: 10.02.01 / Кучко Валерия Станиславовна. – Екатеринбург, 2017. – 26 с.

144. Маркина Е.Н. Феномен обмана: философско-этический анализ: дис. ...канд. философских наук: 09.00.05 / Маркина Елена Николаевна. – Саранск, 2004. – 191 с.

145. Овсяков Д.А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалификации: дис. ...канд.юрид.наук: 5.1.4 / Овсяков Дмитрий Алексеевич. – М., 2022. – 231 с.

146. Осокин Р. Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества: дис. ...канд.юрид.наук: 12.00.08 / Осокин Роман Борисович. – М., 2004. – 184 с.

147. Романов С.Ю. Обман как способ преступной деятельности: автореф. дис. ...канд.юрид.наук: 12.00.08 / Романов Сергей Юрьевич. – Харьков, 1998. – 18 с.

148. Рыбина Е.О. Уголовно-правовая защита чести, достоинства и ре-

путации: автореф. дис. ...канд.юрид.наук: 12.00.08 / Рыбина Евгения Олеговна. – М., 2009. – 25 с.

149. Салаев З.Р. Мошенничество, связанное с оказанием услуг оккультного и психологического характера (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Салаев Заур Ровшанович. – М., 2022. – 30 с.

150. Сизо З.М. Уголовно-правовое регулирование в условиях пандемии: проблемы теории и практики: дис. ...канд.юрид.наук: 5.1.4 / Сизо Заур Махмудович. – Краснодар, 2023. – 211 с.

151. Сургай С.А. Компаративный аспект уголовной ответственности за оскорбление судьи и клевету в отношении судьи: дис. ...канд.юрид.наук: 12.00.08 / Сургай Сергей Анатольевич. – Тамбов, 2009. – 273 с.

152. Тутуков А. Ю. Обман как способ совершения преступлений в сфере экономики: исторический, законодательный, теоретический и правоприменительный аспекты: автореф. дис. ...канд.юрид.наук: 12.00.08 / Тутуков Альберт Юрьевич. – Краснодар, 2008. – 218 с.

153. Филиппова С.В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ...канд.юрид.наук: 12.00.08 / Филиппова Светлана Валерьевна. – М., 2020. – 209 с.

154. Фомичева М.А. Угроза как способ совершения преступления: автореферат дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Фомичева Марина Александровна. – М., 2008. – 29 с.

Научные статьи

155. Алафьев К.М. Инсценировка смерти защищаемого лица как мера безопасности // Российский следователь. – 2019. – № 10. – С. 44 – 48.

156. Апресян Р. О праве лгать // Логос. – 2008. – № 5 (68). – С. 4 – 18.

157. Артемьева О. Об оправданности лжи из человеколюбия // Логос. – 2008. – № 5 (68). – С. 40 – 59.

158. Архипов А.В. Некоторые проблемы квалификации хищений, совершаемых в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 3. – С. 77 – 81.

159. Бертовская Н.Л. Тактическое дезинформирование как средство оперативно-розыскной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 2. – С. 253 – 258.

160. Биняминов Б.А. Обман как способ совершения преступления в уголовном праве России // Закон и право. – 2022. – № 5. – С. 116 – 119.

161. Борзенков Г.Н. Разграничение обмана и злоупотребления доверием // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 4 – 7.

162. Боровых Л.В., Корепанова Е.А. Направленность обмана в составе мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2016. – № 1 (31). – С. 98 – 104.

163. Борхсениус А.В. Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2021. – Т. 8. № 1. – С. 52 – 58.

164. Бохан А. Вопросы квалификации изнасилований (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 32 – 35.

165. Бриллиантов А.В. Об ответственности за распространение заведомо ложной информации и дискредитацию использования Вооруженных Сил: сопоставительный анализ // Российское правосудие. – 2023. – № 10. – С. 82 – 92.

166. Венидиктов С.В. Ложь vs самообман: факторы доверия к манипулятивному медиаконтенту // Научный компонент. – 2023. – № 1 (17). – С. 73 – 81.

167. Вешняков Д.Ю. Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни

и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ) // Законность. – 2021. – № 7. – С. 36 – 40.

168. Воеводкина К.М. Обман в составе незаконного получения кредита в УК РФ: функция и значение // Российский следователь. – 2020. – № 5. – С. 33 – 37.

169. Волков К.А. Преступления, связанные с противодействием распространению коронавирусной инфекции Covid-19: понятие, тенденции, проблемы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. – М., 2021. – С. 708 – 713.

170. Вольхин А.И., Демидов А.М. Борьба органов НКВД–НКГБ Урала и Сибири с антисоветской агитацией и пропагандой в годы Великой Отечественной войны // Военный комментатор: воен.-ист. альм. Екатеринбург, 2001. – № 1. – С. 19 – 46.

171. Гарбатович Д.А. Виды обманов при совершении преступлений против собственности // Мировой судья. – 2023. – № 3. – С. 24 – 27.

172. Гнездилов Г.В., Амелина А.А. Феномен самообмана – как иллюзия восприятия собственной реальности // Вестник Екатеринбургского института. – 2010. – № 1 (9). – С. 24 – 26.

173. Гордейчик С.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. – 2020. – № 6. – С. 72.

174. Гусейнов А.А. Что говорил Кант, или почему невозможна ложь во благо? // Логос. – 2008. – № 5 (68). – С. 103 – 121.

175. Долинская В.В., Шишко И.В. Обманные действия по ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 3 (76). – С. 128 – 129.

176. Дубровский Д.И. Склонность к самообману // NovaInfo.Ru. – 2011. – № 5. – С. 83 – 86.

177. Дубровский Д.И. Как быть с самообманом? Феномен «отрешенности от себя» // NovaInfo.Ru. – 2011. – № 4. – С. 111 – 114.
178. Дубровский Д.И. Проблема добродетельного обмана. Кант и современность // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 16 – 32.
179. Дубровский Д.И. К вопросу о добродетельном обмане // Логос. – 2008. – № 5 (68). – С. 19 – 22.
180. Егорова Н.А. Ответственность за «служебные» мошенничества: необходимость новых подходов // Российская юстиция. – 2014. – № 8. – С. 19 – 22.
181. Ефремова М.А., Шутова А.А., Никифорова А.А. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложных сведений в период пандемии: вопросы теории и практики // Вестник Удмуртского университета. – 2021. – Т. 31. Вып. 1. – С. 81 – 89.
182. Желтобрюхов С.П. Продолжение реформирования уголовного судопроизводства – необходимый шаг к быстрому рассмотрению дел // Российская юстиция. – 2010. – № 5. – С. 44 – 48.
183. Заславнов Д.А. Отличия правдивой информации от лживой в современных СМИ // Russian Linguistic Bulletin. – 2022. – № 4 (32). – URL: <https://rulb.org/archive/4-32-2022-august/10.18454/RULB.2022.32.1?ysclid=lpn0934yugx408894203>.
184. Иванчин А.В., Смоляков А.Н. Кража и компьютерное мошенничество, совершенные с банковского счета или в отношении электронных денежных средств: проблемы дифференциации ответственности // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (53). – С. 50-55.
185. Казаков Д.И. Идеализированные представления о правде и лжи как проблема современного общества // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – Т. XIV. – Вып. 3. – С. 75 – 79.
186. Капинус О.С., Додонов В.Н. Ответственность за изнасилование по

УК стран ближнего и дальнего зарубежья // Капинус О. С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей. М.: Буквовед, 2008. С. 213 – 230.

187. Касавин И.Т. Критика групповых убеждений: дискуссия с Дженнифер Лэки // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 50. – № 4. – С. 63 – 73.

188. Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. – 2020. – № 5. – С. 41 – 44.

189. Кожевникова М.Н. Феномен самообмана и проблема человеческой зрелости // Человек. – 2021. – Т. 32. – № 4. – С. 132 – 148.

190. Креховец А.В., Никифорова А.А. Новые направления криминализации в уголовном законодательстве зарубежных стран в условиях Covid -19 // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIX Международной научно-практической конференции. – М.: Блок-Принт, 2022. – С. 215 – 219.

191. Кудрявцев В.Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советское государство и право. – 1957. – № 8. – С. 60 – 69.

192. Курсаев А.В. Мошенничество с обманом в цене // Право: история и современность. – 2022. – Т. 6. – № 1. – С. 61 – 74.

193. Курсаев А.В. Неверная экспертная оценка стоимости имущества как разновидность мошенничества с обманом в цене // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – С. 555 – 560.

194. Лавринов В.В. Проблемные вопросы квалификации изготовления и использования подложного сертификата о вакцинации от COVID-19 // Криминалистика. – 2022. – № 3 (40). – С. 15 – 21.

195. Левандовская М.Г. Общественно-значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. – М.: РГ-Пресс, 2021. – С. 177 – 181.

196. Ленец А.В. Отечественные и зарубежные теории лжи и речевого обмана // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 26. – С. 79 – 87.
197. Ленец А.В. Структура и функции лжи с позиции лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 7. – С. 15 – 19.
198. Малышева Ю.Ю. Обман как способ совершения мошенничества в сфере компьютерной информации // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 19. – С. 126 – 128.
199. Марченко Д.А. Проблемы регулирования правоотношений в сфере общественного порядка и общественной безопасности // Законность. – 2021. – № 8. – С. 53 – 55.
200. Машинникова Н.О. Понятие обмана в уголовном законодательстве России: сравнительно-правовой аспект // Вестник Удмуртского университета. – 2018. – Т. 28. – № 3. – С. 428 – 436.
201. Медведев Е.В. Ответственность за ложь по российскому уголовному законодательству // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 125 – 126.
202. Мелешко Д.А. Уголовно-правовая оценка доведения до самоубийства лица, находящегося в беспомощном состоянии // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 4 (54). – С. 126 – 129.
203. Милюков С.Ф. Криминологические хроники времен пандемии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2. – С. 13 – 18.
204. Ображиев К.В. Мошенническое приобретение обязательственных прав имущественного характера: проблемы квалификации // Уголовный процесс. – 2020. – № 7. – С. 60-67.
205. Ображиев К.В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. – 2022. – № 2. – С. 71-87.

206. Ображиев К.В., Шуйский А.С. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2009. – № 12. – С. 116 – 122.
207. Потапенко С.В. Факты и мнения в делах о защите чести // *Российская юстиция.* – 2001. – № 7. – С. 28 – 29.
208. Прошляков А., Пушкарев А. Заочное судебное разбирательство и обратная сила уголовного закона // *Уголовное право.* – 2007. – № 3. – С. 126 – 128.
209. Рогова Е.В. Правила построения квалифицирующих и привилегированных признаков состава преступления // *Пробелы в российском законодательстве.* – 2013. – № 5. – С. 172 – 178.
210. Сергеев В.И. Обман в предпринимательской деятельности. История вопроса и понятие // *Юрист.* – 2001. – № 11. – С. 26 – 30.
211. Скрипник А. К проблеме лжи в этике И. Канта // *Логос.* – 2008. – № 5 (68). – С. 188 – 195.
212. Смолин С.В. Социальная обусловленность криминализации преступного использования лжи, обмана и злоупотребления доверием // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права.* – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 126 – 137.
213. Сулопаров А.В. Соответствие норм Уголовного кодекса России принципу единства и определенности терминологии на примере терминов «информация», «сведения», «данные» // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2017. – № 11. – С. 94 – 98.
214. Трахов А.И., Бешукова З.М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207¹ и 207² УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности // *Теория и практика общественного развития.* – 2020. – № 6 (148). – С. 78 – 82.
215. Ходасевич О.Н. Определение понятия тактической оперативно-розыскной инсценировки // *Правопорядок: история, теория, практика.* – 2014. – № 2 (3). – С. 155 – 159.

216. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. – 2017. – № 6. – С. 78 – 83.

217. Чекушкина Е.Н. Этико-философский аспект функций феномена обмана // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2008. – № 7. – С. 74 – 78.

218. Яни П.С. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Законность. – 2017. – № 11. – С. 33 – 37.

219. Яни П.С. Использование служебного положения при хищении вверенного имущества // Законность. – 2010. – № 3. – С. 15 – 19.

220. Яцеленко Б.В., Гуйва О.А. Обман как способ совершения преступлений в сфере экономической деятельности и уголовный закон // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 3. – С. 30 – 40.

221. Яцеленко Б.В. Способ совершения преступления в уголовном праве // Вестник Российской правовой академии. – 2011. – № 4. – С. 77 – 81.

222. Macintyre A. Truthfulness and Lies: What can We Learn from Kant? // Macintyre A. Ethics and Politics: Selected Essays. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, (2006) / Access via: <https://search.ebscohost.com>.

223. Harris D. Deepfakes: False pornography is here and the law cannot protect you // 17 Duke Law & Technology Review. 99-127 (2019) / Access via: <https://search.ebscohost.com>.

224. Julia K. Wood, Truth, Lies, and Stolen Valor: A Case for Protecting False Statements of Fact Under the First Amendment // 61 Duke Law Journal. 469-510 (2011) / Access via: <https://search.ebscohost.com>.

225. Jack Langa. Deepfakes, real consequences: crafting legislation to combat threats posed by deepfakes // 101 Boston university law review. 761-801 (2021) / Access via: <https://search.ebscohost.com>.

226. Natalie Lussier. Nonconsensual deepfakes: detecting and regulating this rising threat to privacy // 58 Idaho law review. 352-382 (2022) / Access via: <https://search.ebscohost.com>.

227. Francesco Stellin Sturino. Deepfakes technology and individual rights // 49 Social Theory and Practice. 161-187 (2023) / Access via: <https://search.ebsco-host.com>.

228. Bryan H. Druzin, Jessica Li. The criminalization of lying: under what circumstances, if any, should lies be made criminal? // The Journal of Criminal Law & Criminology. Vol 101. № 2. (2011) P. 529-573.

Иные источники и электронные ресурсы

229. Достоевский Ф.М. Нечто о вранье // Дневник писателя. М., 1989.

230. Толстой Л.Н. Воскресение: роман. М.: Издательство АСТ, 2021.

231. План деятельности Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций на 2023 год», «Показатели деятельности Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций на 2023 год») (утв. Минцифры России 26.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

232. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952. / сост.: проф. А.А. Герцензон; под ред. [и с предисл.] проф. И.Т. Голякова. – М.: Госюриздат, 1953.

233. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов / Федер. служба контрразведки РФ; Академия федер. службы контрразведки РФ; рук. группы авт.-сост. В. П. Ямпольский. – М.: Русь, 2000. – Т. 2, кн. 1: Начало 22 июня–31 августа 1941 г.–717 с.; Т. 2. Кн. 2: Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 г.

234. Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 18.12.2020 г. № 4-ВС-6857/20 «На проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 183 и 320 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

235. Проект Федерального закона № 1112804-7 «О внесении изменений в статьи 183 и 320 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 16.02.2021) // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

236. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник», 18 июня 2023 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95% не превышает 2,5% // Нужно доверять друг другу! Или нет? / ВЦИОМ, 29 июня 2023 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nuzhno-doverjat-drug-drugu-ili-net>.

237. Путин заявил, что Запад использует пропаганду по заветам Геббельса // ТАСС, 30 сентября 2022 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/politika/15921337?ysclid=lo36tmm8k6116129393>.

238. Хакеры разместили на сайте тюменского правительства ложный документ о воссоединении Белоруссии и РФ / [Электронный ресурс] // URL: <https://tmn.sm.news/xakery-vzломali-sajt-pravitelstva-tyumenskoj-oblasti-i-razmestili-lozhnyj-dokument-71522/?ysclid=lfr8qp0ots168110007>.

239. Неизвестные взломали сайт Заксобрания Красноярского края и разместили на нем фейковую информацию / [Электронный ресурс] // URL: <https://krasnoyarsk.bezformata.com/listnews/neizvestnie-vzломali-sajt-zaksobraniya/105039889/?ysclid=lfr8vb5dzd85289437>.

240. Хакеры взломали сайт администрации города Пскова и разместили ложную информацию о потерях дивизии в Украине / [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mk-pskov.ru/social/2022/04/27/khakery-vzломali-sajt-administracii-goroda-pskova-i-razmestili-lozhnuyu-informaciyu-o-poteryakh-divizii-v-ukraine.html?ysclid=lfr8yo9zk0598775546>.

241. Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением нового коронавируса (2019-nCoV): мифы и ложные представления // Всемирная организация здравоохранения. 23.11.2020. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/myth-busters>.

242. Специалисты из COVID19MisInfo.org изучили более 2300 фейковых сообщений о Covid-19 / [Электронный ресурс] // URL:

<https://www.covid19misinfo.org>.

243. Stupp C. Fraudsters Used Ai to Mimic CEO's Voice in Unusual Cyber-crime Case // The Wall Street Journal. 30.08.2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/fraudsters-use-ai-to-mimic-ceos-voice-in-unusual-cybercrime-case-11567157402>.

244. Cole, Samantha. 2018. Twitter Is the Latest Platform to Ban AI-Generated Porn, Motherboard (Tech by Vice), February 6 // https://www.vice.com/en_us/article/ywqgab/twitter-bans-deepfakes.

245. Cole, Samantha. 2020. What Are Deepfakes? The Real Implications of Fake Porn. // <https://www.youtube.com/watch?v=FqzE6NOTM0g&feature=youtu.be>.

246. Hungary Seeks Power to Jail Journalists over «False Information» in COVID-19 Coverage, Council of Europe Platform Alert No. 30/2020, 23 March 2020. For detailed analysis, see Hungarian Helsinki committee, «Background note on act XII of 2020 on the containment of the COVID-19», 31 March 2020: https://www.helsinki.hu/wp-content/uploads/HHC_background_note_Authorization_Act_31032020.pdf.

247. David Gilbert, Facebook Refuses to Remove Deepfakes of Zuckerberg, Trump and Kardashian, VICE NEWS (June 12, 2019), https://www.vice.com/en_us/article/9kxgj3/facebook-refuses-to-remove-deep-fakes-of-zuckerberg-trump-and-kardashian.

248. [Электронный ресурс] // URL: https://www.euractiv.com/section/all/short_news/romania-shuts-down-websites-with-fake-covid-19-news/.

249. [Электронный ресурс] // URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/202004/43258rg11098gon480s.pdf

250. [Электронный ресурс] // URL: <https://balkaninsight.com/2020/02/24/albania-prosecutors-open-investigation-over-corona-virus-panic-spreading-information/>.

251. Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.duma.gov.ru>.

252. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru>.

253. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: <http://genproc.gov.ru>.

254. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.sledcom.ru>.

255. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: <https://mvd.ru>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сведения о проведенном социологическом исследовании (анкетирование)

Методика проведения: анкетирование осуществлялось по заранее разработанной анкете. Опросные листы предоставлялись опрашиваемым лично, а также посредством ссылки на анкету, оформленную с использованием сервиса «YandexForms». Бумажные опросные листы и передаваемые по ссылке являлись идентичными.

Результаты анкетирования непосредственно изучались и обобщались диссертантом; автоматизированные средства анализа были задействованы при обработке результатов, полученных дистанционным способом.

Период проведения исследования: 1 октября 2022 г. – 1 октября 2023 г.

География проведения исследования: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, Волгоградская область, Воронежская область, Липецкая область, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край.

Сведения об анкетированных: всего 235 (состав: 55 судей, 35 прокуроров и их помощников, 50 представителей органов предварительного расследования, 30 адвокатов, 65 кандидатов и докторов юридических наук по основным теоретическим и практическим вопросам, связанным с уголовно-правовым значением обмана).

Примечание: полученные результаты социологического исследования (приведены по тексту диссертации) были округлены до целого значения; 14 анкет были получены с частичным заполнением ответов на поставленные вопросы либо с не читаемыми ответами и не были учтены при подсчете результатов социологического исследования.

АНКЕТА

Уважаемый респондент, прежде всего, позвольте поблагодарить Вас за участие в анкетировании!

Ваши ответы обязательно будут учтены и окажут неоценимую помощь в проведении исследования, посвященного уголовно-правовому значению обмана.

Анкетирование является анонимным и не займет много времени.

1. Укажите, пожалуйста, Вашу профессиональную принадлежность (судья, следователь, прокурор, адвокат, преподаватель и др.)?			
_____			
2. Обманывали ли Вы?			
Да		Нет	
100%		0%	
3. Обманывали ли Вас?			
Да		Нет	
100%		0%	
4. Как Вы относитесь к обману?			
Абсолютно не приемлю.	Негативно, но допускаю его как возможное поведение	Безразлично	Позитивно, не вижу в этом ничего плохого.
24%	72%	4%	0%
5. Согласны ли Вы с тем, что критерий наличия истинного знания принципиально важен при установлении уголовно-правового запрета за распространение ложных сообщений и практики его реализации. Криминализация распространения информации, проверка которой на достоверность имеет непреодолимые препятствия, чревата негативными последствиями. Подобная норма уголовного закона изначально будет противоречить принципу законности в части требования определенности правового предписания?			
Да		Нет	
100%		0%	
6. Согласны ли Вы с тем, что об обмане в уголовно-правовом значении нельзя говорить в том случае, когда распространяемая неправда имеет форму аллегории, иронии, шутки и т.п., то есть когда она выполняет не информационную, а коммуникативную функцию?			
Да		Нет	
82%		18%	

7. Согласны ли Вы со следующим определением пределов преступного обмана – ограничения, устанавливаемые на уровне действующего законодательства, вырабатываемые актами судебного толкования либо доктриной уголовного права, определяющие допустимость признания обмана способом совершения преступления либо самостоятельным преступлением?	
Да	Нет
41%	59%
8. Согласны ли Вы, что в отдельных случаях обман может быть легальным и даже охраняемым уголовным законом?	
Да	Нет
75%	25%
9. Могут ли быть объектом обмана оценочные суждения?	
Да	Нет
10%	90%
10. С точки зрения уголовного закона могут ли быть объектом обмана религиозные убеждения лица?	
Да	Нет
17%	83%
11. Согласны ли Вы с предложением о целесообразности выделения обмана как отягчающего обстоятельства в составах со специальным субъектом, где механизм посягательства связан с системой отношений, основанных на доверии (ст. 201, 202, 285, 285¹, 285² УК РФ и др.).	
Да	Нет
75%	25%
12. В настоящее время активно обсуждается проблема распространения deepfake-контента. От таких материалов ежедневно страдают не только артисты или политики, но и обычные граждане. В связи с этим поддерживаете ли Вы выделение новой конструкции отягчающего обстоятельства / квалифицирующего признака в системе индивидуализации / дифференциации уголовной ответственности: «с использованием поддельных аудиовизуальных материалов, имитирующих биометрические данные другого человека»?	
Да	Нет
68%	32%
13. Считаете ли Вы возможным совершение изнасилования (в широком смысле – как полового акта без согласия потерпевшей) путем обмана (в личности, намерениях, иных обстоятельствах)?	
Да	Нет
21%	79%
14. Считаете ли Вы возможным совершение мошенничества путем обмана в цене товара, услуги и т.п.?	

Да	Нет	
45%	55%	
<p>15. Поддерживаете ли Вы предложение в порядке <i>de lege ferenda</i> дополнить ст. 207¹ УК РФ, ст. 207³ УК РФ и ст. 280³ УК РФ квалифицирующим признаков в редакции: «в средствах массовой информации или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».</p>		
Да	Нет	
84%	16%	
<p>16. Поддерживаете ли Вы решение об изложении ст. 207² УК РФ в следующей редакции: «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, если это деяние совершено неоднократно». В структуре ст. 207² УК РФ предусмотреть примечание: «Публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, совершенным лицом неоднократно, признается распространение, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней»?</p>		
Да	Нет	
73%	27%	
<p>17. Поддерживаете ли Вы решение об исключении указания в ч. 4 ст. 303 УК РФ на специальную цель с изложением ее в следующей редакции: «Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий»?</p>		
Да	Нет	
67%	33%	
<p>18. Поддерживаете ли Вы решение изложить ч. 5 ст. 247 УПК РФ в следующей редакции: «В исключительных случаях судебное разбирательство может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу».</p>		
Да	Нет	Иное
43%	29%	28%